63.3(5Каз-4Кф)
В 48

Сергей Виниченко

Листая старые страницы

Сергей Виниченко

Листая старые страницы

записки краеведа

2014

Об авторе

Сергей Виниченко на протяжении многих лет исследует родной край. Этот человек захватывает сразу, располагает к себе искренностью и эмоциональностью. Ему дорого каждое обнаруженное свидетельство, он находит необъяснимое обаяние духа ушедшего времени, которое приходит к тебе всякий раз, когда читаешь написанное краеведом. Не сразу можно охватить все содержание его книг, да и каждую из них «наскоком» не одолеть, нужно долгое вдумчивое чтение, многократно повторяемое, с частым возвращением к началу, все более глубоким погружением в сложное и противоречивое время. Чтение сопровождается переворачиванием целых пластов твоего сознания, изменяя представление о прошедшем времени, причем в такой степени, что меняет едва ли не все мироощущение читателя.

Стародуб Валерий Васильевич, краевед,
лауреат премии «Культурное наследие».

Память противостоит уничтожающей силе времени.
Лихачев Д.С.

Посвящение

Стремительно бегущее время все дальше отодвигает от современников череду прошлых лет, складывая дни в годы, годы в десятилетия и века. Ничто не властно над этой круговертью, не в силах человек вернуть даже секунду минувшего. Прошлое застывает в камне, в изделиях мастеров, в бытовых вещах, в старинных портретных снимках. Тяжелая неумолимость времени чувствуется в полураспаханных тысячелетних степных курганах, в весенней траве, проросшей сквозь прах погибшего за Родину солдата, она проникает в душу, пахнув сырой землей из квадрата раскопа на старом лежаке. Встреча с прошлым не оставляет путника равнодушным, хотя бы и видит он «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно»(1 Кор.13,12), но попытка его вернуть небольшую частицу ушедшего достойна уважения.

Книгу, ставшую логическим продолжением ранее опубликованных книг, автор посвящает своим замечательным друзьям – поисковикам, и тем, кто идет этим путем всю свою сознательную жизнь. В этом немалом ряду писатели, краеведы, историки и журналисты: А.И.Дедов, В.В.Стародуб, Н.А.Еремин, Э.В.Крейтер, О.Г.Шилов, Г.М.Абрамова, О.А.Винокуров, С.Б.Игнашков, Ю.А.Сафронов, А.Козыбаев, С.Ф.Шатилов, О.В.Сергиенко. Благодаря их подвижническому труду не прерывается связь времен, живет память …

Особую благодарность автор выражает Николаю Дмитриевичу Виниченко и Олегу Геннадьевичу Шилову за поддержку при подготовке книги к изданию.

О чем молчат пушки

За зданием Костанайского областного краеведческого музея есть небольшой уютный дворик. В квадрате кирпичных стен посетитель присядет отдохнуть на скамью возле чугунных пушек, никому уже не угрожающих. Человек любознательный, наверное, задаст себе вопрос о том, когда и где применяли такое оружие и как получилось, что пушки на полтора столетия старше города Костаная. Попробуем хотя бы вкратце прояснить данное обстоятельство для людей, проявляющих интерес к истории Отечества.

Историческая встреча в Зауралье

Ответ на поставленный вопрос таится в документах середины XVIII века, разбросанных по архивам Казахстана и России.

К 40-м годам названного столетия Российская империя активно продвигалась на юг. Как и положено для военно-хозяйственной колонизации, вначале на определенный рубеж выдвигались военные, а несколько позже открывался клапан для широкого крестьянского переселения.

Вопросы дальнейшего продвижения России на юг широко обсуждались на встрече двух высокопоставленных особ 17 марта 1744 года в зауральском городке Шадринске. Здесь встретились сибирский и оренбургский губернаторы А.М.Сухарев и И.И.Неплюев, хозяева огромных пространств за Каменным поясом.

На встрече говорилось о насущных для России вопросах обороны южных границ Сибири в условиях джунгарской агрессии. Итогом стало решение о создании южного щита - постройки линии крепостей и редутов в лесостепи от Тобола до Иртыша. Даже беглого взгляда на карту становится понятно, насколько трудным было реализовать это решение. Огромные неизведанные пространства, отсутствие детального изучения местности, малочисленность работоспособного населения, жесткие климатические условия, напряженные отношения с кочевавшими ка-

захскими родами Среднего жуза – ничто не могло остановить начало военно-хозяйственной колонизации края.

Строительство Новошимской линии

В 1745 году командующему линиями генералу Теофилу фон Киндерману предложено весной, "как в степи появится корм для лошадей", самому выехать для разведки и установить "какой способнейший и ближайший той линии путь найти можно". Сенат генералу предлагал "накрепко смотреть, чтоб настоящих сибирских нужных и угодных мест за линиею не осталось, напротив же того и внутрь киргизских земель не вдаваться, чтобы тем не подать им причины к претензии, а паче к возмущению".

Киндерман с большой группой офицеров и топографов проехал по линии намечаемых проектов и нашел, что наиболее удачный проект возведения крепостей и редутов на запад от Омской крепости вдоль Камышловских горько-соленых озер и далее через реку Ишим до Тобола, до урочища Звериная голова Оренбургской линии. Линия же через Коркину слободу "весьма кривовата, - писал Киндерман, - и многие рыбные, зверовые, пашенные земли, сенокосы останутся за линией". Линия же вдоль Камышловки будет прямее и "расстояние убудет". Севернее линии можно "крестьян селить, яко тут к хлебопашеству места удобные и всякими угодиями издоволены".

Строительство началось весной 1752 года. Полки продвигались от Тобола к Ишиму, оставляя гарнизоны на крутых берегах огромных пресных и соленых озер.

Осенью на новостроящуюся линию со старой Ишимской потянулись по бездорожью обозы, везущие артиллерию: медные и чугунные пушки, ядра, картечь, фитили. Холод и дождливый октябрь заставили временно прекратить строительство. Основная часть гарнизонов крепостей выступили на зимние квартиры, в укреплениях были оставлены драгуны и казаки. Крепость Пресногорьковская получила свое название от двух больших озер, между которыми была заложена 13 июля.

Первопоселенцев привлекла возвышенность, господствовавшая над местностью, крутой, обрывистый берег над пресным озером и сосновый бор, полумесяцем охвативший с южной сто-

роны Горькое озеро. В его огромной чаше, прямо на южном берегу, были построены жилые дома, о чем свидетельствуют многочисленные находки в песке-остатки фундаментов, монеты, фрагменты старинного ружья с бронзовыми накладками, огромное количество керамических фрагментов. Микролиты, наконечники стрел, обломки ножей и копий говорят о том, что на берегу Пресного озера в древние времена располагалась стоянка первобытных людей. Возвышенность с южной и северной сторон защищали два глубоких, наполненных водой, лога. Они являлись естественным препятствием для конницы. Чуть позже, восточнее крепостных валов в сторону леса Маяк, был вырыт широкий ров на самом узком месте перешейка между озерами. Ретраншемент – ров и вал, защищали слободу с востока. Севернее озера Горького - березовый колок, в XIX веке получивший название «Салотопник», с западной стороны почти до церковной ограды росли могучие березы Лазаретника. Еще западнее, влево по тракту на редут Пресный в урочище Татарском, жили в шалашах служилые башкиры, числом 40-50 человек, несшие тяготы годичной службы на линии. Командовал ими сотник. Свои жилища башкиры хорошо утепляли и зимовали в них.

К тому времени в крепости находились драгуны и гренадеры армейских полков. Кроме строительства, они упражнялись в воинских дисциплинах. Драгуны были людьми бывалыми – царская служба тогда длилась четверть века. Полки имели богатые боевые традиции со времен Северной войны со шведами.

Возле крепости расположилась слобода (форштадт), в которой жили казаки. Она и сформировала улицы современного села. С 1765 года началось возведение более мощных земляных укреплений. Ряд крепостей, в том числе и Пресногорьковская, стали восьмиугольными.

Иван Шухов о малой Родине

Много лет спустя известный казахстанский писатель, родившийся в Пресновке, Иван Шухов написал: « И навеки полюбились нам с вами: и бескрайные ковыльные степи, и волнующе мягкий и нежный рисунок смутно синеющих вдали березовых колков, и обнаженные вершины придорожных курганов, и

трубный клич поднявшихся на рассвете с воды лебедей, и ослепительно сияющие под полуденным солнцем, посолоневшие от жары озера». Поэтический образ нашей малой Родины носит в своем сердце каждый, кто родился и вырос в этих местах.

Условия жизни предков писателя были тяжелыми, особенно зимой. Лютые сибирские морозы, ураганные ветры, метели, огромные сугробы, которые накрывали жилые постройки, были привычными для казаков, но не для пришедших из центральных губерний России драгун и гренадер. Сообщение с северными слободами было сложным – не было дорог, связи. Юг был беспокоен, в одиночку покидать военные поселения было запрещено, все полевые работы проводились под охраной военных команд.

Постепенно формировался тракт, соединивший Троицкую крепость с Омской, ставший через сотню лет оживленной транспортной артерией с почтовой гоньбой и «ямами», широкой скотопрогонной дорогой рядом, по которой гнали огромные гурты скота на российские ярмарки. На карте 1801 года через Пресногорьковку на юг шел караванный путь на Бухару и Ташкент, проходя у Тобола примерно там, где сегодня расположен Костанай. Но это уже другая история…

Эпилог

Подводя итог, следует заметить, что за несколько лет строительства Российская империя, используя минимальные силы, вернее, колоссальное их напряжение, смогла сделать широкий шаг к началу военно-хозяйственной колонизации юго-восточных территорий империи.

С постройкой укреплений казахские кочевники лишились доступа к богатым земельным территориям, местам традиционного летнего кочевания в междуречье Иртыша, Есиля и Тобола. Земельный вопрос между казахами и новопоселенцами еще более обострился, он стал едва ли не главным на всем протяжении совместного проживания двух этносов, вплоть до большевистской земельно – водной реформы 1921 -1922 годов…

Вот о таких событиях давнего прошлого могут поведать старинные пушки Костанайского областного краеведческого музея. Они появились на свет в печах уральских заводов в 20-40 годах XVIII века, проделали путь на телегах до старой Ишимской линии, позже перекочевав на валы Пресногорьковских крепостей. Отсюда некогда грозное оружие и попало в экспозицию музея, чтобы мирно храниться среди цветочных клумб и удивлять любознательных посетителей. Этим экземплярам повезло - их собратья до сих пор лежат в фундаментах старых зданий на бывшей линии, откуда их иногда извлекают на свет потомки славных канониров.

Беглый взгляд

на современное состояние казачьего тракта Троицк - Петропавловск в пределах станицы Пресногорьковской с краткими историческими комментариями автора.

Описываемая автором местность представляет собой лесостепь с большим количеством пресно-соленых озер и многочисленными березовыми колками. Многие высохшие озера превратились в болота, окруженные березовым и осиновым лесом. Сосновый лес встречается на рассматриваемом участке в двух местах - между Крутояркой и Пресногорьковкой (Борок) и севернее поселка Камышловского (Лесхоз). Уровень воды в озерах постоянно меняется. По мнению Г.Н.Катанаева цикл высыхания и наполнения водоемов составляет 20 лет, старые казаки говорили об 11 летнем периоде, автор склонен принять второе утверждение, так как собственные наблюдения показывают, что цикл составляет 9-11 лет. Рассматриваемый участок имеет протяженность в 70 км от урочища Красный Столб до поселка Кабаний по бывшему казачьему тракту.

Урочище Красный столб – местность на границе Кустанайской области РК и Курганской области РФ. Название встречается в описях за 1767 год. Получила название от межевого столба, поставленного на границе Оренбургской и Тобольской губер-

ний. Эта межа делит также границы Оренбургского казачьего войска и Сибирского казачьего войска.

В августе 1891 года здесь состоялась встреча цесаревича Николая с конвоем оренбургских казаков, которые сопровождали поезд будущего императора до станицы Звериноголовской и далее по Уйской линии в Троицк. В урочище для праздничной встречи была установлена арка. Сегодня здесь проходит граница между Казахстаном и Россией. Перехода пограничного нет. На опушке стоит разрушающийся памятник убитому здесь в 1921 году белоказаками комсомольца Николая Дмитриева.

От урочища тракт петляет между колками через урочище Троники, мимо леса Мелентьева и Новокрещенского к озеру Старосибирскому (Моховое). Севернее озера за трактом - большой колок Фролов. Расстояние от границы до Мохового – около 2 км. На южной стороне озера расположены валы редута Сибирского, представляющий собой высокую земляную прямоугольную насыпь с еще глубокими рвами, поросшими крапивой и чертополохом. Сторона ровного прямоугольника длиной 100 метров. Ворота были сделаны на восточной стороне редута, со стороны тракта. Валы расположены довольно далеко от южного берега озера, на расстоянии в 150-200 м. По котловине озера видно, что когда-то вода подходила к северному валу. В аномально жаркое лето 2010 года озеро высохло практически полностью, лишь на середине остались лужи с зеленоватой водой. Редут был основан не ранее 1782 года и был перенесен в 1830-х годах на 4 км южнее из-за острой нехватки воды. Слобода строилась с западной стороны редута, монеты, найденные там С.Б.Игнашковым не старше указанного периода. Он считает, что были построены три линии домов, протянувшиеся от западного вала к лесу вдоль озера. Точное время основания редута неизвестно. В перечнях крепостей и редутов за 1752 -80 годы он не упоминается, появляется лишь в 1782 году, когда было проведено точное межевание границы с Оренбургской губернией. По мнению автора, изначально на месте редута располагался маяк, большое расстояние между Пещаным и Алабужским (22 км) необходимо было укрепить и обезопасить при набегах. П.Паллас

пишет в 1770 году, что между этими редутами есть зимовья, в которых живут лишь зимой для удобства проезжающих. В 1795 году при отражении нападения на редут Сибирский в руку был ранен будущий атаман СКЛВ Федор Карпович Набоков.

Через 4 км тракт выходит на поселок Пещаный, расположенный между двумя озерами Пресным и Большим. Редут когда-то располагался на западном берегу Пресного озера и был окружен сосновым лесом. Во время пугачевского восстания, летом 1774 года, сосны были уничтожены сильным пожаром. Хан Аблай таким образом попытался взять редут. На кладбище Пещаного братские захоронения времен гражданской войны. По документам и рассказам старожилов в одном захоронении находятся тела 85 убитых бойцов Егерского батальона ставки Колчака, которые ранеными были перевезены в Песчанку и убиты красноармейцами. Командовал батальоном П.С.Глудкин, погибший в 1922 году в Приморье.

Старинный тракт от Пещаного шел на восток между двумя большими озерами. На берегу озера Здорного справа от тракта не позднее 1846 года возник поселок Богоявленский, приписанный к казачьему войску. Между озером Кочуровым и Здорным в период Петропавловской операции были вырыты окопы, в которых оборонялись от наседавшей 35-й красной дивизии оренбургские казаки генерала Л.Н.Доможирова. Такие же окопы были вырыты по западному берегу Здорного. Тракт проходил мимо озера Пустого, на южном берегу которого существовал четырехугольный Пресновский (Пресный) редут, с 1752 по 1764 год. Автор сомневается, что последний был обнесен земляным валом, Из-за нехватки рабочей силы сделать это было невозможно, поэтому на месте поселения остались лишь бугры. В 1764 году из-за пересыхания озера редут упразднили. В рапорте поручика геодезии Вологодского драгунского полка Я.А.Уксусникова от 29 августа 1753 года говорится, что лесу на строение довольно, так как рядом растет сосновый бор. Тракт изменил направление в 1798 году, когда в 2 км южнее был основан казачий поселок Крутоярский у озера Серебряково. Во время гражданской войны у Крутоярского кладбища велись тяжелые бои.

Далее, на протяжении 12 км, тракт проложен по степи, южнее раскинулось большое займище, о котором пишет Г.Е.Катанаев. В него входят озера Жуково, Плитка, Диванчик, Горелка, большое Кочурово, болото Хорунжинское. У Пресногорьковской крепости тракт проходит севернее колка Татарского и одноименного озера. Название урочищу дал башкирский лагерь, в котором даже зимой в шалашах жили военные команды, присылаемые для охраны линии при императрице Екатерине Второй. Крепость Пресногорьковская была одной из 9 крупных крепостей линии, имела первоначально вид сжатого по бокам четырехугольника, а в 1774 году стала восьмиугольной, обнесена земляным валом. Расположена была между озер Пресным и Горьким, что и определили ее название. Летом, по словам Г.Н.Потанина, из – за жары в воздухе стоял «запах гнилаго откупореннаго яйца». Озеро Горькое было окружено сосновым лесом, впоследствии напрочь выпиленным для постройки укреплений и домов. За перешейком озер росла березовая роща, у которой был поставлен маяк, отчего роща получила то же название. В 2000-е годы лес был выпилен на дрова, поднимается молодая поросль из березы и кустарника. Надо сказать, что положение березовых рощ мало изменилось в сравнении с картами XVIII и XIX веков. Леса гибли в основном по причине пожара и вымокания, а последние десятилетия просто хищнически выпиливаются безо всякого контроля. Слева и справа от тракта на картах XIX века обозначены земельные участки - Кубрина сотника участок, Елгаштина подполковника участок, Едрилова сотника участок, Кизина войскового старшины участок, Бедрина сотника участок.

Тракт тянется еще 12 верст - до Камышловки. Справа и слева от него на значительном удалении (не менее километра) по гривам растет березовый лес. Дорога здесь лежит в котловине, вдоль нее залегли длинные озера Долгое и Большое Маркино. Лишь на половине пути слева, чуть ближе к столбовой дороге, виден березовый колок. На расстоянии 10,5 км от центра Пресногорьковки между озерами Маркино и Моховушкой с 1752 по 1764 год располагался редут Березовый, который постигла

участь редута Пресного. Лишь долгие поиски позволили обнаружить у огромной курьи, соединявшей некогда озера остатки кирпича, керамики, свидетелей давнего прошлого. Нынешняя умирающая Камышловка была основана на берегу Питного озера в 1798 году. В 2014 году ее исключили из списка населенных пунктов области, осталось лишь десять целых домов. Остатки тракта у Камышловской видны до сих пор. У Питного, где тракт подтапливался, заметны остатки бывшего моста. Когда – то тракт содержался в отличном состоянии – каждая семья обязана была три дня в году отработать на благоустройстве его. Стояли верстовые столбы, побеленные и покрашенные, дорога была ровной, и цесаревич в 1891 году был удивлен быстроте передвижения, о чем пишет полковник Н.А.Симонов, его сопровождавший. В 2 км от Камышловки тракт перерезала построенная во время целины ж\д Троебратное – Курган, переезд был срыт, в результате дорога на Преснорedутскую (ныне СКО) удлинилась на десяток км. К Драгунским лесам тракт тянется между озер Малым и Большим Ульевыми, названными по фамилии преснорedутского казака, имевшего здесь надел. В поле стоит красноzвездный обелиск, рядом с которым соседствует большой крест, поставленный в новейшее время кустанайскими казаками. В сентябре 1919 года здесь погибли 37 красноармейцев 311 полка 2-й бригады 35-й дивизии. На южной стороне Большого Ульева, называемого еще иначе Культурным, в 1921 -25 годах существовал хутор Культурный из 22 домов. В период НЭПа камышловичи пытались наладить новую жизнь, но не дотянули и до коллективизации. Со всех точек тракта от Пресногорьковки до Драгунских лесов на юге хорошо видна громада элеватора на месте хутора Троебратного, основанного в 1900 году тремя крестьянами из Нижней Алабуги Чмутовым, Папуловым и Ермаковым, живших очень дружно и поэтому так назвавшими свое поселение.

Через 4 км - Преснорedуть, на которую открывается замечательный вид с гребня – внизу озеро, за ним станица, родина знаменитого Сергея Воропаева, писавшего дневник в концлагере Ламсдорф. В нескольких км южнее, у села Песчанки, располо-

жены развалины женского монастыря(1896 – 1921). Души расстрелянных монахинь, по преданию, все еще бродят по окрестным лесам и полям. В 2 км от Песчанки, на изгибе дороги на Макарьевку высится большой курган. В романе Сабита Муканова «Школа жизни» он назван Сары-оба, желтый курган. По оценкам специалистов, могильник отнесен к V веку до нашей эры. Подобное захоронение находится в 4 км севернее села Казанки. На самом высоком месте насыпан курган, с которого открывается замечательный вид на долину, вокруг насыпи около сотни небольших курганов диаметром 2-2,5 м. Датировка могильника затруднена, возможен раннетюркский период. Продолжая тему курганов, необходимо отметить, что к западу от пос. Макарьевка (СКО) лежит озеро Могильное, на берегу которого большой курган и множество мелких. По рассказам местных жителей, над ним потрудились черные копатели – бугровщики. Тайно копали шурф в центр кургана, землю равномерно ровняли у подошвы насыпи и прикрывали соломой. Итог их работы известен лишь им самим.

Далее по тракту от Преснoредути лежит пос. Семиозерный и Кабаний. О последней писал еще Иоганн Фальк, участник академической экспедиции 1770 – х гг. Видимо, писал со слов Христофора Барданеса, т.к. сам по линии не ездил. Сегодня Кабань, как и остальные поселки западного фланга бывшего СКВ, постепенно угасает. Для станиц наибольшую опасность представляли пожары. Кабань в 1916 году выгорела вся, остались лишь несколько каменных домов, однако, постройки были выстроены заново в короткий срок. Семенной хлеб засыпали в амбары, обшитых листовым железом и поднятых над землей сваями. Амбары ставились за околицей.

В 1841 году по тракту в Омск проследовал известный путешественние Григорий Карелин. Он оставил любопытные впечатления о людях, проживающих в станицах: «От Звериноголовской поехали мы по сухой дороге на восток в отряд Алабужский, составляющий границу с Сибирью. Отсюда в 17 верстах первое поселение: редут Песчаный, чисто сибирский.

По сибирской линии нашли мы все другое: людей и средства. Казаки — народ видный, обученный, проворный и толковый; живут чрезвычайно опрятно, но, кажется, бедно. Достать решительно ничего нельзя. Неурожаи, падеж рогатого скота и беспрестанные, весьма дальние командировки казаков в новые округа (киргизские), верст за 800, 1000 и далее, истощили их средства. Прибавь к этому, что все станицы и крепости стоят не при текучих водах, а при озерах, которые в последние годы начали мелеть и даже местами до дна промерзали. Вся рыба погибла, а вода сделалась соленая и вонючая. Где можно было, прокопали колодцы; большею же частию довольствуются снежною водою, но ненадолго. Неминуемые болезни ожидают эту несчастную линию, которая вполне оправдывает свое название Горькой. По мнению моему, эти быстрые обмеления произошли от необыкновенного истребления лесов...».

Подводя итог вышеизложенному, автор констатирует тот факт, что некогда оживленная транспортная артерия Троицк - Омск, по которой осуществлялась почтовая гоньба, передвигались гурты скота на многочисленные ярмарки, и на которой располагались крупные населенные пункты, выросшие из военных крепостей и редутов, постепенно захирела и практически скончалась. Этот же процесс относится и к поселкам линии. Способствовали тому ряд факторов:

-постройка в конце 90-х годов XIX века Транссибирской магистрали связала Сибирь и Центральные губернии России и уменьшила в значительной степени грузопоток по казачьему тракту,

-строительство шоссейной дороги Кустанай – Петропавловск в середине 60-х годов.

Миграция населения в конце прошлого века окончательно покончила с трактом. Из всех старинных поселений, основанных в середине XVIII века, в плане социально – экономического развития удачно сложилась судьба двух крепостей – Пресновской и Святаго Петра (ныне районный и областной центры СКО). Недалеко то время, когда история этого региона будет прослеживаться лишь в документах и статотчетах архивов, а также в ра-

ботах современных исследователей края, как правило, природных сибирских казаков, Н.А.Еремина (Москва), С.М.Андреева (Омск), О.А.Винокурова (Москва) С.Ф.Шатилова (Воронеж), С.Б. Игнашкова (Петропавловск, СКО), замечательного прозаика А.И.Дедова (Курган), краеведа-историка Э.В.Крейтера (Германия). Каждый из них внес свой посильный вклад в изучение прошлого показанного участка Пресногорьковской линии.

О местоположении редута Березового

Летом 1746 года генерал – майор Христиан Теофил фон Киндерман, выполняя распоряжение Сената, лично осмотрел местность между Тоболом и Ишимом. Им были назначены на ландкарте места, где надлежало построить крепости, редуты и маяки Новой Сибирской линии, позже именуемой Новоишимской (Пресногорьковской).

Выбор места под военные поселения должен был отвечать определенным требованиям:

-расположение укреплений на расстоянии 10-12 верст друг от друга;

-высокое, сухое, водопойное место;

-наличие вблизи лесных колков.

Как правило, выбиралось дефиле озер - перешеек шириной от 200 до 400 саженей. Одно из озер обязательно должно было быть наполнено пресной водой.

Намеченные для строительства места соответствовали требованиям, но генерал не учел того факта, что для водоемов региона характерен 20-ти летний цикл, во время которого озера достигают огромных размеров, разливаясь из своих чаш, а потом могут высохнуть, превратившись в заросшее талом займище. К тому же, командир Степного корпуса проезжал здесь в «смочное» лето, когда озера напоминали разлившиеся реки.

Летом 1752 года, уже после кончины Киндермана, началось строительство линии. После указа 1764 года в нашем районе были «за близостию мест и горькостию воды» упразднены реду-

ты Пресный, Березовый, Семиозерный. Недостаток пресной воды стал главной причиной их исчезновения.

По Указу от 24 апреля 1798 года (18497) вновь были отстроены ряд форпостов:

..." На линиях Тобольской и Иртышской в открытых местах , способствующих Киргисцам входить для воровства внутрь границ заградить редутами на Тобольской при крепости Пресногорьковской - Преснокамышевским и Крутоярским , на Иртышской - Черемоховским; употреблять же к построениям в работу колодников , производя им сверх получаемого провианта и аммуниции в рабочие дни плакатныя деньги из фортификационной суммы по 2 копейки на день ."

Ряд историков считают, что их построили на местах старых поселений, однако, вернее то, что их заложили в другом месте, где они существуют и ныне.

На карте 1753 года(ф.ВУА,РГВИА РФ) редут Березов лежит между двумя озерами. Автору известно расстояние от восточного вала Пресногорьковской крепости(ныне аптека) до западного вала редута Березового – 10 верст 400 саженей(11км 500м),строго по «царской» дороге на восток . Расстояние это до середины перешейка озер Большое Маркино и Моховушка, где на высоком гребне предположительно 12 лет существовал редут Березов. На пашне обнаружены остатки старинного красного кирпича(видимо, от печей) и фрагменты керамики. Поиски металлоискателем ни к чему не привели. От указанного места до современного поселка Камышловка более 2 км.

В описях 1755 года говорится, что редут был обнесен заплотом в столбах, надолбами и рогатками. Построена башня над проезжими воротами. Следов глины нет, видимо, рва вокруг вырыто не было, либо он был неглубок. Из построек опись называет офицерскую светлицу, баню, конюшню с амбаром, казармы, пороховой погреб, провиантский амбар.

Гарнизон редута состоял из 34 человек (порутчик, каптенармус, капрал, барабанщиков 2,драгун 27, извозчик, денщик).,лошадей - 51. Этими силами строился редут. Драгуны слжили в Вологодском драгунском полку.

Непонятно происхождение названия редута. Березового леса поблизости – только колок в сторону Пресногорьковской километрах в 3-х, остальной лес еще дальше. Пашня после упразднения редута использовалась казаками под посев (уже в описи 1767 года пашня называется «у бывшаго редута Березовага », отведена на новоприбывших).

25 февраля 1833 г. командир первого казачьего полка сотник Киниженцев обратился в войсковую канцелярию с просьбой рассмотреть прошение жителей редута Преснокамышловского. В своём прошении казаки писали, что их редут был основан в 1797 г, когда их было ещё мало, но с зачислением в 1798 г. малолеток в ряды казачества и прибытием некоторых из них в редут Преснокамышловский численность населения возросла и сейчас состоит из: "служащих чинов-102 чел., уволенных от службы-16, малолетних детей разного возраста-60, а всего 178 чел., у коих домов-62".

При заселении в окрестностях редута "удобств" было вполне достаточно, теперь же озеро, из которого брали воду и поили скот, стало мелеть, зарастать камышами, вода застаивалась и зимой становилась совершенно непригодной не только для людей, но и для скота. Выкопанные жителями колодцы давали такую же негодную в пищу воду, поэтому пользовались "таянием льду и снегу". Для скотины же возили воду с расположенных в 4-х верстах озёр Ульевых-Большого и Малого, Сюда, к этим озёрам, и хотели переселиться казаки, на что и испрашивали разрешения. Все затраты по переселению казаки брали на себя и просили только годичного освобождения от службы.

Никаких препятствий к положительному решению вопроса не встретилось, переселение состоялось в 1835 г. Так говорится в документе ГАОО.Ф.67.Оп.1.Д.266.Л.2; Л.13-25.

Однако, по неизвестным причинам, переселение не состоялось. На Ульевых озерах был хутор, существовавший с 1922 по 1928 год, на южном берегу Большого Ульева.Назывался он Культурным и исчез вместе с кончиной НЭполитики.

Исследования проведены Виниченко С.Н. и Виниченко В.Н.(м/д) в июне 2013 года.

По документам Тобольского архива…

Однажды, перед началом службы в храме Пресногорьковки, ко мне подошла седая старушка и заговорила со мной. «Знаете, Сергей Николаевич, мне сон недавно приснился, будто нахожусь я в нашей церкви на утренней службе, а вокруг люди в старинных одеждах, а молитвы читает батюшка, зовут которого отец Герасим…». Об этом давнем разговоре вспомнилось мне, когда я стал серьезно заниматься историей православных приходов на Пресногорьковской линии.

В «смочное» лето 1746 года полевая команда во главе с командиром Сибирского корпуса генерал - маиором Теофилом фон Киндерманом совершила экспедицию вдоль линии горько-соленых озер от урочища Звериная Голова на реке Тобол до крепости Омской. Целью экспедиции был поиск наиболее удобных мест для строительства крепостей новой линии. Киндерман сам «поназначил» место строительства крепости Пресногорьковской на перешейке между Горьким и Пресным озерами.

Возведение новых укреплений началось в июне 1752 года. В гарнизонных списках того времени значится поп. В Пресногорьковской была построена небольшая часовня, в которой служил полковой священник. В 1759 году начальник Тобольной линии командир Троицкого драгунского полка полковник Алексей Бехтеев сообщал, что на 5 крепостей и 14 редутов нет ни одной церкви и просил командира Степного корпуса генерала Шпрингера помочь в постройке церквей в трех крепостях – Пресногорьковской, Кабаньей и Сенжарской. «По всей же Тобольной линии имеется только одна, в полку Троицком, полковая церковь, при которой полковой священник один же при штапе в Пресногорьковской крепости находится». Основанием для просьбы послужила большая удаленность слобод и деревень от новозаложенной линии и рост населения в самих укреплениях.

Драгуны, ушедшие в отставку, селились рядом с крепостями и редутами в слободах и обзаводились семьями. Выписные казаки вынуждены были привозить семьи из ранее обжитых мест на Исети и северных слобод. За дальностью расстояний и отсутствием священника, который вынужден был часто отлучаться в командировки по линии, поэтому «многие люди умирают без покаяния и погребаются без священника». Об этом пишет 13 августа 1765 года и генерал Шпрингер в Тобольскую духовную консисторию митрополиту Павлу: «...полковой священник для церковных треб недели по две и по три по всем тамошним крепостям и редутам отлучается, то между тем, как раждающиеся младенцы без крещения и молитвы долговременно пребывают, а другие по болезням и умирают, так и для исповеди и погребения умерших. Пресногорьковские жители по неимению вблизости церквей Божиих и отверженными себя находят».

В военных поселениях западного фланга Тобольской дистанции Пресногорьковской линии проживали: крепость Пресногорьковская -148 муж, 121 жен, 65 дворов, крепость Кабанья – 92 муж, 88 жен, 40 дворов, редут Пресногорьковский – 31 муж, 28 жен, 15 дворов, редут Пещаный - 83 муж, 59 жен. 25 дворов. Всего 650 жителей.

Жители крепостей Пресногорьковской, Кабаньей, Пресновской и редутов Пещаного и Пресногорьковского собрали подписи под прошением генерал-маиору Петру Андреевичу Девицу о скорейшем начале строительства церкви Божией во имя Чудотворца Николая, за незнанием грамоте руку под прошением приложили в Пресногорьковской отставной квартемистр Григорей Малышев и казачий атаман Василей Савин, в крепости Кабаньей отставного драгуна сын Кирила Пенков, в редуте Пресногорьковском отставной ротный квартемистр Василей Казанин, в редуте Пещаном отставного драгуна сын Михайло Дедов.

После получения благословения от владыки, начались переговоры со строителями. Возводить храм взялись подрядчики из Царевой слободы (ныне г.Курган). Руководил проектом протопресвитер Иосиф Антонов. Правда, в одном из документов сказано, что Царева слобода находится от Пресногорьковской в 30

верстах, что значительно ближе нежели Воскресенский заказ - 200 верст, Троицкий заказ – 270 верст, Челябинский – более 300. Автор письма, священник Никита Одинцов, либо сократил расстояние по незнанию, либо отметил расстояние от южной границы земель, принадлежащих слободе (здесь ныне расположен бывший казачий пикет Башкирский, РФ).

Однако, не все получилось так гладко, как это выглядело на пожелтевших от времени страницах старинных документов. В 1765 году генерал Иван Шпрингер, объехав всю линию, задумал грандиозный проект перестройки ряда крепостей. Четырехугольные крепости Пресногорьковскую, Кабанью, Пресновскую, Покровскую, Лебяжью, Полуденную было решено перестроить и значительно усилить, обнеся их глубокими валами и рвами. Вокруг крепостей планировалось построить рогатки и надолбы. Проект был одинаков для всех названных крепостей и в итоге представлял собой распластанную шестиконечную звезду, в основании которой был все тот же четырехугольник. Церкви и часовни было решено строить в центре крепости. Объективно, обнесенные земляными валами крепости сыграли важнейшую роль в период восстания Емельяна Пугачева(1773-1775 гг.). Пресногорьковскую крепость не сумел взять Таир-султан с тремя тысячами всадников, тогда как редут Пещаный, представлявший собой деревянное укрепление, был взят ханом Аблаем, ожидавшим подхода основных сил Пугачева в районе Звериноголовской крепости летом 1774 года.

В Пресногорьковской южный фас крепости выходил на северный обрывистый берег озера Пресного, сам берег был серьезной преградой для нападавших. Часовня, в которой служили полковые священники, располагалась у восточного деревянного заплота (в районе современной площади у аптеки). После решения о начале переноса крепости строительство церкви было отнесено на неопределенное время, хотя лес для постройки уже был завезен.

Все это время шла постоянная переписка между Тобольской духовной консисторией, штабом Сибирского корпуса в Омске, Ялуторовской канцелярией, Царевогородищенской канцелярией,

комендантами Пресногорьковской крепости Михайло Зайцовым и сменившим его Ерофеем Дегарригой. Умершего Шпрингера сменил на посту генерал Станиславский, а затем Иван Александрович Деколонг.

19 декабря 1768 года в Пресногорьковскую назначен для служения священник Герасим Родионов. Церковные требы он исполнял в оставшейся от Троицкого полка «построеной полковыми служителями древяной на все подобия (яко то паперть, трапеза с печью, церковь и олтарь) часовне, в коей всей того Троицкого полку полковая церковь в зимнее время была с иконостасом и святым престолом».

В августе 1769 года священник получил распоряжение Ялуторовского духовного правления не производить «свенчания браков», а всех желающих направлять в Утяцкую слободу и Низ-Чернавское село (ныне населенные пункты в Курганской области, РФ).

11 сентября 1770 года из крепости Пресногорьковской в Тобольную духовную консисторию был отправлен Пресногорьковской камандантской канцелярией «покорный репорт». В нем комендант Михайла Зайцов пишет, что по Табольной дистанции «довольное число отставных в заселении, между коими случаетца доволное число свадеб, поэтому существует необходимость венчать в часовне бывшего Троицкого полка «сделанной наподобие церкви».

К осени 1770 года все было готово для начала строительства и генерал Шпрингер в промемории в Тобольск 25 сентября просит дать «благословенную грамоту заказщику протопопу Федорову».

После кончины генерала (11 февраля 1771 года) возник вопрос о судьбе часовни. Заказщик, священник Андрей Топорков, пишет 2 апреля 1772 года из Ялуторовска епископу Тобольскому и сибирскому Варлааму в ответ на вопрос о переносе часовни из Пресногорьковской в Пресновскую: «камендант Михайла Зайцов словясно ему, священнику Родионову, объявлял яко б по представлениею его от главной их команды тое часовню перевести той же Тобольской линии в Пресновскую крепость, на

церковь же, а вместо тое в Пресногорьковской крепости вновь строить велено церковь и о заложении де той новой церкви повеление есть омскому протопопу Петру Федорову, токмо де еще не обложена».

Оказалось, что покойным генерал-поручиком Шпрингером была наложена резолюция «чтоб оную часовню из Пресногорьковской в Пресновскую перенесть, ежели пресногорьковский комендант согласится и той часовне в Пресногорьковской крепости быть надобности нет, и если Пресновской крепости жители за ту часовню заплату учинят». Не совсем понятна судьба часовни, была она увезена или нет – неясно. А вот церковь все же была построена в самом центре земляной крепости.

5 января 1774 года комендант Пресногорьковской крепости майор Ерофей Дегаррига написал нижайшее доношение епископу Варлааму: «По грамоте вашего преосвященства заложенная в крепости Пресногорьковской Омского заказа протопопом Петром Федоровым прошлого 772 года, июля 20 дня вновь Николаевская церковь строением окончена и вней иконостас новый сделан, и святые образа написаны, двои сосуды, одни сребряные, другие оловяные, воздухи, покровцы, напрестольная, также священническая одежды, книги и прочая церковная утварь вся к освящению приготовлена. Того ради Пресногорьковская комендантская канцелярия нижайше просит оную вновь построенную Николаевскую церковь освятить святым антиминсом, и для того освящения прислать протоиерея со священники из ближней к здешней крепости мест...».

5 июля 1774 года в Пресногорьковскую был привезен ящик с печатью (святой антиминс) Тобольской духовной консистории, подписанный на имя Ялуторовского заказщика протопопа Григорея Мухина. Из Низ-чернавского села для освящения церкви прибыли священник Алексий Серебренников и диакон Дмитрий Ивонин. 21 июля священник Герасим Родионов написал рапорт в Тобольск, что «вновь построенная в крепости Пресногорьковской во имя святителя Христова Николая Чудотворца церковь по благословенной Вашего преосвященства граммате, святым антиминсом по чиноположению церковному соборне июля 5

числа освящена. И по освящении в ней священнослужение происходит».

Так непросто и нескоро складывалась история постройки деревянной церкви в Пресногорьковке, простояла она недолго и в 1798 году была уничтожена огнем. В 1805 году на месте пожарища был построен каменный храм во имя Казанской Божией Матери.

В 1991 году в летнем приделе Святителя Николая во время строительных работ был обнаружен прах нестарого человека, погребенного в саване, захоронение было очень давним, явно старше каменного храма. Стоя на краю раскопа, я вновь вспомнил давний рассказ белой как снег старушки об отце Герасиме…

О запорожцах замолвим слово

С детских лет известны читателю колоритные гоголевские персонажи повести «Тарас Бульба». Запорожские казаки представляются нам одетыми в красные шаровары, затянутые кушаками, беспрерывно дымящие трубками-люльками. Их буйные бритые головы в незапамятные времена часто покоились на пиках у городских стен Речи Посполитой, наводя ужас на обывателей польских местечек запавшими глазницами. В 1770 году на дорогах Сибири появились этапы казаков - запорожцев, отправленных в изгнание после подавления Колиивщины, движения против засилья панской шляхты, в защиту веры православной. Казаки из отрядов Гонты, Швачки, Зализняка, Неживого оказались в крепостях и редутах Пресногорьковской укрепленной линии.

Командир Степного корпуса принял решение укрепить ими немногочисленные гарнизоны линии, повысить их боеспособность. Академик Иоганн Фальк, побывавший в наших краях в 1771 году, отмечал казаков в Пресновской крепости, говорящих по малороссийски и одетых по-турецки.

Анализ списков запорожцев (РГВА,1796 год) показал, что начальство активно использовало их боевой опыт в подавлении

пугачевского восстания, они служили сотниками, капралами, пятидесятниками.

«В 1773-1774 гг. в бывшем в Оренбургской губернии замешательстве в походах и сражениях были»:

Иван Пащенко, Николай Сничар, Осип Андреев, Степан Щербина, Никита Кузенко, Федор Таранов, Афанасей Белой, Иван Репин, ДенисНосов, Павел Бойко. Роман Маловец, Данило Волошко и Григорий Кротов были «поражены в грудь и правую руку копьем», а Корней Кравец ранен в левую руку пулей».

Казаки показали свой крутой нрав и в сибирских крепостях. Пащенко в 1785 году прогнан сквозь шпицрутены через 1000 человек 6 раз, Сничар 10 февраля 1773 года наказан плетьми за выдачу старой девки взамужество за беглого колодника Варгулина, Григорий Епищенко 12 апреля 1782 года за воровство бит тростьми, Семен Новицкой в 1780 году бит за разные воровства, Петр Кротов в октябре 1789 года по повелению генералитета наказан шпицрутенами 2000 раз, Денис Шестаков в 1777 году за сделанную киргисцами сатовку и за побег плетьми, в 1779 году за покражу у казаков лошадей плетьми, в 1782году за кражу у киргисцев лошадей плетьми, Осип Занков 11 июня 1788 года бит плетьми за побег, Василий Рытов 12 мая 1788 года был прогнан сквозь строй за кражу пяти мушкетов, Степан Беляев наказан плетьми 30 декабря 1781 года и перед командою тростьми. У многих казаков имелись на теле раны, нанесенные в прошлых сражениях. У Епищенко «на голове от конского бою рубец», Василий Грицков «во время схватки с киргизцами ранен в руку правую около локтя кольем от чего и знак», у Кротова «на правой ноге пониже колена рубец», у Ивана Гараки «нос порубан саблею и у правой руки средний палец крючком», Петр Бородавка имел «на правой щеке от посеку рубец», у Григория Герасимова на шее рубец, у Матвея Белого «на руке большой палец отрублен», Степан Щербина помечен рубцом «на правой щеке ниже рта», у казака Загороднева Никиты «от сабельного бою левая рука высохла, у левой ноги двух пальцев нет», у Саввы Паденко «на брюхе рубец», а у Ивана Хучева на голове 5 рубцов».

В крепостях запорожцы недолго ходили холостыми. В жены брали женщин из различных категорий населения: здесь дочери казаков, выходцы из деревень Курганской, Челябинской и Оренбургской слобод, женщины, присланные в Сибирь на поселение, дочери драгун Вологодского полка, были жены из Омска и Кургана, дочь священника из деревни Увалной, из Пермского наместничества, дочь крестьян из Колывани, солдатская дочь Омского батальона.

География прибывших на линию «женок» весьма обширна, но в основном это казачьи и драгунские дочери.

Прозвища казаков уже в конце XVIII века стали основой для фамилий их потомков. Потомки Заднепреца стали именоваться Зенепрецовыми, Бородавки-Бородавкиными, Негоды-Негодиными, Ротата-Ротатовыми, Тарана - Тарановыми и т.д. Носители малороссийских фамилий Кравченко, Колесниченко, Косенко, Горковенко именуются в документах «старинными» казаками и отнесены к старожильческому населению. В 1849-51 годах некоторые из них отправились в залинейные округа, открытые в Киргизской степи, в качестве инструкторов для обучения казачьей службе малороссов из-под Харькова и Полтавы.

Запорожцы составили чрезвычайно малую часть создаваемого Сибирского линейного казачьего войска (всего 138, по другим данным -140 человек), однако оставили значительный след в его истории. В заключении привожу интересный документ о прибытии на линию казаков – запорожцев.

1770 г., октября 19. – Рапорт командующего русскими войсками в Сибири генерал поручика И. Шпрингера к Военной коллегии с сообщением о размещении ссыльных запорожцев в крепостях Пресногорьковской укрепленной линии.

Из рапорта следует, что 10 августа генерал получил от сибирского губернатора Чичерина в котором последний « уведомлял что в присылке в Таболск на поселение есть до ста человек запорожских казаков сосланных за то, что они под предво дителст-

вом их атаманов Железняка и Жвачки ворвались знатным корпусом в Полшу и там причинили разорение, обнадеживая при том, что они весма нужны на линии». Шпрингер ответил согласием осмотреть запорожцев по прибытию их в Омск и определить в крепостные казаки «на вечное житие». В сентябре губернатор сообщил об определении «им в военную службу в баталионы в салдаты одиннатцать, в казаки шездесят один да тоболского ведомства при Кундунском Каштаке на поселение пятдесят девять, а всего сто тритцать один человек, да сверх того еще таковых же запорожцов девять, а всего сто сорок человек». В Омскую крепость направились 133 человека «за препровождением Луцкого драгунского полку ротного квартермистра Городничева с выдачею им казенного платья и обуви, да на путевой их до Омской крепости проход считая их ходу сто верст в пять дней и того на тритцать дней каждому мужеску и женску полу в день по одной копейке а всем сорок пять рублев шездесят копеек и з дачею ис тех поселщиков дватцати пяти человеком для домостроителства и хлебопашества по одной лошади, а пятидесят дву человеком по косе серпу, топору, и по одной паре сошников, которому квартермистру по данному указу велено будучи в пути тех запорожцов кормовыми денгами доволствовать каждого в день по одной копейке записывая в расход». Сибирская губернская канцелярия требовала отчета от губернатора о выделенных для запорожцев и их жен одежды, обуви и хлебопахотных инструментах. Для них требовали закупить по одной лошади в здешних местах «не дороже 5 рублев и не старше осьми лет». 14 октября Городничев прибыл в Омск со 138 казаками – запорожцами и они предстали перед генералом И.Шпрингером. После осмотра «велено оных запоросцов при-

числить в крепостныя казаки и распределить по новой линии где болше опасности от киргиз-кайсак настоит и жалованье денежнае и хлебное производить им против протчих казаков, сверх же того как по новой Таболной Ишимско и Тарской дистанциям болше от киргисцов шалости происходят нежели где инде по здешним линиям, то учинено мною о казаках росписание, по коему оной же Омской комендантской канцелярии велено распределить по той новой линии, а имянно в крепостях Святаго Петра как шестиуголной и Пресногорковской, яко в обоих сих крепостях комендантъ состоят по пятидесят, а в протчих крепостях по дватцать, в редутах по четырнатцати человек, одних рядовых казаков а старшинам их казачьим остатца постолкуж и при тех же местах как они прежде состояли, о чем Государственной военной коллегии сим в покорности моей доношу». РГВИА. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 131. – Л. 46, 46об., 47

Два дневника без комментариев

Историкам хорошо известны маршруты передвижения известных исследователей Казахстана. Поход Федора Набокова, прах которого покоится у стен Пресногорьковского храма, как не странно, мало освещен в печати. Автор раскрывает содержание двух дневников основных действующих лиц экпедиции.

В XIX веке началась планомерная многолетняя военно-хозяйственная колонизация центральных регионов Казахстана. Развивающаяся промышленность России требовала мощных источников сырья.

Рапорт майора Федора Набокова командиру сибирского корпуса Г.И.Глазенапу об открытии им богатых руд меди, свинца с серебром и золота на расстоянии от 200 до 700 верст к югу от Пресногорьковской крепости не был оставлен без внимания. В

1816 году организовали экспедицию в Степь, продолжительностью в пять месяцев. 26 января 1816 года Глазенап сообщил начальнику Колывано-Воскресенских заводов И. И. Элерсу о том, что "с наступлением весны предусматривается экспедиция в кочевья залинейных киргизов для обстоятельного открытия металлических руд, найденных там майором Набоковым", и просил командировать в Омскую крепость горных чиновников с материалами и рабочими людьми.

Выбор пал на бергшворена И. Шангина, прибывшего в Петропавловскую крепость из Алтая. Последний предложил выйти трем отрядам из крепостей-Пресногорьковской, Пресновской и Петропавловской и соединиться у озера Зеренды.

Шангин писал начальнику Колыванских заводов Ивану Ивановичу Элерсу: «апреля 26 числа инженеры-офицеры Баранов и Логинов выступили из крепости Петропавловской; первый в Пресногорьковскую, а второй в Пресновскую с прикомандированными к ним унтер-штейгером Сосниным и служителем - Бакитиным. Сам же я с унтер-шихтмейстером Ретивых н остальным количеством служивых выступил за границу под прикрытием 50 человек казаков 30-го числа и буду иметь направление к медному прииску при озере Зеренда в 300 верстах от Петропавловской, где через 3 дня должен соединиться инженер-поручик Бураков с отрядом майора Набокова.

По некоторой разведке сего прииска, перейдя Бухарскую дорогу, отправимся к горам Кокчетау в вершины Ишима на свинцовый рудник, при котором должны встретить отряд инженера - подпоручика Логинова, По соединению с оным достигнем в горах Каратау некоторых кокандских городов и прииск маркшейдера Германа. По мнению майора Набокова, до места сего от Петропавловской крепости более 1200 верст. Инструменты, экипаж служителей и сухари на три месяца, провиант, везется за границу на купленных мною пяти телегах подъёмными казачьими лошадями. Верховые же лошади для команды моей искупятся на мену товаров в киргизских аулах при чрезвычайной дороговизне оных в крепостях, в которых за пару посредственных

лошадей для себя и унтер-шихтмейстера Ретивого заплачено мною 195 рублей. Апрель 18 дня 1816 года».

Сводный отряд состоял из 7 офицеров, 16 нижних чинов 156 казаков и канониров, 6 денщиков и фельдшера. Отряду были приданы 12 фунтовая пушка – единорог со 120 зарядами, 350 лошадей, 50 повозок.

Набоков и Шангин вели путевые дневники экспедиции. Публикую выдержки из них без комментариев. Перевод дневника майора сделан его праправнуком Павлом Набоковым (Челябинск). Отрывки из дневника Ивана Шангина опубликованы в «Сибирском вестнике» в 1820 году.

"Дневной журналъ майора Набокова-1го. Начальника заграничной экспедиции въ степи Киргизъ Кайсаковъ средней орды по ВЫСОЧАЙШЕЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА воле состоявшейся 1816-го года съ 1-го Мая по 4-е Октября."

Начало похода 4 мая 1816 года из крепости Пресногорьковской на юг.

"... а 4-го числа при многочисленномъ собранiи народа въ лагере, отъ служа господу богу с водосвящениемъ при пушечной изъ двухъ орудий пальбе молебенъ, в 9-ть часовъ по полуночи выступилъ в походъ, при выстреле изъ орудия..."

10 мая

... Остановился лагеремъ на берегу реки Ишима (который только что после разлития собрался в трубу и имелъ чрезвычайную в течении быстроту)... Река Ишимъ в семъ месте имеетъ 22 сажени широты и одну глубины. Воды вмещают в себе рыбъ: щукъ, язей, окуней, леней и карасей в большомъ изобилии; берега с обеих сторонъ сначала имеютъ луга сенокосные, а потомъ пойдут места каменистые, поросшие тальникомъ и ближние к лугам персиком. В 3 часа по полудни, командировано при инженерном офицере 2 урядника и 20 казаковъ, к постройке для переправы плотовъ через Ишимъ – в лесъ около 4-х верстъ от лагеря находящийся.

11 числа

Дневка, въ кою сделано два плота под присмотром инженерного офицера.

12 числа

В 3 часа по полуночи, обозъ переправили на плотахъ, лошадей и рогатого скота вплавь; а дабы ускорить переправой, орудіе тащили снастями под водою, осмотревъ прежде почву реки спускавшимися в разных местахъ казаками, и когда оное вытащено было на середину реки, то к удивлению быстротою оной поднялось по верхъ воды, в которую паки опустясь, усиленным стремлением воды снесено было более 10 сажень, при всемъ усилии тащивших оное 30 человекъ, которыя с большим только трудомъ могли удержать его и вытащить на берегъ; чему причиною полагаю я находившийся на передке зарядной о 18-ти местах ящикъ.

31 числа

Приезжали въ лагерь нашъ в немаломъ числе разных волостей киргисцы, съ засвидетельствованиемъ своей къ России приверженности. Я разговаривалъ с оными сколь возможно ласково, обнадеживая ихъ во всегдашнемъ к нимъ России покровительстве, ежели собственное ихъ дружелюбное расположение будетъ оному соответствовать.

Между темъ в продолжении дружескихъ съ ними разговоровъ, чтобы дать имъ понятие и о нашем искустве в военномъ ремесле и заставить ихъ наиболее уважать линейныхъ казаковъ, я под предлогомъ увеселения приказалъ, сотнику Реброву и прапорщику Набокову 3-му палить по мишенямъ, первому изъ ружей, а последнему чиненными ядрами, и все выстрелы какъ ружейные такъ и изъ орудия были удачны – на что обращали оне большое внимание и чрезмерно удивлялись, как искусству стрельбы; так и действию чере...въ ядра, слыша свидетельство на сие в томъ, что оные могутъ вредить на версту и более, чему они охотно верили».

14 июня

Ханъ Валий письмомъ и на словахъ чрезъ присланного просилъ меня о даче ему в помощь 15 казаковъ, къ приведению въ послушание неповинующихся ему Ногай-караульской и Коз..анской волостей киргисцевъ, которому въ сей прозбе отказано с таковымъ объяснением: что я посланъ не по симъ деламъ

– в которыя вмешиватся строго запрещено мне начальством, а когда имееть онъ необходимую въ помощи надобность, то просилъ бы о семъ Господина Корпуснаго Командира. По получении отъ коего повеления, желание его хана выполню я въ точной симъ.

Порядок движения отряда в походе

Пока не соединилась экспедиция, при отряде моемъ и прочихъ выставляемо было по одному пикету из 1-го урядника и 6-ти казаковъ состоящему от лагеря в 3-х верстахъ, днемъ находились оныя на возвышенныхъ местахъ, а к ночи сводились в низменныя.

Гаубвахтной караул состоялъ из 1-го урядника, одного ефрейтора и 12-ти казаковъ с заряженными ружьями.

При орудии на батарее от лагеря отделенной караулъ содержался Артилеристами, бывшими в казачьей конной Артилерии, орудие как днемъ, такъ и ночью заряжалось картечью, и всегда какъ в походе, такъ и на месте имело при себе фитиль горящий.

Табунъ казачьих лошадей отпускаемъ былъ днемъ на подножный кормъ по близости лагеря, за которымъ смотрелъ урядникъ и 6-ть казаковъ; а къ ночи вгоняемъ былъ внутрь обоза или вагенбурга.

Авангардъ из одного урядника и 6-ти казаковъ с вожатымъ шелъ всегда въ виду отряда.

Фланкеры в 3-х верстахъ, по правую и левую сторону пути состояли из одного ефрейтора и 3-х казаковъ.

Ариергардъ позади в 5-ти верстахъ изъ одного урядника и 6-ти казаковъ.

При остановке: Авангардъ занималъ пикетъ, Ариергардъ принималъ въ табунъ лошадей, а фланкеры примыкали къ гаубвахтному караулу.

Лагерь разполагаемъ былъ всегда в крепкомъ месте имея позади воду или рытвины, а в переди открытое поле.

Инженерныя офицеры в отрядах своихъ и горной в главномъ измерении пути шнуромъ получали вседневно по 5-ти казаковъ.

29 июля

"..Вожак Байбулъ сказывалъ, что въ виду лагеря в горе Айда-горны, в прежние времена жилъ большой величины змей, который будтобы по едалъ иногда и скота и что по временамъ киргизцы видятъ в жилище ево светъ чрезвычайно сияющий; приняв сие известие за сказку, послалъ прапорщика Набокова 3-го осмотреть сие место, который пройдя около версты пешкомъ с 12 казаками, нашел пещеру, в которую ходилъ с двумя казаками, с зазженными свечами; по сделанному имъ измерению оказалось, пещера сия длиною на 10 сажень, ширины различной в некоторыхъ местахъ так тесна, что с трудом можно было проходить только ползкомъ; но в другихъ столь обширна что несколько человекъ помещаются и ходить могли свободно. Но ни змея, ниже какого либо признака к подтверждению существования онаго, онъ не нашелъ. О чем сказано Г.Г. инженерамъ и Бергеншворену Шаньгину, коими и составленъ на то планъ. А что видимаго и ныне повременамъ в пещере сей света было причиною, поручено изъ искать оставшемуся отъ экспедиции для снятия плана руднаго прииска подъ прикрытиемъ 12 казаковъ и 1-го урядника инженер подпорутчику Логинову, который нашел что солнце с полуночи в 8 часовъ ударяя лучами своими въ одно отверстие сей пещеры светъ отъ ражало оныя - на гладкой поверхности ея составляющего белаго известковаго шпата.

Федор Карпович пишет: «Впрочем, и по моему опыту 34-х летней моей службы, продолжаемой на самой границе Сибирских линий, и многократной бытности в Степи, осмеливаюсь утверждать, что мнения ордынцев (относительно разработки в Степи новых рудников и обустройства казачьих кордонов), каковы б они ни были, не могут быть для предприятий наших ни малейшим препятствием, и тем паче не достойны уважения, что народ сей слабок, малосильный и вовсе не воинственный. Доказательством сему служит и то, что 120-ть строевых токмо со мной казаков и при одном орудии (комментарий - при том вездесущем артиллеристе прапорщике Набокове) совершили в нынешнее лето заграничного пути величайшее расстояние без всякого со стороны их препятствия».

1 августа

В 4 часа по полуночи, выступя с ночлега, шли подле реки Куна, местами довольно травородными. Отошедъ 20 верстъ остановились при той речке, по причине случившегося в киргизкомъ ауле волнения отъ наехавшего нечаянно на ихъ табуны Авангарда; Киргизцы испугавшись сей встречи сгоняя скота к кибиткамъ своимъ, начали ломать оныя, намереваясь бежать к озеру Кургульжину, при которомъ стояло таковыхъ же киргизцев большое количество. По сему того жъ часу посланы старшина Баймурза, киргизцы Нарбота и Бийбулъ успокоить ихъ от страха и волнения, и ежели возможно удержать у занятой ими речки Куне, и узнать какой они волости. В 3 часа по полудни поименной старшина и киргизцы наши возвратились в лагерь, с которыми приехалъ и киргизецъ Тургай батыръ, который на спрос мой объявилъ, что онъ и товарищи его, в сихъ аулахъ стоящие, меньшой Орды Алчинского роду летуютъ в сихъ местахъ по ежегодно, а зимуютъ на Дарье реке. Родъ их весь стоит противъ Оренбурга, а предки назат тому более 80 летъ в одинъ бунтъ Башкирской, которые делали набеги на меньшую орду, отъ родственников своих отделясь, ушли на Дарью и живут как выше сказано – теперь же их более 1000 кибитокъ, и что отъ страха намеревались бежать, по тому что кроме торговцовъ Русских – военных людей ни когда не видывали. Причемъ просилъ именемъ всей волости, чтобъ мы благовременно вышли через реку Куланъ-Утмесъ, оставя ихъ аулы влеве, поясняя при томъ, что жены ихъ и дети остаются в великомъ ужасе, такъ что от побега едва ихъ удержать могутъ; каковая прозьба его на завтра и выполнена.

2-го числа

В 3 часа по полуночи выступили и шли 10 верстъ подле реки Куна, которую оставили влеве, она впадает в речку Куланъ-Утмесъ, а сия в Нору. И проходя далее в леве увидали те Алчинские аулы верстах в 5, а на горахъ появились множество киргизцовъ, и какъ после узнано, были въ томъ числе ихъ жены и дети на верховыхъ лошадяхъ. Некоторые подъезжали к колонне и фланкирамъ, желали доброго пути, а Тургай Батыръ привезъ

двухъ барановъ и две сабы кумызу, которые и довезъ до стана, за что отдаренъ онъ одной красной кожей.....

Приезжало из аулов Алчинскихъ киргизцовъ человекъ до 50, вооруженные огнестрельнымъ оружиемъ, длинными с рожками турками и саблями сказывая, что ружья сии достались имъ при разбитии бежавшихъ с Царицынской степи калмыковъ, сабли покупаютъ в Бухарии, там же и порохъ; а свинецъ берутъ в горах Каратавскихъ близъ Туркестана.

В 4 часа мимо лагеря гнали киргизцы Алтайской волости человекъ до 50 в баранту взятую ими у Алчинских киргизцовъ лошадей до 70-ти. За ними гнались Алчинцы такъ же числомъ до 50-ти человекъ и при бывшей с обеих сторон драке в виду лагеря последния ни в чемъ не успели, почему прибежавъ несколько человекъ в лагерь павъ мне в ноги просили заступления, уверяя что оне нам друзья и что лошади Алтайцами у нихъ угнаты безъ всякой причины. А как мне Алтайского рода Солтанъ Айчувакъ давно уже известенъ и зная Алчинскую невинность, послалъ немедленно къ нему вожака Байбула с приказаниемъ чтобы он лошадей хозяевамъ отдалъ, и ввиду лагеря шуму не делалъ; почему лошади сии хозяевамъ и возвращены.

3 августа

Прапорщик Набоков 3-й донесъ, что стоитъ теперь на Кургульжине хлебопашцовъ до 200 семей; по сеянной хлебъ составляетъ: просо, ячмень и пшеница, по собственнымъ словамъ ихъ хлебопашество производится ими следующимъ образомъ: вырезавъ весною растущий по берегамъ озера камышъ, близъ корня – на такое пространство, какое требуется для возделания земли оставляют оное несколько просохнуть солнечнымъ жаромъ, потомъ скопавъ железными лопадками, дают скопаной земле (: так называемой у земледельцевъ) паръ на которую сеютъ уже хлебные семена и пользуются всегда почти хорошимъ урожаемъ. Срезаной камышъ употребляютъ к сварению пищи въ место дровъ. Инженеръ подпорутчик Логиновъ доставил ко мне несколько стеблей просы и пшеницы, высотою до двухъ аршинъ с весьма зернистым колосомъ почти удвоенным противу русских

просъ и пшеницъ каковыя только мне видеть случалось. Самыя зерна несравненно крупнее.

27 августа

В 1 часъ по полудни приезжалъ в лагерь Кактецкой (Капчатской?) волости киргизецъ Сарыбай съ товарищи 40 человеками, пригналъ двух барановъ и привезли две сабы кумусу... Сарыбаю подарена кованая телега, а прочие угощены чаемъ...

Сарыбай и прочие киргизцы во время бытия в лагере говорили что оне довольны нашим приходомъ, спасающим их от баранты, поясняя что с самого того времени, как пронесся слухъ о экспедиции в сии горы идущей, оне не токмо видеть, но ниже слышали когда либо о ворахъ и барантовщикахъ; такъ же утверждали, что для отысканных рудъ хотя и построятца крепости, но оне от того ни малаго стеснения себе не предвидятъ; ибо и ныне правительство Российское берет только за впуск в границы сотую скотину, но междоусобные баранты ихъ в степи в одинъ день лишаютъ всего скота, а иногда и всего имущества, оставляя влачить бедственную и горестную жизнь до самого конца; чему были многия уже примеры, показывая на однаго молодаго человека между ими бывшаго; говорили, вотъ былъ сильнаго богача сынъ, но по отогнании у него баранты Алтайскими киргизцами, живет ныне и самъ у другаго в услугахъ....

1 сентября

Сего числа приехавъ в лагерь более 10 киргизских свадебъ, просили меня дабы в предохранении от воровских грабежей позволено было имъ идти вообще с нами до волости Алтайской кочующей на томъ месте на речке Кундуке. Сии новобрачныя разных волостей Алатйской, Чемышской, Бурчинской и Журтукской некоторыя по скорости к линии обращения дабы успеть уйдти с нами пошли и не совершивъ по обыкновению своему свадебных обрядовъ.

Того же числа ханъ Букей прислал нарочного просить меня о позволении отобрать всего скота, одежду и жену у кипчатского киргисца Кучука за имеющуюся баранту на ихъ волости идущего с нами в числе прочихъ до волости Алтайской, в чемъ ему хану отказано, представя услугу Кучука в показании намъ места

одной серебренной руды, изъясняя и то что хану делать грабежъ неприличьно, а советом ему когда самъ он не въ силахъ взыскать с кипчатцовъ баранты, то просилъ бы в семъ случае помощи у его превосходительства.

8 сентября

...остановились у сей речки на ночлегъ въ изгибе небольшого луга, которой на левомъ фланге выступавшим мысомъ прикрывалъ лагерь. Тутъ поставлена орудия, всегда к ноче заряжаемая картечью, а на правомъ выставленъ пикетъ, резервъ находился у брода сей речьки.

Около полуночи набежали толпа воровъ киргизцов прямо на лагерь,- полагать должно по ошипке; ибо мы стояли у брода; но в то время табунъ былъ прикрытъ обозомъ, - пикетной часовой выстрелилъ по онымъ из пистолета, а артилеристъ, стоящей на часахъ с зазженным фитилемъ, зделалъ выстрелъ из орудия, отчего киргизцы оборотясь бежали в близъ лежащие тутъ горы, и хотя резервъ при сотнике Реброве преследовалъ, но темнота ночи скрыла ихъ в ущелинахъ оныъ.

Через часъ на правой стороне той речьки верстахъ въ 3 (:как узнали по утру:) киргизцов находилось большое количество, что должно было заключать из рева верблюдовъ, лаяния собакъ и голосовъ людей; почему в сию сторону пущено изъ орудия чиненое ядро, которое разродясь вблизи ихъ, заставило умолкнуть. Наутро при осматривании следовъ, набегъ былъ на лагерь из 30 человекъ, но голосовъ слышно было до ста. Убитыхъ на месте не было, чему притчиною отдаленность – ибо на лагерь от броду бегущихъ пикетной часовой не допустилъ с полверсты выстреломъ изъ пистолета оборотивъ в горы и картечи догнать ихъ не могли».

Из дневниковых записей Ивана Шангина.

О жителях на озере Зеренды: «Убогие войлочные палатки едва укрывают их от ненастной погоды, несколько овец, 2 или 3 коровы и 5 движущих, одетых кожею, лошадиных остовов».

«Выдержав немалую опасность, ожидая каждое мгновение, что первая приближающаяся волна зальёт или опрокинет ненадежное судно наше, с большим усилием пристали, наконец, к

своему лагерю благополучно, до половины в воде погруженные".

«В нескольких местах посредине острова огромные гранитные плиты, одна на другую положенные, образуют обширные пустоты, вид пещер представляющие, в которых по уверению прежде укрывались беглые с линии казаки и крестьяне, побитые, наконец, калмыками.

Богатые сокровища, приобретенные сими людьми чрез многолетние грабежи и хищения предполагают быть сокрытыми в одной из пещер, почему многие из русских предпринимают неимоверный труд к поднятию сих веками наложенных плит для открытия входа под них, самою природой закрытого, дабы отыскать то, что существует в одном их воображении. Они трудятся и ничего не находят, но терпение их ободряется мыслью, что клад сей ожидает счастливого».

«...Озеро Зеренда – медное, по какой же причине получило оно сие название, сказать не могу, не только меди, но даже слабых признаков других руд при оном не найдено», - *отметил в своем дневнике Шангин. Все его попытки найти здесь месторождение медных руд не привели к успеху. Прибывший майор Набоков также ничего не обнаружил, хотя лет пятнадцать назад где-то в этих местах им были найдены куски медной руды.*

О горе Иман-Тау «Иман-Тау прежде сего называлась Копчи (многосопочная) и приняла новое имя свое, по преданию киргизов, от двух причин. Дуб на их языке называется Иман, небольшие деревья которого будто бы были найдены одним киргизским старшиною на сей горе, среди соснового леса, и были срублены и разделены по частям между народом, для вечного хранения в семействах, в знак народного благополучия и свободы. Так думают к уверяют некоторые из киргизов, у которых действительно я видел хранящиеся, кажется дубовые дощечки. Огромные отвалы, вмещающие множество различных видов медных и серебряных руд, свидетельствуют, что рудник сей составляет богатый источник промышленности».

"Какие приличные имена дают киргизы своим рекам, озерам, горам, лугам и равнинам, удивительно, Гора Якши-Янгыз-Тау (в переводе - одна из лучших гор) истинно прекрасна. Какой живописный вид озера, волны о скалы разбивающиеся. Какая прекрасная отдаленность гор, теряющихся в необозримой равнине, с вершины ее!"

Между горами Иман-Тау и Жаксы-Жангыз-Тау. «Какая разность в пути сего дня с прошедшими. От самого прииска до озера взор каждого из нас любовался попеременно, то приятною пестротою богатых ковров флоры, то в прелестных рощах видом кудрявых берез, колеблющихся от тихого веяния полуденного ветерка, то преследовал сонмы кружащихся мотыльков и восхищался зрелищем сияющих вдали и в лазури неба теряющихся гор».

Раздумья Шангина. "...думаешь, что путешествуешь в местах обитаемых, что видишь рощи, очищенные трудами людей, общества благоустроенного, цветы, рассаженные любителями красоты природы, и, кажется, совершенно забываешь, что путешествуешь в стране невозделанной трудами человека - в степи безлюдной, ибо можно ли почесть населением горсть необразованного ни в правах, ни в общежитии народа, не имеющего постоянного местопребывания, скитающегося по пространству земли, им занимаемой, для выгод домашних животных, к которым и сам он родом жизни своей много приближается».

Озеро Аркалык «имеющее 5 верст в объятии, на гладкой, сдва зыблющейся поверхности оного тысячи различных видом, цветом н величиною птиц плавали, погружаясь, смотрели в зеркало вод его, казалось, каждый род сих пернатых в этот день прекрасного летнего времени, думая об одном наслаждении забывал о продолжении бытия своего. Позволится ли мне смелое, но кажется, справедливое замечание, что птицы, в угодность природе, лучше всех ее творений знают науку пользоваться жизнью? Для них время года не имеет своих недостатков: оставляя в одной стране скучную осень и суровую зиму, перелетают в другую наслаждаться приятностью весны и теплотою лета».

Встреча с караваном: 28 мая мимо лагеря прошел купеческие караван, состоящий из 114 верблюдов, «обремененных товарами». Протянувшись длинной цепью, он представил «великолепное зрелище трудов и промышленности деловой».

Шангин: «Караван сей принадлежит калужскому купцу Свешникову. Из Бухарии вышли они 22 апреля и могли к 25 числу мая окончить путь до крепости Св. Петра, если бы не были остановлены султаном Касымом с киргизцами Кидель Кипчатской волости, намереваясь их разграбить. Но слух о вышедшем за границу воинском отряде удержал их от хищнического сего намерения и по десятидневной осаде Касым султан дал им свободный и беспрепятственный пропуск».

Описание озера Якши-Янгыз-Тау. "Озеро простирается в дли-ну от северо-запада на юго-восток на 15 верст, в ширину от 4 до 5 верст, волнуяся большей частию западным умеренным, либо сильным ветром; редко совершенная тишина образует для восходящей и потухающей зари зеркало из поверхности вод его. Щуки, язи, лини, окуни и чебаки весьма вкусные и чрезвычайно крупные плодятся во множестве в здоровой воде сего озера. Я видел щук в сеть попавшихся по 7 четвертей длиною. Все казаки и некоторые киргизы уверяют, что бывают они вдвое больше; есть будто бы столь большие щуки, что схватывают и увлекают на дно озера маленьких ягнят в то время, когда от жару и для утоления жажды заходят они со стадом подле берега в воду».

Из лагеря при речке Акай-Ракт Иван Шангин пишет и посылает нарочным письмо И.И.Элерсу:

«От 25 мая имел я честь доложить о предпринятой разведке на медном прииске при озере Иман-Куль. Ныне представляю благорассмотрению Вашего Высокородия карту пути нашего до сего прииска с чертежом древних в оной работ и разведок прорезами и шурфами, мною сделанных. Различное содержание металлов по различии видов руд, химическим испытанием определенному, прилагаю.

Сверх сего прииска открыт медный прииск при речке Акай-Ракт или Кайрак-Су. Руды сии во всем подобны на Каме в Перьми и в передовых горах Урала находящимся. Неистощимо

богаты прииски во многих местах бурого и красного железистого камня также заслуживают уважения.

Подробнейшее описание оных с новыми более внимания достойными открытиями ласкаю себя надеждою впоследствии представлять благорассмотрению Вашего Высокородия.

Лагерь при р. Акай-Ракт. Июль 19 дня 1816 года».

На берегах Нуры: «4 августа поутру экспедиция продолжала путь подле двух озер, через которые протекала река Нура и остановилась при втором из них для роздыха; в 3 часа пополудни встречено было третье озеро, имеющее до 10 верст в окружности, и при нем развалины древнего город (Ботакоз, по замечанию Г. Набокова), простирающиеся к Нуре».

Экспедиция остановилась на ночлег на зелёном луговом берегу Нуры, неподалеку оказались развалины древнего сооружения. По общему мнению, оно более походило на культовое сооружение. Построено было из кирпича, внутри помещения находились "столпы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четырехугольные сосновые брусья в 2 вершка в поперечнике, для большей прочности обожженные и покрытые камышем». «Близ сего храма приметны следы другого подобного, а далее в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий, из коих некоторые основания составляют до 300 сажен в длину и в совокупности издали представляются известковыми горами».

6 августа экспедиция продолжала путь мимо «продолжающихся беспрерывно развалин древнего города. Проводник Биймурза принес командиру отряда майору Набокову кирпич, покрытый зеленой муравой, который взял он из развалин некоторого храма. К сожалению, отряду предстоял длинный путь к подземным кладовым, и у него не было возможности уделить должное внимание развалинам, которые хранили в себе неизвестные страницы прошлого этого края.

Отряд двигался левым берегом Нуры с «чистою и изобильною подножным кормом степью», мимо многочисленных казахских аулов, «содержащих, по примерному исчислению, до четырех тысяч кибиток. «Вокруг лагеря было множество кибиток в

коих почти всю ночь мужчины играли в забызги (деревянные дудки), а женщины забавлялись песнями. При переправе через Нуру кочевал богатый киргиз по имени Сапаксий-бий, имеющий до трех тысяч лошадей и множество верблюдов, рогатого скота и баранов. Он с многочисленным своим семейством вышедши из кибитки, смотрел на переправу экспедиции, производившуюся с большим затруднением, и слушал трубную игру; по переправе же прислал кумысу и пригнал барана и лучшую лошадь, прося оное принять в доказательство приверженности его к Российскому начальству. Г.Набоков отдарил сего бия серебряною вызолоченною чашкою весом в три четверти фунта».

7 августа экспедиция продолжила свой путь вверх по Нуре. В этих местах, по словам киргизов, водилось много кабанов. Следы их были приметны, но самих животных никто из людей экспедиции не видел, потому что «они днем лежат в логовищах и выходят из них только ночью».

У Акмолы «в 25 верстах от роздыха, на протоке реки Нуры, остановились, имея ввиду город АкМолу, получившее сие название от имеющихся на ней киргизских кладбищ со стоящими выбеленными известью надгробными памятниками». На следующий день И.Шангин с Набоковым в сопровождении 12 казаков осмотрели маленькую речушку Казакуч, «соединяющую Ишим с Нурою». «Сия речка течет в Нуру только весною, а осенью пересыхает и вода остается в одних глубоких оврагах».

До 12 августа отряд двигался вдоль Нуры и далее по речке Кундус, которая имеет название «от ловимых по оным киргизами выдр». Далее путь следовал через сопки, невысокие горы, равнинную степь. Переходили пересохшие озера, в местах отдыха ловили рыбу в озерах, Приятное местоположение окрестных, рассеянных по степи гор побудило одного из чиновников экспедиции заняться «снятием вида».

15 августа отряд достиг малой Нуры и остановился ночевать на ее берегу, на фоне гор Чурубая. «Здесь находились оставленные киргизами поля, и трава была выбита их скотом». Если бы отряд Шангина прошел несколько десятков километров север-

нее этих мест, возможно, он первым обнаружил бы угольную мелочь у сурочьих нор урочища Караганды – басы.

16 августа путь лежал между горами Чурубаем и Топар-Су вблизи горы Кумаадыр вдоль малой Нуры. На следующий день в 5 верстах от устья реки Топар-Су вошли в горы Тиктурмак. Здесь обнаружили «валуны зеленого н красного агата, зеленой яшмы, разных цветов порфиров и признаки медных руд». Здесь же заночевали, чтобы поутру сделать описание здешних мест и собрать «образцы оных камней».

18 августа собирали камни, делали описание местоположения найденных пород. Отсюда до гор Курпетау, Бишчоку и Кызыл-Яшма, где были объявлены руды на серебро, медь и свинец, оставалось еще до двухсот верст. Приближалась осень, ночи стали прохладные, Лошади в обозе изнемогали. Для ускорения дела Набоков решил сделать передовой отряд из 40 казаков. Каждый казак взял на подмену по лошади.

Остальной части экспедиции с обозом под командованием сотника Реброва, было приказано следовать «умеренным маршем, остановиться у горы Кызылтау и произвести поиски рудных приисков», инженерам поручили описать путь следования «сочинить чертежи приисков, если какие откроются на пути их, и окончить карту».

Далее путь экспедиции проследовал через горы Бугулы, вдоль речки Маль-Дирык-Су, притока Нуры, горы Кызылтас, Котур, Молы и Емен–Каркаралы. 21 августа встретили в пути аулы Каракесекской волости. Майор Набоков послал своего переводчика Крайкина с письмом к хану Букею «засвидетельствовать ему почтение и с просьбой, чтобы снабдить отряд его за плату четырьмя лошадьми под орудия и двумя рогатыми скотинами на убой, для чего послал ему в залог 200 рублей ассигнациями и сверх того сыну его султану Чингизу самовар в подарок».

Лишь 23 августа вернулся от хана Букея переводчик с поручиком Лаузаком. Они привели 4 лошади и 2 рогатые скотины и возвратили посланные деньги. Посланец от хана заявил, что ему известен обширный рудник Кунусбай с самородной медью, а

также древние копи. Но так как первый прииск расположен далеко отсюда, то он отведет на него отряд следующим летом. Для провода на древние копи выделил Набокову своего всадника.

Майор Набоков сделал подарки (табак, перец, гвоздику, мед) и направился к Курпетавскому и верховьям реки Джамчи, где их ждали интересные находки, древние копи с медной и свинцовой рудой.

24 августа отряд разбился на несколько групп. Одни направились на Курпетавский прииск, другие – к горам Кызыл-Яшма, Биш-Чоку и к верховьям речки Кайрак. 27 августа горный служитель Богданов доставил из древней копи Биш-Чоку и месторождения Кайрак рудные куски, содержащие свинец, медь и серебро, а горный служитель Вяткин привез куски руды «из киргизской горной работы при горе Кызыл-Яшме», около фунта самого свинца, «выплавленного из сей руды киргизами». Горный служитель Бакатин вместе с отрядом сотника Реброва отправился к горам Кызыл-Тау.

Тем временем узун-кулак разнес по степи, что русские с отрядами казаков собирают зеленые и синие камни.

27 августа на стоянку отряда прибыла группа всадников во главе с киргизом Каракесекской волости Сарымбаем. Они пригнали двух баранов, привезли две сабы (кожаных мешка) кумыса. «Сарымбай и товарищи его изъявили свое удовольствие господину Набокову, что со времени прихода экспедиции в степь прекратились барымта и всякие насилия между киргизами, и что от основания и распространения в тамошнем крае российских горных работ ожидают они для себя вящей пользы».

Набоков угостил прибывших чаем, показал им производимые горными служителями у горы Курпетау взрывы камней порохом, подарил Сарымбаю телегу с окованными железом колесами. Сарымбай вызвался показать еще одно место, где имеются руды. Вместе с Сарымбаем отправили горного служителя с двумя казаками, которые в тот же день к вечеру доставили руду, взятую в 18 километрах от горы Курпетау и содержащую медь.

Степь была полна слухов о русских отрядах, разъезжающих по степи. Одних они радовали, других пугали, третьи хотели из-

влечь из происходящего практическую выгоду. Хан Букей просил прислать лекаря. Майор Набоков послал к нему фельдшера, Получив облегчение, хан подарил фельдшеру белую бязь.

Между тем работы по обследованию окрестностей вокруг лагеря продолжались. Собранные образцы тут же проверяли путем пробной плавки. За десятки верст приходилось искать лес для этих плавок. Маркшейдер Шангин в такие минуты испытывал чувство удовлетворения и даже «щастья». В горе Кургалу он нашел древовидную яшму.

31 августа Набоков, унтер-шихмейстер Ретивый и переводчик поехали к хану Букею кланяться по случаю отправления экспедиции в обратный путь. По случаю приезда гостей хан после угощений устроил конскую скачку. А на другой день к лагерю приехали десять свадебных кортежей. Они просили разрешить им следовать вместе с отрядом до Алтайской волости, кочующей вдоль речки Кундус, чтобы избежать опасности быть ограбленными. Некоторые из этих свадеб даже не успели еще выполнить всех свадебных обрядов и заторопились в лагерь, услышав о скором отъезде экспедиции.

Между тем Шангин и Набоков, отправив группу казаков вместе со свадебной кавалькадой, поехали еще раз «освидетельствовать некоторые прииски». В 12 верстах от лагеря Набоков остановился у одной из сопок и случайно обнаружил вымытую водой медную лазурь и зелень. Небольшие разведочные работы позволили обнаружить и саму рудную жилу. "Поистине - богата рудопроявлениями меди, свинца и серебра эта земля! - удивлялись Шангин и Набоков.- Где ни копни, везде руда, везде кладовые».

Неподалеку от Биш-Чокинского прииска Шангин и Набоков обнаружили древнюю рудную промывальню, где лежали добытые руды, засыпанные землей. Промывальня заросла травой. Плавка этой руды показала, что она содержит, кроме меди, 3 золотника серебра в пуде, Здесь же был найден редкий минерал цеолит.

О речке "Малая Нура бьет ключом из горы и, падая на каменный помост, образует водоем. Оттуда верст на 50 продолжается

оврагами, и потом уже, от впадения ключа и речки из горы Кызыл-Тау, начинается ее правильное течение». На следующий день обнаружили в пути развалины неведомой башни и в версте от нее древнюю копь. Сделав траншеи глубиной до полутора метров, обнаружили рудное тело, образцы медной руды взяли на испытания.

Тяжелые испытания выпали на 5 сентября, когда отряд, проходя между ущельями, уперся в высокий утес н топкое место, пересекающее путь. За отсутствием топора казаки рубили березняк саблями, чтобы проложить через топкое место гать. Лошадей переводили поодиночке, орудие переносили на руках. В тот же день отряд Набокова соединился с отрядом Реброва, а на следующие сутки возвратился Шангин "с приятной вестью, что открытый при Кайраке прииск весьма обширен и содержит руды богатые серебром. Одновременно пятидесятник Вяткин с посланником хана Букея привез образцы разных руд, а к вечеру вернулся инженер-подпоручик Логинов, произведя описание прииска при горе Алмолы.

После соединения всех отрядов было решено возвращаться, «чтобы сделать вернейшее описание окрестностям рудных приисков, открытых в верховьях реки Нуры и близ озера Балхаш». 7 августа был сделан прощальный выстрел из орудия, и отряды двинулись в обратный путь. Один - к Петропавловской крепости, другой - к форпосту Коряковскому мимо гор Баян-Аула (в сторону нынешнего Павлодара), третий – к фортпосту Семиярскому (в Семипалатинском направлении).

Несмотря на трудности, с которыми столкнулась экспедиция, Иван Шангин был удовлетворен результатами в части поиска и обследования месторождений медных и свинцовых руд. Этому в немалой степени способствовали казахи-кочевники.

Казах Сарымбай показал древние разработки близ горы Курпетау. Хан Букей прислал в отряд проводника, который знал дорогу к обширному руднику Кунус-Бай, «в коем находилась самородная медь». Вместе с проводником туда был отправлен пятидесятник Вяткин, сделавший осмотр древних копей и вернувшийся лишь через неделю. Возможно, предположить, что он со-

вершил поездку к Балхашу, так как в записках упоминается рудный прииск «близ озера Балхаш».

Письмо Эйлерсу от сентября 27 дня. 1816 г.

Через сильный жар, нездоровые воды и посохшие, высохшие и частью сожженные травы, причиной большого упадка лошадей в нашем отряде и всеобщей изнуренности оных, почему, как и по недостатку провиантов, должен по необходимости оставить намерения следовать в горы Каратавские - как доносил я прежде, Ваше Высокородие, и принять полуобратный путь от Улутау к горам Тугулушажил, но в дальнейшем расстояние от Семипалатинской крепости находится и от оных, ежели не лишимся последних двух третей лошадей, следовать по Иртышу на крепость Святого Петра, которой достигнем не ранее второй половины октября. Теперь нахожусь в 15 верстах от разработок свинцовых руд Оренбургской экспедиции, которые, можно сказать, успел я увидеть только одним взором - получив на сие согласие Г. Н. Набокова с большим затруднением. При всем том второй чертеж всем работам с некоторой окрестностью оных - в благорассмотрение Вашего Высоко-родия по возвращению моему буду иметь честь представить.

Успехи нашей экспедиции довольно значительны, более десяти уже открыто медных приисков, много и людьми в различных сторонах от меня командированных, но надобно, чтобы медь равнялась ценою золоту или еще превышало оное, чтобы заслужить обработку в пустой, безлюдной, безлесной, безводной и от границ удаленной стране.

Ваш покорный слуга Иван Шангин.

Сентябрь. 28 дня. 1816 г.

В конце прошедшего и начале нынешнего месяца в вершине реки Нуры открыты по настоянию моему в семи местах от 3 до 50 вёрст пространством, разделенных в расстоянии 2-х и 3-х сот верст от ближайших линейных мест - весьма значительные медные, серебро и свинец содержащие прииски. Но как прииски эти находятся в пустой безлесной степи и в продолжении и в продолжение всего путешествия нашего не встретили мы от горы Иман-Тау даже малого количества лесов, которые по одним

слухам только произрастают ближе к линии, то по предложенному мною майору Набокову с г. горными инженерами и офицерами приняли общие намерения (для приведения в совершенную известность и сей необходимой потребности, как для рудников, так и для планов военного министерства) разделить заграничный отряд на 3 партии, из коих первая и самая большая в препровождении Набокова должна принять обратный путь к крепости Святого Петра через Ементавские горы и сколько позволят обстоятельства, упадок и изнуренность лошадей от крайней недоста-точности провианта (на 120 человек сего отряда взяты полтора пуда сухарей и четыре вола) описать с точностью проходимые горы и дубравы, а что при таковом описании наблюдать должно, изложено мною инженеру-поручику Бурукову, в пунктах. Равное наставление дано и подпоручику Логинову, который с таковым предметом принял путь через горы Каркаралы на крепость Семипалатную для могущих же встретиться приисков, как и для собирания горнокаменных пород. К геогностическому описанию сих различных путей прикомандированы мною к отряду Буракова берг-штейгер Гакатин, к отряду Логинова – унтер-штейгер Самин, как испытанные в усердии и осмотрительности люди.

Под прикрытием 15 человек воинской команды с унтершихтмейстером Ретивым и остальным количеством служителей принял я путь через покрытые лесом горы Баян-Аула к посту Коряковскому, в который прибыл 24 числа сего месяца, после пятнадцатидневного, весьма затруднительного путешествия».

Федор Карпович Набоков вступил в службу казаком в 1784 г, произведен в атаманы в 1801 году, в хорунжие – 1802, в сотники -1803, в есаулы – 1809, в ротмистры – 1812, в майоры - 1814. В 1822 г. Набоков был уволен от службы в чине подполковника, в 1831 г, августа 17 умер и похоронен в крепости Пресногорьковской, в церковной ограде (к сожалению, точное место захоронения не найдено. До погрома храма в 1935 году у его стен стояли три памятника, возможно, один из них стоял на месте захоронения атамана – примечание С.В.). Во время своей 38-летней службы неоднократно участвовал в походах. В 1795 году

под командой майора фон Элинсберга был ранен в левую руку при отражении нападения на редут Сибирский (валы старинного редута у озера Мохового – прим.С.В). В 1803 году с сотней казаков ходил в поход в степь против хана Вали. В 1806 году с отрядом в 300 человек выступил против султанов Болы и Агатая. В 1807 году командирован был с отрядом для возвращения угнанных у хана Вали мятежными кипчаками 1500 лошадей, с отрядом в 270 человек разбил аргын, производивших набеги на Сибирскую казачью линию. В 1813 году с отрядом в 350 человек в городе Ишим усмирил взбунтовавшихся военнопленных поляков. В 1816 году в течение пяти месяцев находился в степи для розыска рудных богатств. В последнее дело подполковник Набоков ходил в степь для открытия внешних округов - в 1830 году из крепости Пресногорьковской к урочищу Аман-Карагай, в 250 верстах к югу. Отряд его состоял из 2-х обер-офицеров, 13-ти урядников, 128-ми казаков.

В 1813 году, будучи атаманом войска, принимал активное участие в открытии казачьего училища в Омске, ставшим впоследствии кадетским корпусом.

Из архива П.П.Набокова (Челябинск)

Из метрических книг Пресногорьковской крепости

29 ноября 1778 года умер Карп Петрович Набоков в возрасте 35 лет в крепости Пресногорьковской

28 ноября 1783 года венчан крепости Пресногорьковской Федор Карпов сын Набоков первым браком редута Пресногорьковского отставного Ивана Хлебникова з дочерью его девицей Марией, обоим один брак, 15 лет – жениху, 18 лет – невесте.

23 декабря 1785 года умер казака Федора Набокова сын Иван, 1 год.

12 декабря 1786 года у казака Федора Набокова родилась дочь Лукея, восприемница – девица Агафия Хлебникова.

Семья Федора Набокова в 1787 году.

Федор Набоков, 18 л. Жена его Марья Иванова, 21 г. Мать Марья Иванова, 52 г. Брат Василий, 14. Сестра Татьяна, 11.

Лист 64 об. Редут Пресногорьковский. № 20, Иван Васильев Хлебников, 63 г. Жена Ирина Иванова, 52 г. Дети: Алексей, 22 г.

Павел, 17 л. Поликарп, 14 л. Параскева, 6 л. Агафья, 18 л. Умре в 1789 г. Мать его вдова Анисья Козмина, 74 г. Умре в 1789 г.

"Послужные и именные списки казаков и офицеров СКВ январь 1794г". Ф.489,Оп.1,Т.1,Ч.2,Д.3061. РГВИА.

Л.280об-281 - Капрал Набоков Федор ... - 25 лет, мера роста: 2 аршина 5 вершков, приметы: лицом бел, глаза серые, волосы светло-русые, нос посредственный прямой, говорит порядочно; из ... детей. в службе с 784г, капралом с 791г, женат на казачьей дочери сего войска Марии Ивановой, дочери девки Авдотья 4, Настасья 2х лет, Лисавета 1г, живут при нем; читать писать по-россиийски не умеет, в походах не бывал

11 мая 1811 года в редуте Сибирском у сотника Набокова родились дети близнецы – Николай и Константин. Восприемники: инженерной команды капитан Логин Щелоков (?), есаула Набокова дочь Марфа, пятидесятник Семен Набоков, солдатка Федосья Турина.

11 мая венчан в крепости Звериноголовской инженерной команды капитан Логин Щелоков (?) и крепости Петропавловской есаула Набокова здочерью его Елизаветой.

20 июня 1812 года в редуте Сибирском у есаула Василия Набокова родился сын Иоанн. Восприемники: есаул Федор Набоков, подполковника Агеева жена Александра.

Метрическая книга Пресногорьковской церкви за 1831 год.

Запись №63 на 211 оборотном листе гласит: « 17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Нассоновым».

Автор считает, что скончался атаман в пикете Аманкарагайском, находящемся в 80 верстах от Пресногорьковской, чуть южнее пикета Ершовского в направлении Кусмуруна. Похоронен Федор Карпович у стен Пресногорьковской церкви. Конкретное место захоронения неизвестно.

В это время, в 1828 году, Пресногорьковская относилась к первому полку первой бригады. Командирами в крепостях были: в редуте Сибирском – хорунжий Мордовской, в Пещаном – хо-

рунжий Кизин, в Крутоярском – сотник Боранов, в Пресногорьковской – сотник Швабской, в Преснокамышловском – пятидесятник Набоков, в Кабаньей – сотник Хлебников, в Екатерининском – хорунжий Рыбин.

Краткая биография Федора Шубина, основателя города Акмолинска (Астаны). Родился в 1783 году в дворянской семье. Шестнадцатилетним подпрапорщиком начал военную службу в омском гарнизоне, затем перешел в Селенгинский мушкетерский полк. Когда войска Наполеона Бонапарта в 1806 году вторглись в Пруссию, на стороне которой выступала Россия, подпоручик Шубин с сибирским Якутским полком участвовал в отражении их натиска. После перемирия 1807 года служил в Москве. Во время Отечественной войны 1812 года в составе 50-го егерского полка вновь мужественно дрался с французами под Красным и Смоленском, был отмечен орденом св. Владимира IV степени, а за героизм, проявленный 24—26 августа на Бородинском поле и полученное здесь ранение, удостоен ордена св. Анны IV степени. С 1816 года Шубин — попеременно комендант Бийской, Пресногорьковской и Петропавловской крепостей на пограничной сибирской линии.

По заданиям правительства и просьбам казахских старшин и султанов он неоднократно ездил в казахскую степь с дипломатическими и административными миссиями, всегда, как говорилось в реляциях — характеризующих его документах,— осуществляя «благоприятное и справедливое разбирательство» жалоб, недоразумений, родовых междоусобиц «и тем прекращая ссоры и баранты». За выдающиеся успехи в развитии дружественных русско-казахских отношений Шубин был награжден орденом св. Анны II степени. Неудивительно, что, ища защиты от разорительных набегов кокандцев, жители, старшины и султаны Алтаевской, Карпыковской и Кувандыкской волостей в 1829 году обратились к русским властям с просьбой о скорейшем открытии намеченного здесь внешнего округа и о поручении этого дела Федору Шубину, которого они знали как честного и великодушного начальника.

Путешествие Государя Цесаревича по казачьему тракту в 1891 году

Как это ни удивительно, но когда-то на кустанайской земле, в нынешнем Узункольском районе, побывал последний император России Николай II Романов, расстрелянный летом 1918 года в Екатеринбурге. С детства я слышал отголоски воспоминаний об этой поездке. Оказалось, что в свите наследника были известные в Петербурге люди – князья Кочубей, Барятинский, барон Таубе и другие. Князь Ухтомский даже издал роскошную книгу, в которой описал путешествие на Восток. В своих поисках я исходил из того, что нужно искать первоисточник. Зная, что Николай писал дневник день за днем, начиная с 13-летнего возраста, я попытался найти его записи в фондах московского архива Октябрьской революции. Шансов найти документ было немного – часть царского архива была вывезена колчаковской контрразведкой на Дальний Восток и пропала бесследно. Впрочем, некоторые бумаги оказались в Европе и успешно продавались на различных аукционах. Другая часть осела в фондах архивов, где я и разыскал нужный документ.

Вот о чем написал Николай Романов жарким вечером 19 июля 1891 года, сидя за столом в огромном каменном доме купца Василия Кладенова в станице Пресногорьковской.

пятница.

...после кофе простился с этими дамами и с отличным свежим утром поехал в путь – дороженку. Скоро приехал из 11 военного отдела в район 1. Завтракал в поселке Новорыбинском, где казаки вместе с хлебом – солью поднесли мне серебряную фигуру одного из отличившихся урядников в Кокандской экспедиции. Тут же с почетным караулом стоял взвод казачат самаго мелкага калибра при значке с надписью: они меня конвоировали молодцами до следующей станицы Пресновской, а 13 летний мальчик со значком пожелал проводить меня до границы войска: он на двух лошадях проскакал расстояние в 108

верст до моего ночлега в станице Пресногорьковской, куда я приехал в 9 часов вечера в сопровождении

По случаю последняго дня моего пребывания в Сибирском войске в этой станице было приготовлено угощение населению и вечером иллюминация.

Остановился в хорошем каменном доме одного казака: у подъезда стояло два почетных караула: от полусотни льготных и георгиевских кавалеров 1 отдела. Обедал в 9 1\2 часа.

20 июля

Уехал в 8 часов, до самой границы меня провожала вчерашняя ватага и казачек со значком. На границе была построена Арка и столб. За ними начиналась Оренбургская губерния. Тут встретили командующий войсками Казанского военного округа ген.-ад. Мещеринов, наказный атаман Оренбургского казачьего войска генерал Маслаковец и депутация от войска...

От Пресновки до Пресногорьковки конвой будущего императора несколько раз останавливался для перепряжки лошадей. В Пресногорьковке у дома Кладенова было оживленно – с правой стороны подъезда дома стояли представители станицы с хлебом – солью, участники Хивинского похода Матвей Авксентьевич Зенепрецов и командир ракетного артдивизиона Никита Дмитриевич Успеньев. Рядом стояли ученики школы с учителями. По другую сторону крыльца выстроился почетный караул из льготных казаков с ординарцами, здесь же стояли георгиевские кавалеры, бравшие Коканд и Андижан.

«Эти почетные старики, украшенные знаками отличия военного ордена и медалями, положительно привлекали к себе внимание всех приезжих, а их было так много, что площадь перед квартирой Цесаревича была буквально переполнена народом» (очевидец).

Поезд цесаревича въехал в Пресногорьковку, когда солнце закатилось за Татарский лес. Рядом с его коляской скакал парнишка - казачек из Новорыбинки, держа в руках значок, сшитый учительницами Рыбалтовской и Катанаевой. О них будущий император пишет в дневнике.

«Выйдя из экипажа, Его Высочество поздоровался с почетным караулом; приняв затем ординарцев, Государь осчастливил и стариков: «Здорово, молодцы!» - прозвучал его чудный голос. «Здравия желаем Вашему Императорскому Высочеству!»- как один человек, ответили кавалеры, и затем их могучее, боевое «ура», слилось вместе с криками народа» (очевидец). После принятого хлеба с солью, цесаревич подошел к детям, которые встретили его народным гимном.

На обед в «хороший каменный дом одного казака» были приглашены все начальствующие лица и есаул Назаров с сотником Д.С.Калачевым, который украсил площадь перед домом гирляндами, вензелями и транспарантами с инициалами императорского дома. По периметру площадь была украшена флагами различных размеров.

На столах, расставленных в разных местах площади, началось угощение народа чаем с печеньем, сластями, пивом и медом. «Всюду слышен был говор, веселье. По временам раздавались перекаты «ура». Его Высочество еще не окончил обедать, как станичники собрались в кружок и затянули свои родные мотивы; их примеру последовали и казачки, - они составили хоровод. Несколько в стороне кто-то отхватывал «казачка» под скрипку с бандурой и трензелем. Только ближе к дому, молча, без шапок, стояли глубокие старцы; они не принимали участия в общем веселье, оно их не занимало; их мысли были сосредоточены на окнах дома, в котором находился наследник престола. Они его ждали и не напрасно, после обеда цесаревич вышел на крыльцо. Каким могучим «ура» встретил его народ и как были счастливы эти убеленные сединой старики...»(очевидец).

Народ, собравшийся на площади, немедленно разошелся, после того как было объявлено о том, что цесаревич намерен опочивать.

Утром на квартиру были вызваны все участники, сопровождавшие поезд цесаревича и были награждены. Так, историк Г.Е.Катанаев получил портрет с надписью «Николай». В конвое цесаревича находился пресногорьковчанин, полный георгиевский кавалер, Панкратий Воропаев.

«Около 7.30 часов утра цесаревич, при восторженных криках народа, выехал дальше; до границы Оренбургского войска оставалось около 30 верст. Весь этот путь за коляской цесаревича снова скакал Бородавкин со значком на второй своей лошади.

Кроме конвойных взводов, с половины дороги приняли участие в сопровождении наездницы – казашки в своих национальных костюмах. Замечательно красивую картину представляли эти степные амазонки! Тут же мчались станичники, казачата, казачки, крестьяне, кто верхом, кто на телегах, кто дорогой, кто полем, обгоняя друг друга, лишь бы скорее добраться до границы» (очевидец).

Что же происходило в это время на границе Оренбургской губернии и Акмолинской области? Привожу полностью отрывок из знаменитой книги князя Ухтомского о путешествии Цесаревича на Восток. В нем живо передана атмосфера радостного ожидания поезда Наследника.

«В пятницу, 19 июля, на границе войска замечалось небывалое оживление... Со всех сторон тянулись толпы народа и многие из казаков и крестьян приходили за 60-70 верст пешком, чтобы взглянуть на дорогого гостя... для помещения начальствующих лиц, офицеров и чиновников, назначенных для встречи, поставили в 20 саженях от триумфальных ворот кибитки, украшенные флагами.

К вечеру сюда прибыли командующий Казанским военным округом генерал-адъютант Мещеринов, наказный атаман Оренбургского казачьего войска генерал – майор Маслаковец, атаман 3-го военного отдела генерал – майор Избышев и депутация для поднесения Его Высочествухлеба-соли на войсковом блюде. Депутацию составляли Степной станицы коллежский асессор Водопьянов, Звериноголовской станицы отставной подполковник Голявинский и отставной урядник, бывший атаман этой же станицы Щеребакин, Травниковской станицы есаул Любимов и Усть-Уйской станицы казак Мельников (кавалер четырех знаков Св.Георгия). Перед палаткой атамана 3-го отдела были поставлены знамя для почетного караула, значок конвоя Его Высочества и сотенный значок для казачат.

Против линии палаток там и сям расположились группы казаков и крестьян.

Говор, песни, движение и дым костров совершенно переродили доселе пустынную местность. Посреди этой живописной картины особенно привлекали внимание триумфальные ворота, украшенные флагами, трепетавшими от ветра и гирляндами зелени. По правую сторону от ворот с Оренбургской стороны был поставлен новый столба на месте прежняго, известного в преданиях оренбуржцев и сибирцев под именем «Красного Столба». На нем со стороны Оренбургского войска красовался герб Оренбургской губернии, а со стороны Сибирского – герб Акмолинской области. На железном листе виднелась надпись: «Граница Оренбургской губернии». По правую сторону ворот (с Акмолинской стороны) была воздвигнута белая кирпичная остроконечная пирамида от Сибирского войска с надписями со стороны Оренбургской губернии: Земля европейской России, а со стороны Сибирского войска: «Земля азиатской России».

На Акмолинской стороне, в 60 шагах от ворот, живописно стали кибитки Акмолинских киргиз. Двадцатого числа, едва загорелся восток и солнечные лучи, при безоблачной погоде, озарили верхушки Алабужского бора, разбросанного здесь небольшими рощицами, как все уже были на ногах.

К 8 часам утра вдоль почтового тракта выстроились почетный караул, затем сотня казаков, а против караула, на другой стороне дороги, будущий конвой Его Высочества от 3-го отдела, и особый постоянный конвой из урядников под начальством подъесаула Гурьева, который должен был сопровождать Наследника до Оренбурга включительно. Около 9 часов утра прибыл на границу войска офицер Сибирского казачьего войска и передал необходимые указания постоянному конвою. Он сообщил, что казак - малолеток сопровождает его высочество с переменой коня уже около 140 верст и что он тоже сейчас сюда прискачет. Командовавший сотнею казачат сотник Смолин тотчас же вызвал охотников для сопровождения Его Высочества верхом на возможно большее расстояние от границы войска. На этот вызов выехали перед фронт двое казачат поселка Озернаго

Звериноголовской станицы Григорий Ивин и станицы Усть-уйской поселка Луговского Федор Сухоруков. Одному из них был вручен сотенный значок.

Ровно в 9 часов показались по дороге передовые экипажи и спустя 1четверть часа загремело радостное ура собравшегося народа. Его высочество прибыл в коляске, сопровождаемый конвоем из Сибирских казаков и молодых киргизок – наездниц в национальных костюмах. Его сопровождали помимо постоянной свиты Степной генерал-губернатор Таубе, генерал-майор Санников и атаман военного отдела СКВ полковник Симонов. Поезд остановился в 100 шагах от границы и Государь Наследник, выйдя из коляски, изволил пешком направиться в приготовленной Ему на Акмолинской стороне кибитке, богато задрапированной внутри коврами. Здесь он умылся от дорожной пыли и минут через 10, в белом кителе, быстро направился к триумфальным воротам, при восторженных криках ура.

Наказной атаман принял рапорт и расспросил георгиевских кавалеров, при каких обстоятельствах получили они награды. Мимо него церемониальным маршем прошел почетный караул. Вернувшись в кибитку, Государь наследник простился с представителями СКВ, поблагодарив их за прием, оказанный ему в войсковых пределах, а также и конвой, сопровождавший его до границы. Ровно в 10 утра, в коляске, запряженной пятеркой, августейший Атаман проехал триумфальные ворота, направляясь к Звериноголовской станице».

«Долго еще казаки оставались еще на месте, смотря в след удалявшемуся поезду, и только когда последний экипаж скрылся из виду, они мало-помалу стали расходиться по степи, чтобы поделиться друг с другом впечатлениями незабвенных дней» (очевидец).

Воспоминаниям очевидца можно доверять - им был тогдашний атаман Первого военного отдела полковник Н.Симонов, отвечавший за прием цесаревича непосредственно в подчиненном ему отделе и получивший благодарность за отличное состояние станиц.

Встречу на границе снимал шадринский фотограф Прибылев. Пока не найдено ни одной фотографии из его архива, но надежда всегда есть, ведь рукописи не горят…

Продолжим путешествовать далее на Запад по Уйской линии вместе с Наследником и курганским краеведом Борисом Карсоновым:

«Ивин и Сухоруков сопровождали экипаж Цесаревича до поселка Каракульского, проскакав в июльскую жару с неподогнанными стременами 178 верст. В Каракульском Цесаревич, отклонив их просьбу следовать до Троицка, вручил казачатам по серебряным часам с цепочкой и по два серебряных рубля.

Оренбургских казаков сильно поразил вид скакавших степных амазонок-казашек. «На тонконогих гнедых конях, которые шли легким, танцующим аллюром, восседали юные амазонки! На головах тюрбаны, оплетенные цветными лентами, коричневые атласные жакетики ослепительно сверкали бляхами, играли складками широкие шаровары зеленого шелка, а на ногах - красные сапожки с загнутыми вверх носками. Они так прочно вошли в стремена, что казалось, будто бы срослись с ними. Слева на широких поясах наездниц-чехол с луком, а справа и чуть сзади – колчан с пучком стрел» (Б.Карсонов).

Во время движения по Алабужской степи казачата сотника Смолина показали элементы джигитовки и сцены импровизированного «боя». 20 июля в 11.30 утра Августейший Атаман проследовал в Крестовоздвиженскую церковь станицы Звериноголовской (построена в 1826 году). Молебен о благополучном путешествии был совершен о. Василием Инфантьевым. 23 июля он рапортовал благочинному Оренбургской епархии о. Владимиру Лебедеву: «Его Высочество Государь Наследник Цесаревич в 20-е число июля около полудня проследовал чрез станицу Звериноголовскую; он изволил войти в храм и выслушать краткое молебствие. При этом чрез адъютанта своего Его Высочество передал мне на украшение храма сто рублей серебром». В дальнейшем священник использовал деньги почти по назначению:

испросил в Оренбургской духовной консистории разрешение на покупку хоругвей.

Остановился Цесаревич в деревянном доме Поспелова на площади (дом уничтожен в 30-х годах XX века – С.В.). Здесь урядник Чупин и депутации поднесли хлеб-соль. Приняв его и пропустив мимо маршем почетный караул. Цесаревич позавтракал и выехал в 2 часа пополудни по тракту на Троицк. Проехав поселки Уйской линии - Озерный, Кочердыкский, Прорывной, Усть-Уйскую, Цесаревич заночевал в поселке Луговом в доме казака Андрея Сазонова. Получается, что за один день поезд будущего Императора России преодолел расстояние в 144 версты, имея весьма плотный график движения.

Как пишет Б.Карсонов: «Цесаревич не переставал удивляться светлому радушию жителей станиц. Да и можно ли забыть такое: широкая улица, расцвеченная яркими флагами, посыпана желтым песочком, перед каждым домом – стол, покрытый белой скатертью, и на нем красивое блюдо с хлебом-солью. И певучая, извиняющаяся речь казачек: «Не будь засухи да неурожая, да разве мы так бы встречали нашего Батюшку-Государя Наследника!».

Удивительно, что при дальнейшем следовании по Уйской линии в Троицк, Цесаревич пил чай в доме Николая Томина, отца знаменитого красного комдива, освободившего 13 августа 1919 года Курган от белогвардейцев. Будущему комдиву было всего четыре года…

Местная топонимика сохранила название «царская дорога», которая когда-то имела идеальное состояние. Сохранилась и песня, продиктованная автору в 90-х годах прошлого века внучкой Матвея Зенепрецова, вручавшего хлеб-соль цесаревичу, казачкой Томской. Ее с успехом исполняет известный в Европе омский ансамбль «Звонница». В Песчанке бытовал сказ о серебряной кружке с вензелем Николая Романова. На окраине поселка поезд Атамана встречали казаки. Тут же приготовили бочку с водой, к ней и подошел выпрыгнувший из коляски Наследник с кружкой в руке. Испив воды, он подарил на память ошалевшим казакам кружку с собственным вензелем. Легенда утверждает,

что много лет подарок высокого гостя пролежал на дне озера – был утащен со двора гусем. Во время засухи кружка вновь попала в руки песчановцам, а в конце прошлого века перебралась в российский город Курган, где благополучно пребывает в частной коллекции (от Эрика Крейтера).

Вот, пожалуй, и все, что осталось от события вековой давности.

Долгое время автор статьи лишь догадывался о том, бывал ли православный Наследник в храмах по пути следования.

Ниже привожу любопытный документ, написанный священником Михаилом Лебедевым как отчет о поездке и носящий название: «Описание, составленное на основании официальных донесений благочинных и причтов».

«Из Петропавловска Его Высочество, сопровождаемый благожеланиями и христиан, и мусульман, проследовал далее чрез поселок Архангельский. Ожидавшее здесь на церковном крыльце духовенство, к сожалению лишено было счастья лицезреть Сына Царева, потому что Великий Князь останавливался здесь не более, нак на ¼ часа и, приняв от жителей хлеб-соль, тот час же, при криках «ура!» и бросании народом в воздух шапок, при колокольном звоне, осеняемый священнослужащим св. крестом, отправился вперед. Жители поселка, после молебствия в церкви о благополучном следовании Его Высочества, вышли на площадь и здесь, по предложению священника, многие из них пропели руский народный гимн, исполненный, сверх всякого чаяния, довольно удачно. В пос. Становской Государь Наследник прибыл 18 июля в 8 часов вечера и подъехал, в сопровождении свиты, прямо к церкви, где в главных воротах церковной ограды был встречен благочинным с другими, собравшимися из других церковных приходов, священниками, диаконами и псаломщиками в блестящих ризах и стихарях. Прослушав в церкви краткое молебствие и предшествуемый по выходе из храма священником со св. крестом, Его Высочество пешком от церкви пошел к назначенной ему квартире между двух рядов народа и выстроенных в одну линию воспитанников и воспитанниц казачьих школ, прибывших сюда с учителями и учительницами из 7 по-

селков. Крики «ура!» сопровождали Высокого Путешественника. Милостиво приняв почетный караул от льготных казаков, и пропустив его церемониальным маршем, затем приняв от жителей поселка и города Кокчетава поднесенную Ему хлеб-соль, Государь Наследник вошел в назначенную Ему квартиру, убранную как и все дома жителей, зеленью и флагами. Здесь были предложены Его Высочеству чай и ужин. Утром Великий Князь и Сам лично, и чрез Своего адъютанта принимал прошения и раздавал пособия беднейшим жителям поселка, а на украшение местной церкви пожертвовал 100 рублей. В следующий затем поселок Новорыбинский, дома которого были украшены зеленью и разноцветными флагами, Его Высочество прибыл в 12 часов дня 19 числа и в храме был встречен с подобающей честью местным и прибывшим из окрестных сел духовенством. По выходе Его Высочества из храма, местный священник, осеняя Государя Наследника св. крестом, сказал: «Да благословит Тя, Августейший Атаман, Господь Бог от Сиона и да узриши благая Иерусалима во все дни живота Своего». Великий Князь, наклонив голову и отдав честь духовенству, изволил после того сесть в приготовленную коляску для следования в квартиру. Здесь, окруженный массою народа и учащимися детьми (около 150), сопровождаемый почетным караулом из казаков и криками «ура!», Его Высочество, приняв от новорыбинцев хлеб-соль, изволил подойти к хору певчих и милостиво выслушать народный гимн. Затем в училище Ему была поднесена группа из серебра (стоимостью 2300 рублей) от казаков станиц Пресновской и Пресногорьковской, в память взятия казаками г.Андижана в 1875 году. Пребывание Государя Наследника в сей станице не осталось бесследным, так: попечитель школ казак Алексей Бородавкин получил благодарность и золотой перстень с бриллиантами; прислуживавшие во время завтрака Цесаревича г-жи Таранова — перстень, Бородавкина, Чернигина и Успеньева — по империалу; урядник Чернигин — золотые часы; казак Василий Бородавкин — серебряные часы; казак Яков Бородавкин — золотой перстень с бриллиантами, а тринадцатилетний сын его, Владимир, проскакавший около экипажа Его Высочества верхом

около 150 верст со значком, на котором были вышиты слова: «Храни, Господь, в пути Августейшего Атамана», лично был пожалован золотыми часами; певчие были награждены 40 рублями; казачата, проскакавшие около экипажа Государя Наследника до ст. Пресновской 28 верст — по серебряному рублю; а урядник Чернигин, обучавший их — полуимпериал; жена учителя — Катанаева, за вышивку слов на значке, - золотой перстень с бриллиантами. Осчастливленные таким высоким вниманием, жители поселка Новорыбинского ликовали, и благожелания их неслись вслед Высокому Путешественнику. В ст. Пресновской Государь Наследник, встреченный духовенством вне церковной ограды, приложившись ко кресту, вскоре же, не более как минут через 12, изволил отправиться далее — в станицу Кабанью. Сюда Его Высочество прибыл 19 июля в 6 часов вечера. Так как более свободное место находилось близ церкви, то прямо церковных ворот заблаговременно и были поставлены три хорошо убранных и устланных коврами азиатской работы кибитки. Местный настоятель — благочинный, с соседними священниками и низшими членами причта в праздничных облачениях с крестом в руках ожидал Дорогого Гостя в притворе. Церковь была освещена как в день св. Пасхи; пространство от церковных оградных ворот до солеи было устлано коврами, из которых лучшие покрывали приготовленное у правого клироса место для Его Высочества. К сожалению, Государь Наследник не мог быть в церкви, потому что, видимо, очень спешил, так как один из свиты Его Высочества, во все время пребывания Его в кибитке, неоднократно выходил, приказывая ямщикам скорее закладывать лошадей. Приняв хлеб-соль от жителей поселка Кабаньего, Великий Князь вошел в кибитку. Обширная кибитка была разделена занавесами на три части. В середине стояли стол и стулья, а за одной из занавесок был приготовлен чай и квас для утоления жажды и также тазы и кувшины с водою на случай освежения от невыносимой пыли. Один из свиты Его Высочества, по входе в кибитку, за одной из занавесок услышал шепот; это препирались две женщины, назначенные, в случае требования, подавать чай. Одна говорила: «Иди ты, я боюсь», другая -

«Нет, ты, я не смею». Отдернув занавес, свитский офицер сказал: «Да у вас тут чай! Не бойтесь! Позвольте нам всем по стакану — с удовольствием выпьем». Ободренные женщины принялись за дело. Опять беда: к чаю Его Высочество потребовал хлеба, его не запасли; тогда Его Высочество указал на поднесенный Ему жителями хлеб — опять препятствие: нет ножа для разреза. Однако один из урядников, увидя у стоящего недалеко киргиза за поясом нож, взял его и, нарезав хлеба, поднес Его Высочеству на блюде. Выпив стакан чаю, Государь Наследник поблагодарил подносившую словами: «Спасибо, матушка!», и как той, так и другой из готовивших чай подарил по золотому трехрублевику. По выходу из кибитки, Государь Наследник потребовал к себе хозяина кибитки и когда его не оказалось, то — его доверенного, которому и подарил на память полуимпериал. Здесь же Его Высочество был встречен учительницей и учениками поселковых школ и милостиво поздоровался с ними. Но когда ученики, под руководством нарочито вызванного из Кокчетава регента, запели народный гимн, то Его Высочество, видимо торопясь, остановил пение, сделал под козырек, поклонился народу направо и налево и, осенив себя крестным знамением, сел в экипаж, сопровождаемый колокольным звоном и восторженными кричали «Ура!» бежавшего за ним народа. За Государем Наследником, как своим Августейшим Атаманом, поскакали верхом все школьники-казачата и сопровождали Его до тех пор, пока Он не сказал им: «Довольно дети, вы устали; возвращайтесь домой и завтра ждите от меня награду». И действительно на следующий день они получили от Его Высочества по серебрянному рублю и ящик конфект. Возвращаясь назад, г.Генерал-Губернатор при многочисленном собрании народа, поздоровавшись с настоятелем поселка Кабаньего, громогласно сказал: «Его Высочество Государь Цесаревич шлет вам — духовенству, как и всем прочим сословиям, поклон и благодарность, так как в проезде своем остался всем и везде весьма доволен, о чем, именем Его Высочества и объявляю вам». В ст. Пресногорьковской Его Высочество изволил ночевать, утром, часов в 7,

зайдя к ожидавшему Его на паперти духовенству и приложившись к животворящему кресту, при неумолкаемых криках народа отправился далее — в последний пункт Тобольской епархии поселок Песчаный. Приняв здесь хлеб-соль от жителей поселка, Его высочество отправился к границе Оренбургской губернии, отстоящей от поселка в 10 верстах. Сопровождаемый высшим начальством и почетным караулов из кавалеров Сибирского Казачьего Войска, Его Высочество был встречен близ устроенных на границе Оренбургской губернии триумфальных ворот Оренбургским высшим начальством, казаками, инородцами и не малым числом духовенства Тобольской епархии, собравшимся для проводов Высокого Путешественника. Проводив Его Высочество, жители поселка Песчаного принесли горячее моление о дальнейшем благополучном следовании Дорогого Гостя в пределах Европейской России».Так кончилось путешествие Его высочества по Тобольской епархии.

Смутные упоминания о посещении царственными особами нашего края, не раз встречавшиеся автору в различных источниках, подтвердились документально (С.Ф.Шатилов). Подробных описаний проезда князя не сохранилось, отмечу лишь, что он передвигался по тому же маршруту, что и Цесаревич Николай, только в обратном направлении.

Великий Князь Владимир Александрович в Омске в 1868 году. Сибирский генерал-губернатор Кознаков, в своих поездках с места службы (из Омска) в Петербург, неоднократно докладывал при Дворе о жажде Сибиряков видеть у себя на родине когонибудь из Августейших особ. Государь Император Александр Николаевич в этом отношении свой выбор остановил на Великом Князе Владимире Александровиче, которого и решил отправить в путешествие по Сибири в 1868 г. Государыня Императрица Мария Александровна, как рассказывают, долго боялась отправлять в неведомую Сибирь тогда молодого своего сынакрасавца, но в конце-концов, после убедительных доводов генерал-губернатора Кознакова, милостиво согласилась.

(«Русский Архив». 1912. № 12. С. 309)

Обозрение путешествия Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича по Оренбургской губернии и Сибири

8-го июня Его Высочество Великий Князь Владимир Александрович благополучно прибыл в сопровождении своей свиты из Оренбурга в станицу Песчаную, - первый пограничный пункт между землями Сибирского и Оренбургского казачьего войска. Здесь Его Высочество был встречен генерал-губернатором Западной Сибири, генерал-лейтенантом Хрущовым, наказным атаманом Сибирского казачьего войска, начальником 3-го полкового округа, станичным начальством и местным населением. Посетив церковь, Великий Князь отправился в дальнейший путь по так называемой Горькой линии, на которой находятся казачьи станицы 3-го, 4-го и отчасти 5-го полковых округов Сибирского казачьего войска. В станице Пресногорьковской, местопребывании окружного управления 3-го полкового округа, Его Высочество был встречен населением, как местным, так и из окрестных казачьих выселков, причем депутация от 3-го полкового округа поднесла Его Высочеству хлеб-соль. Отобедав здесь, Великий Князь отправился в дальнейший путь на город Петропавловск, Тобольской губернии, куда прибыл 9-го июня.

(«Современная Летопись». Воскресные прибавления в «Московским Ведомостям». 1868. № 25. С. 1).

Постскриптум автора:

Дом казака Василия Кладенова до начала XXI века стоял на Казачьей площади (к кирпичному зданию была приделана деревянная пристройка, крыша покрыта поверх железа шифером, здание было после 1917 года отдано под волисполком, поликлинику, пимокатку. Внутренний интерьер был уничтожен, поставлены станки для валяния валенок, баки для воды). В ноябре 2006 года дом сгорел. Огонь уничтожил крышу, потолок, пол. Остались лишь стены. Площадь перед руинами имеет грустный вид – заросла кленами, кустарником. Сегодня лишь обладая живым воображением можно представить встречу цесаревича, находясь у разрушаемых кирпичных стен. Оставшиеся после пожара, они продолжают разбираться варварами XXI века ради

железных штырей, скрепляющих кладку. Северную стену разрушили с помощью трактора, вырвав через нее бочку для воды. Недалек тот день, когда историк, прочитав воспоминания царя, генерала Симонова и князя Ухтомского, с горечью скажет: «Здесь стоял дом Кладенова». Сын Василия Кладенова, последний владелец дома, Яков (род. в 1885 г.), был арестован в г. Кургане 7 июля 1930 года «за подготовку вооруженного восстания». Приговорен 4 ноября по ст.58/10,11 к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно в 1957 году. В метриках Пресногорьковской церкви есть запись, сделанная священником Константином Курбановским 11 января 1877 года о рождении у Василия Васильевича и Елены Григорьевны Кладеновых дочери Татианы.

Из воспоминаний старожилов: «У Якова Кладенова было три сына и дочь Мара. Дочь он очень любил и в ее спальне сделал ставни, закрывавшиеся изнутри. У Кладенова в стене был сделан сейф. Он держал табуны лошадей».

Память о посещении станиц цесаревичем была начисто стерта за несколько десятилетий, и в 60-е годы лишь единицы знали об этом факте. Рассказы старожилов напоминали легенду до тех пор, пока мне не удалось раздобыть копию дневника высокого гостя и по крупицам восстановить детали этого события. Арка и столб стояли в 4 км от Песчанки по дороге к Алабуге в урочище Красный столб (о нем упоминается в документе за 1767 год, здесь проходила межа, отделяющая Петропавловский уезд от Оренбургской губернии).

Воспоминания А.Томской (Зенепрецовой). запись 1991 г. «... мой дед урядник Матвей Арсеньевич Зенепрецов и урядник Никита Дмитриевич Успеньев вручали батюшке – императору поднос со статуэткой казака на лошади с шашкой, отделанный серебром и каравай с хлебом – солью на рушнике. Император был маленького роста в солдатской гимнастерке, совсем еще мальчик».

Елгаштина пашня: войсковой старшина и его потомки

В топонимии станицы Пресногорьковской до сих пор сохранились названия Елгаштино болото и Елгаштина пашня, но никто из жителей не знает, откуда дошли до нашего времени эти названия.

Историк Сибирского казачьего войска Георгий Ефимович Катанаев в конце XIX века собирал материалы для истории среднеазиатских походов российской армии. В его личном фонде хранилась рукопись одного из активных участников завоевания Средней Азии Алексея Прохоровича Казина под названием «Воспоминания старого есаула.1885 год». Занимаясь восстановлением истории Архитсратиго-Михайловского женского монастыря, автору удалось обозначить вехи биографии Казина, мужа настоятельницы игуменьи Евпраксии. В первой части воспоминаний мемуарист описывает инцидент, имевший место в 1877 году в Ташкенте. Об этом событии автор прочел ранее в «Московском журнале»№ 4 за 2008 год в статье «Полковник из старой песни» буквально следующее: « Одна из старинных военных песен повествует о том, как в 1877 году сибирские казачьи офицеры прогуливались по Ташкенту. Навещая то одного, то другого товарища… Неужели Семен Елгаштин, боевой командир, и в самом деле оказался настолько горяч, что решился, вступившись за честь полка, штурмовать мирный сад, наполненный самой высокопоставленной публикой? Нам не удалось обнаружить каких-либо подтверждений этому… С другой стороны, зная своеобразные нравы «господ ташкентцев» тех времен, можно и допустить, что в основе приводимого описания лежит некий реальный инцидент, сошедший подполковнику с рук».

В сборнике песен сибирских казаков приведен текст песни, посвященной этому событию.

В семьдесят седьмом году
В семьдесят седьмом году
У Майорова в саду
Припев: Вот калина, вот малина!
Собирались кунаки
Все сибирски казаки
Припев: Вот калина, вот малина!
Уж ты рад – не рад Майоров,-
Ублажай – ка ты наш норов.
Припев: Вот калина, вот малина!
Ты не ждал таких гостей,
А мы просто, без затей!
Припев: Вот калина, вот малина!
Знаем мы, что земляк,
Кызылжара сибиряк.
Припев: Вот калина, вот малина!
Приглашения не ждали,
А запросто прискакали…
Припев: Вот калина, вот малина!
Вдруг команда нам: «садись!»
И мы снова помчались.
Припев: Вот малина. Вот калина!
Кузнецова дом нашли,
На привал снова сошли.
Припев: Вот малина, вот калина!
Нам на водку был посул
Кузнецов, шельма, надул.
Припев:
Он был рад, шельма, надуть,
Мы пустились снова в путь.
Припев:

Пол-Ташкента обскакали
Вновь к Майорову попали.
припев:
Уж ты рад, не рад, Майоров
Ублажай – ка ты наш норов.
Припев:
Укротить бедовый нрав
Прибежал Бордовский граф.
Припев:
Он несолоно хлебнул,
Назад лыжи повернул.
Припев:
А уж ваш бедовый брат
Отличить каналью рад.
Припев:
Грянул вслед особе сей
«Шла молодка из гостей».

В комментарии к песне говорится, что в ташкентском саду Минг-Урюк местная знать проводила гулянье, на которое не был приглашен командир 1-го казачьего полка Семен Елгаштин, герой среднеазиатских походов. Обидевшись, полковник, крепко выпив с офицерами полка, спешил казаков у сада и «приказал им атаковать Минг-Урюк, чем привел всю публику в сильное волнение».

Что же в действительности произошло в саду Ташкента? После прочтения рукописи есаула Казина, переданной автору Олегом Геннадьевичем Шиловым, все стало ясно. Из текста явствует, что Казин и Елгаштин, оба уроженцы Пресногорьковской станицы, находились в довольно неприязненных отношениях. Колкие реплики Казина, бывшего тогда в подчинении командира полка, встречаются в каждой фразе. О том, что лежало в основе конфликта между двумя офицерами – земляками мы вряд

ли узнаем. Привожу расшифровку части дневника с небольшими сокращениями.

«Семен Петрович Елгаштин, сын урядника станицы Пресногорьквской, по протекции дяди своего, сотника, случайно попав в войсковое казачье училище в г. Омске, где и окончил курс, выпущен в 1848 году урядником. Через три года произведен в хорунжии. Случайно попав в образцовую команду в город Петербург, где так же случайно женился на генеральской дочери, статского генерала. Вернувшись на родину есаулом, получил учебную команду. Вскоре произведен в войсковые старшины. Вот уже тут он развернулся и показал свою казацкую удаль. Я только что в это время выпущен был из сибирского кадетского корпуса хорунжим. Помню, был какой-то официальный бал в Омском Благородном собрании, кто-то подстрекнул Семена Петровича проплясать известный в то время в Омске танец «комендоната». Хор музыкантов всегда играл в Благородном собрании, в то время благодаря прекрасному капельмейстеру Завадскому, лучшему во всей Сибири. Чем руководствовался Семен Петрович, отличиться ли хотел перед генерал-губернатором и перед бывшим наказным атаманом, но под влиянием винных паров, обуявших как всегда преждевременно его удалую казацкую головушку. Только что успел уехать генерал-губернатор домой, как вдруг показалась в дверях невысокая, но плотная фигура, мундир расстегнут, белая рубаха на виду, сияющая и красная физиономия. «Музыканты, стой! Вы знаете, что я войсковой старшина. А вы войсковые музыканты? Должны меня слушаться. В это время танцевали кадриль. «Валяй камендонату! Раздался громкий голос Елгаштина. Елгаштин ворвался в зал и начал плясать. Некоторые барыни думали было попадать в обморок, но, подхвативши свои шлейфы, бросились в дамскую уборную, откуда моментально разъехались по домам. Многие из мужчин остались довольными выкинутыми антраша. Но все-таки вечер окончился для него весьма неблагополучно. Его удаль приняла столь широкие размеры, что пришлось выпроводить ретивого плясуна из собрания. На другой день сивые старики Благородного собрания исключили его из членов клуба, но

«комендоната» осталась надолго историческим воспоминаниям Омского благородного собрания и долго подозрительно почтенные члены клуба поглядывали на казачьих офицеров, членов клуба. Но когда в 1873 году С.А.Елгаштин был назначен командиром 1-го Сибирского казачьего полка (что ныне Ермака Тимофеева полк), тогда он почувствовал твердую почву под своими вечно выделывающими вензеля ногами.

Мин-урюк – тысяча деревьев. Это в то время общественный сад с вокзалом, беседками. Несколькими хорошо вычищенными аллеями. Урюковыми деревьями, где проходили общественные гуляния. Однажды там было назначено гулянье с благотворительной целью "Лотарея...», куда попал и я. Подходя к саду, увидел около него несколько сотен казаков нашего полка, спешенных. В боевой амуниции. Спрашиваю вахмистра нашей сотни: «Как сюда попал полк. Ведь сегодня день свободный и занятий нет? Господа офицеры где? По тревоге его высокородия, командира полка. С десяток есть господ офицеров. Господа офицеры довольно крепко выпивши, нашей сотни господ офицеров нет никого». Иду в сад. Встречаю молодого офицера Симского, всегда причесанного, прилично одетого, недалекого развития умишком, но ловкого, умевшего расположить то лицо, которое для него полезно и нужно. Впоследствии из этой личности вышел карьерист весьма хороший».

Далее Казин пишет о состоявшемся конфликте между Елгаштиным и генералом Бордовских. Стычка закончилась мирным соглашением.

«Полк двинулся в лагерь, я же вернулся в сады, не осталось ли еще кого от собутыльников Елгаштина. Почтенная публика и начальство стала как-то подозрительно смотреть на всех казачьих офицеров, непременно видя в нас пьяницу и скандалиста. Но к счастью скоро подоспел Кокандский поход, а затем и славные геройские дела с М.Д.Скобелева с Сибирскими казаками 1-го полка, восстановил нашу пошатнувшуюся было популярность».

Семен Алексеевич Елгаштин отличился в бою под Тилляу, разгромив до тысячи кокандцев. За этот подвиг награжден Золотым оружием. Из воспоминаний Н.Симонова известно, что он

находился в натянутых отношениях со Скобелевым. «Остановив сотню, Симонов пошел представиться командиру полка, который в это время сидел за стаканом чаю под арбой. «Здравствуй, здравствуй, что нового в Ташкенте? Теперь уже я тебе не начальник, являйся к Скобелеву», - говорил он. Никогда, кажется, не был Елгаштин так мрачен, как в этот день, он был страшно возбужден. Что произошло в эти последние дни между ним и Скобелевым, с уверенностью едва ли кто может сказать, Одни говорили. Что Елгаштин сказал какую-то дерзость Скобелеву, другие, что Скобелев был не прав: распорядился какой-то сотней помимо командира полка, что со стороны Елгаштинавызвало протест, Последнее было ближе к истине».

Семен Алексеевич Елгаштин родился в 1829 году. Как известно из его послужного списка, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, он происходил из казачьих детей Тобольской губернии, то есть был потомственным, или, как тогда говорили, «природным» сибирским казаком. Герой Коканда полковник Елгаштин скончался в 1885 году. Поиски потомков Семена Алексеевича привели к следующим результатам.

Иван Семенович Елгаштин(1863 – не ранее 1937, Уфа) войсковой старшина, поставщик лошадей для Императорского двора из конюшен Тургайского конезавода. В 1892 году женился в Москве на дочери статского советника Давидовича - Нащинского Марии Николаевне. Дети: Зинаида(1897 – 1979), Андрей, Муся, Николай. С 1906 года жили в Уфе. В мае 1919 года Иван Семенович ушел с белыми на Восток. За ним поехала Мария. В дороге умер от тифа Андрей. Судьба Николая неизвестна. Дочь Муся вышла замуж за юриста Бориса Беляева и уехела в Ташкент. Скончалась от тифа в 1922 году, после рождения дочери Марианны.

Мария Николаевна Елгаштина (1883 – 1966), народный художник Башкирской АССР, основательница Башкирского театра кукол.

Зинаида Ивановна Елгаштина (1897—1979) балерина, ученица В. Ф. Нежинского. Встречалась с Волошиным в Коктебеле в 1926, 1927, 1929 годах. Рукопись ее воспоминаний хранится в архиве ДМВ. Написала воспоминания «Коктебель и его легенды», воспоминания о встречах с М.А.Волошиным.

Ульяна Семеновна Елгаштина (1879 – 1942), с 1909 года – жена секретаря Л.Н.Толстого Виктора Анатольевича Лебрена(1881 – 1979), которую он называл Юлианой. Они прожили счастливо вместе 34 года. Ульяна похоронена во Франции. Туда Лебрены перебрались в 1926 году.

В.А.Лебрен писал воспоминания о Толстом и занимался небольшой пасекой, кормившей семью. Он пережил вторую мировую войну, но двое сыновей на войне стали инвалидами.

***Об есауле 1-го военного отдела СКВ Казине Алексее Прохоровиче.

Алексей Казин родился в 1841 году в семье сотника СКВ Прохора Казина (умер в 1840 - 47) в Акмолинской области, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе. Мать – Надежда Степановна. Есаул Алексей Прохорович Казин состоял в комплекте строевых частей СКВ. Казин А.П. являлся кавалером орденов Святой Анны 2 и 3 степеней с мечами и бантом, Святого Святослава 2 и 3 степеней с мечами и бантом. Он был награжден бронзовой медалью за Кокандский поход 1875 и 1876 годов. Алексей Казин был женат на дочери священника Петуховой Анне Васильевне. Детей они не имели. Войсковое хозяйственное управление СКВ наделило его землей из войсковых запасов. Оно предоставило Есаулу Казину с 1 апреля 1883 г. в пожизненную собственность участок по утвержденным Степным Генерал-губернатором проектным планам в количестве удобной - 761 десятин 1386 сажен по зачету, по таксации 600 десятин и не удобной 127 десятин 159 сажен. Его жалованье от государственной казны и от войска со дня наделения землею в Пресно-

горьковском уезде в течение 5 лет составляло 307 рублей в год; а после окончания пятилетия он получал 687 рублей. После окончания кадетского корпуса Казин вступил в службу хорунжим в 6-й полк СКВ 16 июня 1861 г. По выбору дворянства он был утвержден разъездным заседателем в 6 полковой округ 1 января 1862 г. По истечении трех лет он был отчислен от должности заседателя. По распоряжению Войскового Наказного Атамана СКВ от 17 марта 1866 г. хорунжий Казин был направлен на Ново-Кокандскую линию. Приказом Начальника Ново-Кокандской линией генерала-майора Черняева хорунжий Казин был назначен командиром 15 сибирской сотней. За проявленное усердие в исполнении возложенных на него обязанностей командира он был награжден единовременной денежной выплатой в размере годового оклада. Хорунжий Казин А.П. находился под военным судом по приказу Наказного Атамана от 2 декабря 1866 за № 200 за разные противозаконные проступки с 1 апреля по 28 июля 1866 г. По приказу Военного Губернатора генерал-майора Романовского от 16 апреля 1871 г. по решению дела оставлен от всякой ответственности свободным. За проявленные боевые отличия при преследовании шайки бухарцев под началом Садыка в апреле месяце 1866 г. и шайки каракиргиз под началом Манака в мае месяце 1872 г. он был награжден орденами Святой Анны 3 степени и Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом. 28 декабря 1873 г. хорунжий Казин А.П. был произведен в сотники СКВ. За отличие в делах против кокандцев он был произведен в Есаулы 10 января 1876 г. со старшинством от 10 августа 1873 г. За отличие оказанное в разновременных делах с кокандцами во второй половине 1875 г. и в первой половине 1876 г. он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 2 степени с мечами 29 октября 1876 г. В 1877 г. он был назначен командиром 3-й сотни 2 полка СКВ. Из-за развития тяжелой болезни он был отчислен из строевого состава СКВ 1 октября 1879 г. Вновь Есаул Казин А.П. был зачислен в строевой состав 26 августа 1882 г. в Сибирский Казачий №1-го Ермака Тимофеева полк и назначен командиром 3 сотни (формировалась в Пресногорьковской станице). Он был

уволен от командования 3 сотней 10 июня 1885 г. Есаул Казин А.П. был зачислен в комплект строевых частей с оставлением по сибирскому казачьему войску 8 марта 1887 г.

Есаул Казин А.П. скончался в возрасте 49 лет от тяжелой и продолжительной болезни – туберкулеза 10 января 1890 г. Перед смертью его исповедывал и приобщал священник Павел Парышев. Священник Василий Петухов с псаломщиком Петром Робустовым совершали погребение 13 января на кладбище Михаило-Архангельской церкви станицы Пресновской. В 1901 году прах есаула был перенесен по разрешению департамента полиции для перезахоронения на территорию женского (Казинского) монастыря. По предположению автора, похоронен Казин на погосте у Троицкой церкви. Сегодня от величественного храма остался лишь фундамент, заросший высокой травой, могила старого есаула сгинула навсегда.

Из журнала военных действий и происшествий на среднеазиатских границах.

1866 год

7 апреля заведующий населением центра донес коменданту Чимкента, что на левом берегу Дарьи против устья Арыса появились значительные шайки бухарцев под начальством Садыка. По собранным сведениям, целью этой шайки было уничтожение заготовленного для наших пароходов топлива, а также действие на наши сообщения. Подполковник Городниченко для противодействия Садыку выслал немедленно к устью Арыса отряд под командою хорунжего Казина в составе 70 человек сибирских казаков, 11 артиллеристов при одном ракетном станке и 80 милиционерах. Дойдя до устья Арыса и потом, повернув вверх по Дарье правым берегом, хорунжий Казин 14 и 15 апреля начал встречать мелкие шайки бухарских киргизов, которые при его приближении отступали, и только 16 числа, собравшись в числе до 300 человек, встретили отряд Казина около озера Сары-Кума ружейным огнем. Не выдержав нашего огня, шайка неприятелей вместе с предводительствовавшим ими Садыком, бросилась на левую сторону реки, подобрав и унеся с собою всех раненых.

Воспользовавшись бегством шайки, Казин вызвал из джигитов охотников и переправил их на другую сторону, где они успели отбить одну лошадь и благополучно возвратиться в свой отряд. Прогнав Садыка на другую сторону Дарьи, Казин двинулся вверх по реке к разрушенному укреплению Чардара. Хорунжий Казин узнал, что партия Садыка снова начала усиливаться, вследствие чего он и просил чимкентского коменданта усилить его отряд, что и было исполнено 20 апреля присоединением к нему 18 рядовых при унтер-офицере, посаженных на коней, и 16 милиционеров под командою прапорщика Ахмерова. Пользуясь прибытием подкрепления, Казин решился сделать нападение на шайку Садыка, расположенную на левом берегу. Рассыпав стрелков, Казин с 40 казаками переправился на неприятельскую сторону и, пользуясь огнем с нашей стороны, бросился на партию Садыка благополучно, без потери со своей стороны, успел прогнать Садыка и отнять довольно большую лодку. Садык с партией бросился вверх по Дарье. 22 апреля Казин узнал, что Садык, усилив свою партию, по слухам, до 2 000 человек, начал спускаться ниже по Дарье с целью, переправившись на нашу сторону, действовать на сообщения. Вследствие этих слухов Казин с отрядом направился также на устье Арыса.

«Золотое» седло княгини Кудашевой

Легенда о золотом седле, спрятанном в Пресногорьковке на подворье дома Александра Шехтера в незапамятные времена, долго бродила по улицам и переулкам станицы, пока не канула в небытие вместе с ее старенькими рассказчицами. Как оказалось, легенда имела право на существование и долгую жизнь и, после авторского расследования, более походит на быль...

Перед октябрьским переворотом 1917 года в станице Пресногорьковской останавливалась на некоторое время известная путешественница Александра Кудашева, личность весьма незаурядная во всех отношениях. О ней писали многие популярные

российские газеты и журналы того времени. Автор сделал попытку соединить в единое целое информацию из газет и воспоминаний очевидцев.

В первых числах августа 1911 года весь блистательный Санкт-Петербург встречал отважную оренбургскую казачку Александру Георгиевну Кудашеву, закончившей в северной Пальмире уникальное путешествие – конный пробег из далекого Харбина через всю Россию на скакуне Монголике. На царской даче «Александрия» в Петергофе наездница была представлена императорской семье, где на вопрос царя о цели путешествия отвечала: «Я пыталась доказать Государю Императору верность ему не только казаков, но и казачек, которые всегда готовы вступить в ряды войска на защиту Родины». Своего коня Кудашева подарила Цесаревичу Алексею. Николай II преподнес отважной женщине бриллиантовую брошь-корону с часами.

Приписанная к поселку Благословленному Оренбургской станицы, Александра с детства любила конные прогулки и знала все о казачьей коннице. По некоторым данным, родилась она в Хиве во время похода 1873 года. Рано осиротела, и воспитывалась попечителем и войсковой средой. Детство провела с полком в военных походах по пескам Азии. Там же вышла замуж и провела молодость. Кудашева вместе с мужем, войсковым старшиной, приняла участие в русско-японской войне, за которую была награждена медалью «За усердие». После окончания боевых действий Александра Георгиевна осталась с мужем в Харбине в пограничной страже. После его кончины определила детей на воспитание и обучение в военно-учебное заведение. Неизвестно, когда пришла ей в голову мысль о конном пробеге, но в 1909 году она подала прошение войсковому начальству с просьбой разрешить немыслимое даже по современным понятиям путешествие. 2 мая 1910 года 36-летняя Александра Георгиевна Кудашева отправилась из Харбина на запад на лошади кровной монгольской породы. Восьмилетний иноходец, светло-серой масти, небольшого роста в 1 аршин 13 вершков(128 см), был взят из «косяка» необъезженным по распоряжению ротмистра Заамурской пограничной стражи Батурина. Монголик, при

всей своей неказистости, вез на себе по непролазным дорогам империи всадницу, седло и переметные сумы весом в 6 пудов (почти центнер груза!). В последнюю минуту путешественница взяла с собой огромного восьмимесячного сенбернара по кличке Фараб. Из оружия в сумах были револьвер, кинжал и нагайка. Кудашева стартовала вдоль линии маньчжурских пограничных войск, направляясь к старому Московско-Сибирскому тракту. Начался сезон дождей, ехать пришлось по затопленным разлившимися реками местам, тайгой. От станции Суджанки до Болотной Сибирской железной дороги пробиралась бродяжьими тропами. Таежный гнус был постоянным спутником отважной путешественницы. Тракт лежал в 130 верстах южнее полотна железной дороги и расстояния между населенными пунктами были огромными. Болота были серьезным препятствием, от станции Болотной до села Кустеля 18 верст Александра Георгиевна пробиралась с нанятыми проводниками. В Чите ей пришлось проститься с Фарабом, стершим в кровь лапы. Он остался на попечении командира 1-го Читинского казачьего полка полковника Ловцева. Местность между Читой и Верхнеудинском была совершенно безлюдной. Яблоневый хребет стал серьезным препятствием, но в начале июля Кудашева и Монголик были уже в Иркутске, а 22 августа – в Красноярске, где пробыла 6 дней. 1 октября путешественницу встречал Омск. 20-ти дневная остановка в столице Сибирского казачьего войска позволила отдохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия. В станицах войска наездницу ждали сибирские казаки, знавшие толк в конных пробегах. По просьбе войскового начальства Кудашева поехала не по тракту, а станицами второго отдела Сибирского казачьего войска, где встретила восторженный прием казаков и офицеров. Более месяца Кудашева провела в Кургане из-за болезни Монголика и прибыла в Челябинск 6 января 1911 года. Здесь казаки 3 –го отдела Оренбургского казачьего войска от имени атамана Угличининова и всего войска поднесли землячке приветственный адрес. Газета «Казак» №9 от 1 февраля пишет о прибытии путешественницы в Миасс из станицы Кундравинской. Путь в 25 верст она прошла пешком, ведя коня в поводу

из-за растяжения связок коленного сустава. На наше предложение обратиться к ветеринарной помощи она заявила, что считает таковую в дороге неуместной и хлопотливой, да вряд ли в этой болезни и полезной. По ее заявлению, она очень довольна предупредительностью и обращением с ней начальствующих лиц во все время следования от Харбина до Миасса, а также и обращением казаков, начиная от забайкальцев, сибирцев и кончая оренбуржцами».

Сильные, до 42 градусов, морозы, задержали наездницу на Саткинском заводе. Путь ее лежал в Казань. 13 марта газета «Казанский телеграф» написала: «В пятницу в 4 ½ часа вечера прибыла А.Г.Кудашева и остановилась на Вознесенской улице в доме Макашина, где полиция заранее приготовила для ее приезда комнату и для лошади — конюшню.

С самого Арского поля до квартиры путешественница шла пешком, ведя свою лошадь на поводу: молодая лошадь, прямо взятая из табуна, пугалась городской «культуры» в виде вагонов электрического трамвая, и оригинальной путешественнице пришлось поневоле успокаивать свою «Варварку»... Г-жу Кудашеву на всем пути сопровождали стражники: трое ехали на санях впереди, а один конный — сзади.

Едва оригинальная путешественница успела въехать в дом Макашина, как моментально около дома собралась тысячная толпа народа, прервавшая почти все движение по улице. Спешили сюда и старые и малые, лишь бы только взглянуть на удальца-женщину. С трудом полиции удалось оттеснить публику и восстановить по улице правильное движении. Замечательная наездница — среднего роста, стройного телосложения, брюнетка, с короткими волосами. Одета в казачью форму: бешметик, черкеску, на ногах бурки, а на голове черная сибирская папаха. Большую часть жизни она провела в Сибири, на далеком холодном севере. Вообще, г-жа Кудашева производит впечатление женщины выдающейся — да простит нам милая путешественница маленькую неделикатность — не женской энергии и силы воли. На вид ей можно дать 27–30 лет.

Седло простое кавалерийское; везет с собой г-жа Кудашева только кавалерийский вьюк и, кроме переменного костюма, ничего не имеет: ни подушки, ни одеяла и почти все время находится при лошади, ночуя вместе с ней в конюшне, часто на полу, на холоде.

За лошадью оригинальная путешественница все время присматривает сама; лично, при помощи кузнеца, ей приходится своего «Монголика» ковать и расковывать: лошадь посторонних людей совершенно не подпускает, тогда, как свою наездницу настолько изучила, что понимает каждое ее движение... Всюду и везде, по словам путешественницы, ее осаждают громадные толпы народа, часто загораживая дорогу лошади и препятствуя, таким образом, продолжать г-же Кудашевой путь.

Между тем, путешественнице на каждом шагу приходилось подвергать большому риску свою жизнь — особенно в Сибири. Здесь во многих местах на нее враждебно косились, принимая ее то за «агента тайной полиции», то за «жандарма, едущего с особыми инструкциями», то, наконец, (в Тобольской губернии) за «антихриста»!.. Вокруг личности г-жи Кудашевой порою слагались целые легенды: в Тобольской губернии, когда она по болезни лошади 1 месяц и 8 дней жила в г. Кургане, говорили, что путешественница одновременно появлялась и в Кургане и в совершенно противоположном конце этой губернии — в г.Ялуторовске.

Не обошлось во время пути и без интересных инцидентов. Когда путешественница была в г. Челябинске, то специально ради нее из села Каменского (в другом источнике «из Куртамышского Оренбургской губернии» – прим.С.В) приехали два купца и стали добиваться пропустить их к лошади и «странной наезднице». «Мы слышали, — заявили они, — приехала 150-летняя барыня с заморскою лошадью. Барыня то, слышь, говорит со своей лошадью по-немецки, а по-русски она не знает. Покажите нам барыню и лошадь: мы лошадку за двести тыщ, а купим».

В Казани она пробудет около недели, так как у лошади болит сухожилие передней правой ноги. Для лечения приглашен вете-

ринарный врач г.Мамадышский. Вечером в 9 часов лошадь осматривал и ветеринарный врач г.Ильин.

Поразительная у наездницы память. Она хорошо запоминает наречия и характерные особенности в разговоре населения всех тех губерний, через которые ей пришлось ехать. Передает — неподражаемо. Путешествует г-жа Кудашева не на пари, а по чисто патриотическим побуждениям и «на пользу, — как она говорит, — русской армии». Состоит она на службе в Заамурском военном обществе, от которого получает известное вознаграждение. О всем путешествии ведет дневник и посылает отчеты. За труды и службу г-жа Кудашева имеет золотую медаль на Станиславской ленте.

В заключение нельзя не отметить, что путешественница настолько привыкла к холоду, что не имеет для защиты от холода ни башлыка, ни перчаток и говорит, что руки у нее обладают такой особенностью, что никогда не испытывают холода. Ф.Львов». Монголик в пути постоянно имел проблемы с ногами. Газета «Русское слово» написала 30 июня 1911 года: «Вчера, в 4 часа дня, отправилась в дальнейший путь гостившая в Москве путешественница А.Г.Кудашева, направляющаяся верхом на своей лошади Монголик из Харбина в Петербург. А.Г.Кудашева поехала по Петербургскому шоссе на Тверь и Вышний Волочек. В Петербург А.Г. предполагает приехать не ранее, чем через месяц, так как нужно беречь Монголика, который после болезни ног еще не совсем оправился».

Совершив беспримерный конный переход, Кудашева стала знаменитой на всю Россию. В Петербургских газетах летом 1911 года появились статьи и фотографии путешественницы. Журнал «Огонек» писал: «Ни на шаг не отходила сибирячка – наездница от своего скакуна. Каждый день его кормила, чистила и даже мыла. На ночевках она ложилась рядом с ним, деля все трудности тяжелой дороги».

Свое второе путешествие А.Г.Кудашева совершила в 1913 году. В середине апреля она выехала из Владивостока на чистокровном жеребце Крите, представленном ей местным заводом Яновского для испытания выносливости русской кавалерийской

лошади. Крит хорошо показал себя во время 2000 верстного пробега по Корее и взял 21 приз на Владивостокском ипподроме. Говорили, что сам император предложил ей подвергнуть испытанию коня чистокровной породы и выбрал для этой цели подаренного ему Яновским четырехлетка Крита.

Пробег проходил по Монголии. Проехав Семипалатинск, где путешественницу встречал губернатор А.Н.Троицкий, через Сергиополь и Капал, она14 февраля прибыла в Верный (ныне г.Алматы). За Алферовской рощей (ныне роща Баума) ее встретили представители местной администрации и местного скакового общества. В саду Военного собрания (ныне музей казахских музыкальных инструментов) были поставлены две богатые юрты, соединенные в единое помещение. Встречающие знали из газет о необходимости создания хороших условий для Крита.

В первый день Кудашева хлопотала около коня, никому не доверяя уход за ним.
На другой день Кудашева провела три часа в семье генерал-губернатора Михаила Фольбаума. Вечером она сделала в Военном собрании доклад. Зал был переполнен. Выход Кудашевой был встречен аплодисментами. Перед присутствующими предстала коротко остриженная, одетая по-мужски – в бешмет и черкеску кавказского покроя – женщина лет сорока. Она рассказывала о себе, о своем путешествии, о том, как кормит коня и ухаживает за ним. При этом по свидетельству очевидца, говорила внятно, ясно, не книжным языком, а вела рассказ по памяти, лишь изредка заглядывая в листки конспекта. Из этого-то доклада можно было узнать о биографии Кудашевой, о том, что ее подвигло на путешествие.

Для верненцев приезд Кудашевой имел значение не только тем, что вносил разнообразие в сонную жизнь провинциального города, но и тем, что в Семиречье в то время решался принципиальный для местных коневодов спор: в каком направлении в крае должно развиваться коневодство. Многие полагали, что степная казахская лошадь, хотя и максимально приспособлена к здешним природным условиям и выносliва, слишком мала и нуждается в

улучшении путем привития кровей культурных пород. Решили, что наилучшее разрешение спора – устройство скачек, которые должны были показать преимущество тех или иных лошадей. Скачки в октябре 1913 года продемонстрировали, что лошади английской породы по резвости намного превосходят местную разновидность. Эксперимент Кудашевой был очень важен, так как ее Крит был чистокровным арабом, и то, что он оказался способным выдержать длительное путешествие, было веским аргументом в пользу выносливости культурных пород. Действительно, Крит проделывал ежедневно в среднем 25–30 верст.

После состязаний Кудашева одобрила программу селекции семиреченской лошади. Местную степную лошадь она оценила как совсем плохую и дала ряд советов по ее улучшению. Лучшая лошадь, по мнению Кудашевой, – монгольская степная. Однако из-за низкорослости и она, по словам путешественницы, нуждалась в улучшении.

17 февраля Кудашева попрощалась с Верным и отправилась дальше. В ее планы входило посещение всех коренных областей Туркестана с остановками в Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде. Далее – Астрахань, Уральск, Оренбург, Вологда, Петербург.

Во время Первой мировой войны оренбургская казачка А.Г.Кудашева пошла добровольцем на германский фронт и служила в конной казачьей разведке.

О встрече с ней в станице Пресногорьковской Сибирского казачьего войска вспоминал в 1973 году Сергей Владимирович Преображенский:

Как-то, играя за общественными амбарами на площадке у леска Лазаретника (современные жители называют его Пожарским) в мячик, мы увидели, что по дороге от поселка Крутоярского ехал всадник на белом коне. Конь был красив, сияющий в солнечных лучах. Всадник спросил дорогу к дому ветеринарного врача А.П.Шехтера. Два сына Александра Петровича Николай и Павел проводили его до дома (в 2014 году дом был в неплохом состоянии – прим. автора С.В.). По приезде всадник отрекомендовался Александрой Герасимовной Колпаковской. Мы,

конечно, были удивлены, что всадник оказался женщиной. Одета она была в широкие шаровары, в длинную черкеску, подпоясанную наборным ремнем при кинжале и пистолете, в черную папаху с черным ворсом. Пока она знакомилась с семейством, умывалась и приводила в порядок себя и своего коня, подошел довольно порядочный ее багаж, и станица уже знала и говорила о ее приезде. Особенно был встревожен и удивлен приездом «какой-то Колпаковской» проживавший по соседству с Шехтером восьмидесятичетырехлетний генерал – майор в отставке Иван Яковлевич Нарбут (бывший командир 2-ого Сибирского казачьего полка, ушел в отставку в 1908 году – прим. С.В). Приодевшись, он пошел к Шехтеру для встречи с ней. Придя в гости, он застал всех в столовой, извинился за свой визит, здороваясь с ней и представляясь ей, заявил, что он очень хотел бы знать настоящее имя уважаемой Александры Герасимовны, ибо он, будучи женат на родной ее сестре, дочери бывшего губернатора Оренбургской губернии, хорошо знал, что Александра Герасимовна умерла и он лично присутствовал на ее похоронах (Герасим Алексеевич Колпаковский – почетный гражданин г.Верного, старшина казахов Большой Орды, Семиреченский губернатор и атаман семиреченских казаков, член Военного Совета Российской империи, командующий войсками Омского военного округа, губернатор Степного края, наказной атаман Сибирского казачьего войска, скончался в 1896 году – прим.С.В).

Спутница, поставленная им в очень неудобное положение, встала и перед всеми извинившись, сказала, что она имела в виду и дальше следовать «инкогнито», но, оказавшись случайно разоблаченной, достала документ личности и прочла, что она действительно является Александрой Герасимовной Кудашевой, женой или дочерью, теперь не помню, князя Кудашева. Конечной целью ее поездки была эвакуация в Омск, и далее в Китай. На некоторое время она остановилась в станице Пресногорьковской и жила в нашей летней кухне. Изредка она разрешала мне делать проминку ее чистокровного арабского скакуна Лорика без седла. Лишь однажды она разрешила проехать в седле. Оно было казачьей формы, стремена, подпруга и шлем были укра-

Пушка из Пресногорьковской крепости

Казачий тракт, 1848 год

Карта похода Набокова в Центральный Казахстан в 1816 году

Александра Кудашева

Есаул Николай Кубрин

Свадьба Кубрина

Николай Кубрин с семьей

Александр Шехтер. 1902 год

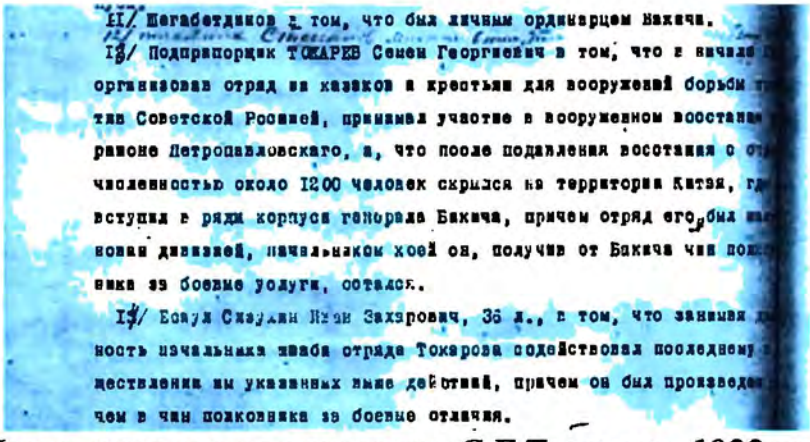
Дом Кладенова, фото 1891 года

Дом Кладенова, фото 2012 года

ЦВѢТЪ ОРЕНБУРГСКАГО ВОЙСКА (ВЪ ПРОѢЗДЪ АВГУСТѢЙШАГО АТАМАНА).

Оренбургские казаки на встрече Цесаревича, 1891 год

Школа(1914 -1959).Вид с северной стороны



11/ Магабетдинов в том, что был личным ординарцем Бакича.

12/ Подпрапорщик ТОКАРЕВ Семен Георгиевич в том, что в начале организовал отряд из казаков и крестьян для вооруженной борьбы против Советской России, принимал участие в вооруженном восстании в районе Петропавловского, а, что после подавления восстания с отчисленностью около 1200 человек скрылся на территории Китая, где вступил в ряды корпуса генерала Бакича, причем отряд его был назван дивизией, начальником коей он, получив от Бакича чин полковника за боевые услуги, остался.

13/ Есаул Сизранов Иван Захарович, 36 л., в том, что занимая должность начальника штаба отряда Токарева содействовал последнему в исполнении им указанных выше действий, причем он был произведен в чин полковника за боевые отличия.

Из расстрельного приговора С.Г.Токареву, 1922 год.

Иван Коваль. 1945 год

Партизаны. Дмитрий Ковалев в 1-м ряду в центре. 1919 год

Меринова Т.Д., 1939 год

Н.А.Киженцев -один из славных выпускников школы

Андриан Киженцев в центре

Константин Степанов (второй слева), стоит Иван Рулимов

Фиронов Николай (лежит слева)

Ширяев Сергей Спиридонович(в центре)

Часовня Казиной, 1896 год.

С С.М.Жалыбиным в монастыре

У озера Ульево после установки памятного креста

шены золотыми и серебряными орнаментами. Потники обшиты тонким персидским ковром. Седло, по ее словам, было подарено ей в империалистическую войну главнокомандующим войсками Н.Н.Романовым, дядей царя Николая II (легенда о закопанном во дворе дома «золотом» седле жила в Пресногорьковке до конца столетия – прим. С.В). Полковник Кудашева командовала отдельным казачьим полком, имела высшее образование, два диплома – ветеринарный и медицинский.. Много путешествовала, долго жила в Индии, владела гипнозом. Говорила на многих языках, в том числе и по-казахски. Лечила гипнозом и лекарствами из трав, знала астрологию и хиромантию. Выступала с лекциями, проводила беседы и показные занятия по уходу за конем, показывала правильную ковку и расчистку копыт. Изредка на вечерах, устраиваемых после спектаклей, танцевала лезгинку, Во время танца, идя по кругу, выбрасывала к потолку свой кинжал и, не задерживаясь, в танце ловила его, и так повторяла несколько раз. В то время ей было около сорока пяти лет. Столовалась она у нас. За завтраками и обедами она обычно не задерживалась. Вечерний чай проходил в беседах и спорах с отцом. Прожила она у нас около года. Уехала в Курган на Смолинский конный завод и там по совместительству заведовала городской ветеринарной амбулаторией. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Последний раз встречался с ней в конце 1917 года».

Автору статьи не удалось узнать более ничего о А.Г.Кудашевой. Ясно одно, что она была незаурядным человеком, оставив свой след в памяти многих людей Российской империи. В биографии ее многое неясно, даже отчество ее постоянно путают в газетных новостях, называя то Григорьевной, то Георгиевной, то Герасимовной. Рассказывая о себе, всадница иной раз добавляла в свой рассказ то, чего не было, однако нельзя отрицать ее несомненный вклад в развитие коневодства и конного спорта России в период, когда конь был главным средством передвижения, как в мирное, так и в военное время.

Видимо, имидж Кудашевой использовали и самозванки. Так, в Чарджоу появилась в конце апреля 1913 года наездница на «Крите». Власти предоставили ей все необходимое для нее и

лошади. Однако, по рассказам очевидцев, вид ни той, ни другой явно не соответствовал облику истинной Кудашевой, которая в это время только начала путешествие из Приморья. Лошадь была настолько раскормлена, что не могла преодолеть и 15 верст, а хозяйка выглядела старой, неопрятной бабой, с манерами никак не соответствующими поведению настоящей оренбургской амазонки.

***Примечание о И.Я.Нарбуте. Об отставном командире 2-го Сибирского казачьего полка автор подробно написал в книге «Исход». Здесь уместно привести данные, ставшие известными автору после выхода в свет книги.

Иван Яковлевич Нарбут родился 4 мая 1851 года, православного вероисповедания, произведен в офицеры 21 июля 1870 года, в сотники в 1873 году, в есаулы в 1877 году, в войсковые старшины в 1879 году, в полковники в 1891 году. Был омским полицмейстером(1887 – 1888). С 3 мая 1888 года по 15 июня 1891 года начальник Токмакского уезда. С 1895 года – командир 2-го Сибирского казачьего полкА. После отставки в 1908 году уехал в станицу Пресногорьковскую Акмолинской области. Вернулся в Джаркент. Был почетным мировым судьей города, Во время восстания 1916 года был членом Военного Совета города. Умер в станице Пресногорьковской 7 апреля 1919 года (ист.: войсковой еженедельник «Иртыш», Омск,1919 №12/13).

Три версии одного события

О бунте казаков в полевом лагере под Кокчетавом автору рассказывал в 70-х годах прошлого столетия участник трех войн Степан Ефимович Федосенко. Называл старый казак это событие не иначе как революцией.

«Перед войной с ерманцем с офицерами бились,- гордо говорил дед, - покачивая седой головой,- побили тогда казачков почем зря». Выступление казаков на речке Чаглинке автор перепутал тогда с событиями в станице Пресновской летом 1918 года, когда пришедшие с фронта казаки отказались идти в армию

Временного Сибирского правительства, и, покинув лагерь, отправились по родным станицам. Там их встретили неласково, кое-где пороли и отправили таки служить в Омск. Много позже я прочел о Кокчетавском бунте в воспоминаниях атамана Б.В.Анненкова, служившего в это время командиром сотни 4-го полка. Глухое упоминание есть у И.П.Шухова в знаменитом романе «Горькая линия». С особым трепетом открыл автор папку с тремя листами, содержащую разгадку происшествия, которое имело тогда небольшой резонанс лишь потому, что началась Первая мировая война, затмившая все остальные сколько - нибудь значимые события. Прочтем же документ вместе с читателем.

Акмолинский губернатор сообщал 20 августа 1914 года в Омский департамент полиции для сведения:

«31-го июля сего 1914 года, в 5 часов вечера, в кокчетавском сборном пункте мобилизованные казаки 4 и 7 полков произвели военное восстание, сожгли офицерский барак с имуществом и убили офицера подъесаула Бородихина. Обстоятельства этого дела таковы:

Молодой казак Данилов заторговал на сборном пункте у одного киргиза для себя лошадь и куда-то на время отлучился. Узнав по возвращении на пункт, что заторгованную им лошадь киргиз уже продал подороже другому лицу, казак Данилов начал упрекать его в недобросовестности и пытался отобрать лошадь силой, но киргиз не давал ему, долго отбивался и ударил Данилова ногой с такой силой, что она моментально распухла. Казак Данилов просил старшего по лагерю офицера подъесаула Бородихина наказать киргиза за нанесение ему оскорбления, но последний ему отказал, разъяснив, что наказывать частных лиц за такие поступки он не имеет права и при этом в шутливом тоне высказался: « Какой же ты после этого казак, когда тебя побили, вместо жалоб насшибал бы ему хорошенько, да и делу конец». Данилов продолжал настаивать на своем и привел обидчика к офицерскому бараку, стараясь ударить его. За казаха вступился Бородихин, разняв их и ударив при этом Данилова. Тот закричал на весь лагерь, что его ни за что бьет офицер, тут же

сбежалась полупьяная толпа в несколько сот человек и, крича об избиении казака, бросилась на терассу, где сидел Бородихин. В подъесаула полетели камни, палки и все, что попало под руки. «Сначала офицер Бородихин, защищаясь от озверевшей толпы, отстреливался из револьвера», но увидев, что толпа подожгла его барак, бросился к речке Чаглинке, был настигнут на берегу и убит. «Находившиеся в тот момент в лагерях младшие офицеры Аников (Анненков? – прим. С.В.) Шевелев и Бородихин, младший брат убитого, не принимали никаких мер к прекращению беспорядков и ограждению товарища от насилия, спокойно стояли и смотрели на происходившее». После убийства казаки 4-го и 7-го полков упрашивали их остаться в лагерях и уверяли, что их не тронут, но они ускакали в Кокчетав, где заявили атаману отдела о случившемся. Военные власти не обнаружили на месте орудий убийства, нашли лишь обезображенный труп «покрытый многочисленными смертельными ранами, на нем оказалась одна огнестрельная рана на левой стороне груди».

До прибытия карательного отряда 43-го Сибирского полка бунтовщики старались распространить пол Кокчетаву слух о самоубийстве Бородихина. Однако, нашлись свидетели, показавшие следствию, что подъесаула убили, после чего прострелили грудь. «Убитого офицера Бородихина, после наружного медицинского осмотра, похоронили в г.Кокчетаве 5-го сего августа». Покойным была ранена женщина - казачка и шестеро казаков, один из которых на третий день после происшествия скончался. Следствие проводил генерал Усачев. Было предано суду 39 человек, а командиры полков и офицеры за бездействие предстали перед судом Омского военно-окружного суда. 11 казаков были оправданы, осуждены на каторжные работы 20 человек, к смертной казни приговорены 8 бунтовщиков. «13 –го августа, в 7,30 часов утра, в двух верстах от города Кокчетава, в долине, окруженной со всех четырех сторон горами, была приведена в исполнение часть приговора: из 8 казаков, приговоренных к смертной казни – 7 человек расстреляны, а один, тяжело раненный в голову убитым Бородихиным, оставлен до выздоровления, все приговоренные к каторжным работам заклю-

чены в местную тюрьму. Осужденные к расстрелу казаки выслушали свой приговор настолько спокойно, что даже не заявили своего ходатайства пред Государем Императором о смягчении их участи, были совершенно спокойны и держали себя развязно, когда шли на смертную казнь и даже в тот момент, когда их привязывали к столбам все время просили начальника эшелона скорее их расстрелять. Все население Кокчетава до самого отъезда карательного отряда было совершенно спокойно».

Анненков вспоминает о бунте несколько иначе, нежели бесстрастный губернатор: «Начальником лагеря являлся жестокий и грубый офицер Бородихин, который к тому же был нервным и вспыльчивым, а потому избивал казаков по самому ничтожному поводу. Однажды он публично ударил по лицу молодого казака Данилова.

Кто-то громко произнес: - бить нельзя! Нет у вас такого права!...

Начальник лагеря грубо выругал всю группу, обозвал казаков трусами, и добавил, что они могут говорить только в спину. Но стоило Бородихину отвернуться, как вслед ему понеслись насмешки и ругательства.

Разъяренный офицер выхватил револьвер и закричал: - Буду стрелять, если не замолчите и не прекратите ругань!

В ответ со всех сторон от рядовых казаков и вольных последовала реакция: - мало германских пуль, еще и свои офицеры по казакам стрелять собираются! Ничего, и на них найдутся...

Это была уже открытая угроза. Начальник лагеря вызвал офицеров, приказал развести казаков по баракам и казармам, выявить и представить ему всех недовольных. Однако казаки вышли из повиновения, чему способствовало неправильное поведение офицеров, пытавшихся усмирить подчиненных, но не так как нужно. Было избито много офицеров, часть которых сгруппировалась в общежитии и стала стрелять по окружившим их казакам. Отстреливаясь от бунтовщиков, Бородихин израсходовал все патроны, выпустив в себя последнюю пулю, но он был только ранен и был тут же добит преследователями. Большинство офицеров разбежались. Меня же казаки не тронули. Более

того, по их просьбе мне пришлось принять на себя командование сразу тремя (двумя-прим. С.В.) полками. Полагаю, что я пользовался среди них авторитетом за уважительное отношение к каждому казаку. Мне удалось восстановить порядок во многом благодаря тому, что вся сотня, которой я командовал, была полностью на моей стороне. О случившемся я донес войсковому атаману. Из Омска к нам тотчас прибыл генерал Усачев с пехотным полком…генерал потребовал от меня назвать зачинщиков и лиц, причастных к убийству начальника лагеря. На это я ответил, что как офицер Русской армии не могу быть доносчиком, чем вызвал явное неудовольствие генерала. Он обвинил меня в укрывательстве и бездействии, за что меня предали военно-полевому суду вместе с 80(? –С.В) другими казаками. Суд меня оправдал, однако окружной суд приговорил меня к 1 году и 4 месяцам заключения. Отбытие наказания мне заменили отправкой на Германский фронт».

По версии В.А.Терещука, сандыктавский казак Василий Данилов сторговал лошадь у жителя Кокчетава Д.Джабакова за 70 рублей. Бородихин, входивший в ветеринарную комиссию, приказал увести коня к нему, дав за него большую сумму. Казаки не выдержали такого произвола и накинулись на офицера. Первым выстрелом был тяжело ранен в голову казак станицы Нижнебурлукской Иосиф Булатов. Бородихин попытался спрятаться в доме офицеров, который тут же подожгли. Офицеры, бывшие в помещении разбежались до поджога. У подъесаула закончились патроны и он был зарублен шашкой. Во время следствия схватили и заключили под стражу многих невиновных казаков. Вел следствие полковник Казаков, членами суда были есаул Белов и штабс-капитан Ушаков. Казака станицы Сандыктавской В.Данилова., трубача из Арыкбалыкской А.Волгаева, мл. урядника И.Булатова и казака С.Палаткина из Нижнебурлукской, М.Духнова и трубача Г.Максимова из Лобановской, С.Богаева и приказного А.Шаврина из Чалкарской приговорили к расстрелу. Е.Светличного и Д.Емельянова - к бессрочной каторге». 13 августа в 8 часов утра приговор привели в исполнение. Потерявшего зрение И.Булатова казнили после выздоровления. По данным

архива был казнен не С.Палаткин, а Иван Духнов, брат Михаила (ЦГА КазССР,ф.369,оп.3,д.552).

Из воспоминаний казака Аканбурлукской станицы Федора Ступаченко: «Казаков привязали к столбам. Но один приговоренный постоянно умолял: «... не убивайте меня, я невинный, у меня остались дома семеро детей, жена болеет. Пощадите...». После выстрела все казненные повисли на столбах, а тот, что просил пощады, оставался невредим. Три раза промахнулась расстрельная команда. Пока капитан с бородкой не подбежал к казаку и не выстрелил ему прямо в голову».

Три документа об одном и том же событии при сопоставлении показывают происшествие в Степном краю совершенно по - разному. Можно ли доверять рапорту губернатора, если даже фамилия в нем Анненкова искажена? Могла ли обычная бытовая ссора перерасти в тяжкое групповое преступление? При анализе документов вопросов больше чем ответов. Участники и свидетели кровавой драмы столетней давности уже никогда не ответят на эти вопросы. Им выпала тяжкая, суровая доля – кто-то погиб на германском фронте, иные сложили буйные головы по разные стороны баррикад в гражданскую, основную часть казаков положила в землю коллективизация. Единицы дожили до 70-х, чтобы сказать любопытным пацанам: «Мы сделали революцию...».

На службе Отечеству

Жизненный путь Николая Кубрина во многом типичен для сибирского казачьего офицера царской армии дореволюционной поры.

Он родился 8 мая 1876 года в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда в семье войскового старшины, дворянина Акмолинской области Павла Кубрина, «природного» сибирского казака. Его предок, Андрей Тимофеевич, принимал участие в подавлении восстания Пугачева в составе полевой команды де Колонга.

Родная станица будущего генерала выросла из валов и рвов бывшей крепости и была знаменита своими людьми. Здесь начинал свою военную службу знаменитый атаман 1 военного отдела Федор Карпович Набоков, здесь был когда-то комендантом герой Бородинской битвы, основатель Акмолинской крепости (ныне г.Астана) Федор Кузьмич Шубин. Детство Николая Кубрина пришлось на годы возвращения в горьколинейные станицы из дальних среднеазиатских пределов казаков, геройски сражавшихся с бухарцами, кокандцами и хивинцами. На груди у многих блестели георгиевские кресты, на папахах – знаки «За штурм г.Андижана», жалованные Государем Александром II. Ветераны, загорелые, с въевшейся навсегда пылью заилийских дорог, охотно рассказывали маленьким казачатам о службе в 9-й роте под командованием героя Плевны, генерала М.Д.Скобелева, о походах и удали командира 1-го Ермака Тимофеева полка Семена Елгаштина. Завороженно слушал маленький Коля воспоминания седобородых казаков, мечтая всею душою оказаться когда-нибудь на их месте. Его жизненный путь был предопределен.

В 1887 году Николай поступил в Омский кадетский корпус. К этому времени он имел славную историю. Здесь учились ученые и путешественники Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин, будущие генералы В.Осипов, М.Казачинин, С.Панков, П.Ребров, А. Померанцев. В 1889 году лучшим учеником выпустился Лавр Георгиевич Корнилов, будущий герой белого движения на юге России.

После окончания корпуса Николай Кубрин в числе лучших выпускников отправился в Санкт-Петербург и в 1895 году по 1-ому разряду закончил Николаевское кавалерийское училище, «12 августа произведен по экзаменам из портупей-юнкеров в 1 Сибирский казачий полк» и направлен служить в Семиречье.

В 1898 году Николай Кубрин женился, родился первенец - Николай. В 1900 году в чине сотника в составе 4-го казачьего полка Кубрин совершает поход в Китай. В боевых действиях участвовать не пришлось - Сибирская дивизия получила Высо-

чайшее повеление о прекращении боевых действий, едва достигнув пределов Маньчжурии.

Николай мечтал о дочери, о ее появлении на свет сообщает метрическая книга Пресногорьковской церкви «9.10.1903 года, родилась Мария, отец - подъесаул Перваго Ермака Тимофеева полка Сибирскаго казачьяго войска Николай Павлов Кубрин и законная жена его Мария Васильева дочь, оба православные. Крестные - сын подъесаула Николай Николаев Кубрин и учительница Пресногорьковского женского начального училища Александра Георгиевна Зверева».

В 1904 году «неожиданно вспыхнула достопамятная и злосчастная для России война с Японией» (Г.Е.Катанаев). В феврале все льготные полки Сибирского войска были мобилизованы. Четыре полка образовали дивизию под командованием генерал – лейтенанта Н.Симонова. В апреле она выдвинулась на передовую линию Маньчжурской армии генерала Куропаткина

На войну Николай Кубрин пошел подъсаулом в 7-ом казачьем полку. Принимал участие в боях под Вафангоу и кровопролитном бою под Ходцзяпудза, в котором погиб командир 7-го полка войсковой старшина Старков. Казаки полка блестяще показали себя на реке Шахэ и в многодневном сражении под Мукденом, прикрывая отходящие корпуса русской армии.

Николай Кубрин получил ранение в ногу ниже колена, был награжден за воинскую доблесть орденом Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и звание есаула. Ранение, после которого он всю жизнь прихрамывал, имеет свою историю. 24 февраля 1905 года подъесаул Кубрин должен был доставить пакет в штаб 4-го корпуса, находящегося неподалеку от города Фу-шуна. Во время бешеной скачки неожиданно наскочил на позиции японцев. Сопровождавшие его, казак 5-й сотни 7-го полка вестовой Линник и казак, присланный для сопровождения подъесаулом Пелымским, сумели проскочить. «С первых же выстрелов подо мной была ранена лошадь, - писал позже Николай в рапорте, - перевернувшись через голову, придавила меня. Высвободившись из-под лошади и отстегнув от седла свою офицерскую

сумку с пакетами, я побежал, но тотчас же был ранен навылет в верхнюю часть берцовой кости правой ноги. От места ранения я в состоянии был пробежать совсем немного…Выбившись из сил от боли раны, ушиба при падении с лошади и бега и убедившись, что нет никакой возможности доставить своевременно по назначению бывших при мне срочных бумаг и не желал дальше подвергать их опасности достаться в руки врага, я остановился в одном из оврагов для уничтожения их и перевязки раны, где и был схвачен японцами, но уже по уничтожении пакета и карт во время перевязки». Позже раненый подъесаул был вызволен из плена подоспевшими казаками.

В Пресногорьковскую Кубрин приехал в отпуск, на лечение, и поселился в собственном деревянном доме неподалеку от церкви. Он был назначен заведующим станицей и с головой ушел в хозяйственные дела. Пресногорьковская тогда была крупной станицей 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Здесь располагались медицинский и ветеринарный пункты, союз кооперативов, объединявший 28 сельских потребительских обществ, которые были связаны с фабриками, крупными купцами и ярмарками. В станице была контора переселенческого управления, следившая за устройством переселенцев на новых местах, выдававшая ссуды на строительство и домообзаводство. Иностранные фирмы Деринга, Зингера, Маккормика имели свои склады, отпускали сельхозмашины в кредит. Станица имела пожарную охрану. Пожарники круглосуточно несли службу на каланче станичного правления. Вдоль улицы Большой стояли огромные баки с водой для тушения пожаров. Запасы семенного зерна хранились в обшитых кровельным железом амбарах, поднятых над землей на деревянных столбах. Чистота на улицах поддерживалась самими жителями – по субботам сор с улицы заметали во двор, чтобы потом вывезти. Были еще две школы.

Через станицу проходил почтовый и скотопрогонный тракт Петропавловск – Троицк, по которому в 1891 году проследовал наследник престола Цесаревич Николай Александрович, ночевавший в доме Василия Кладенова. В 1910 году Кубрин и участ-

ковый ветеринарный врач Александр Петрович Шехтер организовали культурно – благотворительное учреждение «Братство». При нем создали неплохую библиотеку, из книг, пожертвованных местной интеллигенцией, открылись народная столовая и магазин «Самопомощь» В «Братстве» устраивались чтения, проводились беседы и лекции, концерты, спектакли. Здесь же подавали чай с печеньем и халвой. Во время воскресников засевали и убирали до двадцати гектар пшеницы. Заготовки топлива, текущие ремонты проводились во время воскресников станичным правлением. В 1914 году началось строительство двухэтажного здания школы, большой вклад в ее строительство внесли Н.П. Кубрин, А.П.Шехтер и священник Василий Преображенский, расстрелянный красными в 1921 году за участие в Западно – Ишимском восстании. Перед Первой мировой войной Николай Павлович служил помощником атамана 2- го военного отдела Сибирского казачьего войска. В мирное время был награжден орденами Св. Анны 3-й ст.(1909 г) и Св. Станислава 2-й ст.(1912 г).

В начале Великой войны Кубрин оставляет в Омске жену, сына и четырех дочерей и отправляется на германский фронт командиром 1-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка. Полки с Горькой линии придали для усиления четырем армейским корпусам Северо - Западного фронта в качестве конницы в районе западнее Жирардова. В начале февраля 1915 года Сибирские армейские корпуса были переброшены по железной дороге и форсированным маршем прибыли в район Прасныша и Остроленки. После тяжелых пятидневных наступательных боев Прасныш был взят. Сибирские казаки 7-го и 8-го полков были единственной конницей в составе корпусов. Им приходилось заниматься разведкой, поддерживать связь между соединениями, атаковать противника в конном строю. Полки отличились в боях у деревни Черняки, в которой были полностью разгромлены два эскадрона конно-гренадерского короля Шведского полка и взят в плен командир дивизиона. Казаки пленили несколько сот германцев.

С 13 февраля 1916 года Кубрин служит в 4-м полку. 2 июля ему присвоено звание войсковой старшина. В одном из боев Николай получает ранение в голову. В этот период командование награждает его орденами Святой Анны 2-й ст., Святого Владимира 4-й ст, последний давали за два подвига. Война для Кубрина закончилась в должности помощника командира 4-го казачьего полка

Армия развалилась в результате большевистской агитации. Фронт был открыт вражеским дивизиям. Казачьи полки возвращались домой с германского и кавказского фронтов. По пути следования их разоружали большевики, считая казаков реальной организованной силой, способной противостоять Советам. Нередко возникали вооруженные стычки, доходившие до рукопашной, так георгиевский кавалер П.Д.Дедов в одной из таких схваток на железнодорожной станции Челябинск лишился двух крестов.

Неоднородное по своему социальному составу казачество колебалось, кто-то поддался большевистской агитации, но в одном все были единодушны – как можно скорее добраться до родных станиц.

Видя такое положение, Кубрин в середине ноября 1917 года покинул полк под предлогом ревматических болей в нижних конечностях и хромоты, уволился с военной службы и уехал в Пресногорьковскую. Весной 1918 года бывший боевой офицер занялся хлебопашеством на землях, полученных им за службу. После чехословацкого переворота в конце мая 1918 года начался последний трагический период жизни Николая Павловича Кубрина.

О нем вспомнили в Омске.

21 июня боевой офицер был вызван командованием и назначен начальником Сибирской казачьей дивизии. Началось формирование полков, трудно было заставить воевать людей, только что сменивших оружие на мирные заботы. Об этом периоде Кубрин пишет: «После июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих

частей – формирование казачьих полков требовало большого, исключительного напряжения энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики - станичники, выставившие полки».

Н.П.Кубрин и его дивизия приняли участие в боях за Уфу в мае 1919 года. В дивизии было около 2000 шашек, 6 орудий, 18 пулеметов. Под станцией Чишмы Сибирская казачья дивизия сражалась против 25-й стрелковой дивизии В.И.Чапаева и каширинцев, красных оренбургских казаков. 9 июня сибирские казаки участвовали в атаке, которую показали как «психическую» в фильме братьев Васильевых «Чапаев». Бои были очень тяжелыми – чапаевская дивизия лишилась половины личного состава.

В августе 1919 года Пятая Красная армия под командованием М.Н.Тухачевского начали наступление на Петропавловск. Война пришла на родную землю полковника колчаковской армии Николая Павловича Кубрина. Станица Пресногорьковская несколько раз переходила из рук в руки, о чем свидетельствуют документы из архива Российской армии, хранящиеся в Москве. 19 сентября Верховный Главнокомандующий адмирал А.В.Колчак, будучи на фронте в Конной группе 2-ой армии за отличие в боях на Тоболе произвел Кубрина в чин генерал – майора.

К концу сентября Красная армия была отброшена за реку Тобол, но 14 октября вновь началось наступление 35-й стрелковой дивизии под командованием К.А.Неймана по казачьему тракту. Началось отступление белых на восток. 30 октября пал уездный город Петропавловск.

Из Пресногорьковской в «отступ» ушли многие жители, среди которых был Сергей Преображенский, сын расстрелянного священника. Отступление было страшным – холод, голод, тиф косили людей. Историк О.А.Винокуров пишет об исходе: «Белая армия была потрясена. Она отступала, а за ней зияла широкая полоса напрасно пролитой в сентябрьских боях крови. Сплошными массами отходили войска, скопища обозов, телег, лошадей. Точно конное море заливало сибирскую степь…».

Под Омском генерал Кубрин собрал одностаничников во главе с атаманом Иваном Яковлевичем Вяткиным и предложил им возвращаться домой. Он понимал, что дальнейшее продвижение на восток в условиях сибирской зимы влечет за собой гибель людей. Часть земляков послушали его и вернулись, чем спасли себе жизнь. Великий Сибирский Ледяной поход для 1-й Сибирской казачьей дивизии закончился под Красноярском. Ее полки не смогли пробиться на восток в обход города.

6 января 1920 года штаб дивизии вместе с командиром был пленен красными. Многие казаки дивизии лишь весной вернулись в станицы, среди них пресногорьковчане хорунжий Иван Шилов, Егор Лавринов, Федор Коробейников, Михаил Веневцев, Роман Парфенов, Федор Ермолаев и сотни других. Красноармеец 27-й дивизии Федор Церахто вспоминал, как в апреле 1920 года: «по Люблинскому проспекту Омска гнали под конвоем более тысячи человек. Это шла Сибирская казачья дивизия, плененная под Красноярском три месяца назад. Среди измученных, грязных людей были и казаки из наших станиц – Пресногорьковской, Камышловской, Кабановской, Пресновской».

Часть из них погибли через два года во время Западно – Ишимского восстания, другие были расстреляны в 1937-м.

Большая часть казаков разоружилась в селе Минино. Правнучка генерала Татьяна вспоминает, что в 1967 к ним в гости приехал родственник и долго разговаривал с отцом про пленение. На вопрос отца Татьяны, почему Николай Павлович не застрелился и куда исчезло знамя Ермака, тот получил ответ, что когда стало ясно об окружении, Кубрин принял решение распустить дивизию, бросить обозы, а знамя спрятать до лучших времен. Спрятать знамя поручили казаку Шилову. Решение было объявлено личному составу и часть бойцов ушли. Оставшиеся встали на постой в Минино, в поселковом скотном дворе. Там было просторно и в амбарах нашелся овес для лошадей. На ночь выставили часовых. Кубрин и Михайлов сели в укромный уголок за брезентовым пологом и при свете керосинки смотрели штабные документы. Красные бесшумно сняли часовых и, про-

никнув во внутрь, тихо прошли между спящими и повязали Кубрина и Михайлова. Пленных погнали в Дробышево…

Кроме Кубрина и начштаба Михайлова в плен попали начальник 3-й дивизии полковник Н.К.Рагозин и командир отдельной Сибирской казачьей бригады полковник В.Е.Первушин. Сдачей в плен Кубрин спас от неминуемой смерти несколько тысяч человек - измученных, голодных, больных, деморализованных бойцов своей дивизии, перенесших ужасы Великого Ледового Сибирского похода. Он заботился о подчиненных, даже принимая такое непростое для себя решение.

После ареста Кубрин содержался в Красноярской тюрьме. Оттуда он был этапирован в Омск, где его судили 13 июля по обвинению «служба в белой армии». Дело было направлено в Красноярскую чрезвычайку, где «окончательного решения по делу не принято».

Долгое время автор считал, что жизнь генерала прервалась в Омске. Но, как оказалось, он был вывезен на Север, в Архангельские лагеря смерти. Вряд ли семья знала о судьбе Николая Павловича – по словам С.М.Мельгунова: «Из длинного списка офицеров, по официальным сведениям отправленных на Север, никогда нельзя было найти местопребывания ни одного из них». В марте-апреле 1921 года Архангельский губисполком принял решение о расстреле 540 офицеров. Первую группу расстреляли 14 марта. В решении заседания было записано «принимая во внимание неисправимость означенных кровавых белогвардейцев, ярую ненависть к рабоче-крестьянской власти, усиленную их агитацию за выступление среди заключенных в связи с кронштадскими событиями – всех расстрелять». Вместе с Кубриным были расстреляны десятки офицеров, составлявших элиту Русской армии, среди которых забайкальский генерал – атаман И.Н.Толстихин, ветеран – скобелевец И.С.Кошуба, князь Р.В.Андронников.

Так закончился жизненный путь русского офицера, потомственного дворянина Николая Павловича Кубрина, прекрасного семьянина, крестившегося в православной вере. Своей присяге

он остался верен до конца. Он был реабилитирован в 1996 году Омской областной прокуратурой.

Сын генерала, кадет Омского корпуса Николай, летом 1919 года был эвакуирован во Владивосток, на остров Русский, где окончил Корниловское военное училище. 5 октября 1922 года юнкера были брошены в бой за Спасск, где под станцией Свиягино сошлись в бою с курсантами Приамурской дивизии. Юнкера напоролись на пулеметный огонь, скосивший 75 человек. Николай Николаевич Кубрин погиб в одном из последних боев Гражданской войны и похоронен где-то в Приморье.

Мария Васильевна Кубрина с дочерьми находилась в обозе отступающей армии и осталась в Красноярске, оттуда перебралась в Омск. Немало времени ушло на то, чтобы установить достоверные факты из жизни семьи расстрелянного генерала. Старожилы в 70-х годах прошлого века хорошо помнили войну с «ерманцами», о гражданской же молчали, будто ее и не было. Тотальный заговор молчания был раскрыт лишь в 90-е, когда уцелевшие от расправы потомки белых офицеров начали вспоминать...

Сегодня правнуки генерала по линии дочери Марии Кубриной – Артюхиной проживают в Омске. У генерала было две сестры Анна(1874 г.р., в замужестве Шехтер) и Елизавета(1875 г.р., в замужестве Мошкова). Старшая сестра скончалась в станице Пресногорьковской в 1920 году, оставив четверых детей - Мариамну, Николая, Павла и Лидию. Мариамна учительствовала в годы гражданской войны в школе, построенной ее отцом и дядей, учила классика казахской литературы Габита Мусрепова. Их потомки проживают в Москве, Вологде, Бельгии. Елизавета Павловна Кубрина - Мошкова была арестована в 1932 году за то, что являлась родной сестрой белого генерала и провела восемь лет в заключении. Ее сын, Виктор, пережил ужасы ленинградской блокады. Внучка Маргарита ныне проживает в Санкт-Петербурге. Внучка Анны Павловны Кубриной – Шехтер Элина Павловна Фазуллина проживает в Москве. В своих воспоминаниях она пишет, что ссыльному народовольцу Александру Петровичу Шехтеру и Анне Павловне Кубриной пришлось втайне

от брата венчаться в храме казачьего поселка Песчаный. Брат Николай долгое время считал Александра Петровича «каторжником» и не дал согласия на брак. Позже, когда дети стали постоянно общаться друг с другом, Кубрин смягчился. А.П. Шехтер, окончивший Казанский университет, очень многое сделал для жителей Пресногорьковской – учил детей в построенной им школе, лечил людей и скот, в гражданскую в одиночку боролся с тифом. Скончался в 1922 году за письменным столом, проверяя школьные тетради...Потомки генерала попали в водоворот последующих событий вместе с тысячами семей с похожей историей и с честью пронесли свой крест через годы репрессий, страшной войны и восстановления страны после разрухи. Память о генерале передавалась от детей к внукам как тайное знание, чтобы наконец воскреснуть и стать достоянием многих.

Крестный путь игуменьи Евпраксии

В 1857 году в поселке Камышловском Пресногорьковской станицы Петропавловского уезда в семье священника Василия Петухова родилась дочь Анна. Окончив училище, она вышла замуж за казачьего офицера Алексея Казина, старшего сына полковника Сибирского казачьего войска. Старый Казин проживал в Пресногорьковской в большом двухэтажном доме с лавкой в цокольном этаже постройки 1870 года.

Алексей недолго пожил в доме отца с молодой женой. По пыльному казачьему тракту увез ее в Омск, где служил в одной из сотен 1-го военного отдела. Однако этот период продолжался недолго – в студеном январе 1890 года есаул Казин скоропостижно скончался. Анна, выдержав страшный удар судьбы, приняла решение: основать на доставшемся в наследство от полковника Казина земельном участке женский монастырь. Земля здесь была удобна для хлебопашества и сенокошения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской, о. Никанору Попову. Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, пре-

дупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины. На это казачка ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную».

В 1897 году в березовом лесу неподалеку от станицы Пресноредутской были вырыты землянки для будущих насельниц женской общины. На строительство были использованы средства от продажи дома в станице Пресновской, оказали помощь отец и Николай Казин. В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Григория Яковлева: «Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин».

Летом следующего года из своего леса была выстроена крытая тесом часовня, вмещавшая до 30 человек, и три деревянных жилых дома. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, заготовили сено и дрова на зиму. Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приютила девочек – сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадский стали посылать денежную помощь, книги и одежду.

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил «представление Преосвященного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архистратиго – Михайловскою...На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совер-

шения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника».

Летом 1902 года был освящен поместительный деревянный храм во имя Святой Троицы. Приехавший на торжество Преосвященный Омский Гавриил 15 мая 1906 года постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии. 11 января 1909 года она была возведена в сан игуменьи монастыря. Ближайшие ее сподвижницы также приняли духовные имена – Евстолия, Епифания, Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Ликонида, Евлампия, Анна. В 1907 году казначеей общины служила Апполинария, благочинной была Виталия, обязанности церковной старосты выполняла Ангелина, в качестве экономки работала Ирина Распопина. В 1905 году открылась школа для десяти учащихся, в ней преподавала Параскева Забалуева.

Монастырь рос. Через 10 лет после его основания игуменья Евпраксия обращается с письмом к Императрице Александре Федоровне: «будучи пионером христианства, в таком глухом углу, как Киргизская степь. Монастырь дает приют уже 154 сестрам и призревает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...». Настоятельница заботится и о школе, «этом рассаднике знания в духе православия, самодержавия и народности», поэтому просит Царицу выделить средства на строительство «благолепного» храма и школы.

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, просфорный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске (угол Тюремной и Вдовьего переулка, монахиня Магдалина) и Кургане(

по ул. Мяготина, 106). У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом. К центру была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи.

Мужчин в монастыре было двое – священник (последовательно - Николай Попов, Авенир Константинов, Александр Соколов, Иван Симонов) и дед - мельник, ловивший рыбу для общины в круглом озере.

Монахини из казачьих семей несли послушание в рукодельных группах, иконописной, чеботарне, просфорне, работали доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. В храмах монастыря шли ежедевные богослужения. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором.

О хоре вспоминали те, кто был на службе в храме: «это было красивое, волнующее, театральное исполнение. Церковный хор в исполнении 20 прекрасных молодых голосов под руководством дочери казака станицы Крутоярской Марии Бобровой, приводил молящихся в восхищение, вызывая слезы на глазах. Священник о. Иван Симонов имел сильный голос и, бывало, подхватит какую-нибудь ноту вместе с хором, кажется, будто церковь поднимается в воздух». Сохранились несколько фамилий монашек из окресных станиц – Анфиса Лещева, Луша Подгузова, Таня Львова, Зина Дедова, Нюра Смыслова, Сима Песьяная, Нюра Косоногова,Нина Конгурцева, Марфа Смыслова…А сколько их прошли школу монастыря!

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице ее почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое чер-

ным бархатом кресло. Разговаривали с ней через специальную трубку, так как она стала плохо слышать после смерти мужа.

Игуменья с сестрами с огромной тревогой восприняли октябрьские события 1917 года. Монахини стали свидетелями жестоких боев между казаками Сибирского корпуса и красноармейцами 5-й армии осенью 1919 года. Игуменье Евпраксии было ясно, что близится конец делу всей ее жизни. Но, пока шла братоубийственная Гражданская война, у богоборческой власти не доходили руки до расправы с монастырем.

В феврале 1921 года началось Западно – Ишимское восстание казаков и крестьян против Советской власти. Оно было безжалостно подавлено регулярными частями Красной армии. В конце зимы монастырь был захвачен пресногорьковским отрядом ЧОН. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию и монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея. Матушку Евпраксию и Феофанию увезли в Макарьевку и расстреляли на льду озера Церковного. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари - прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря. Той ночью молодые монашенки, следовавшие за отрядом и бывшие свидетелями казни, погрузили замерзшие тела на телегу и привезли в монастырь. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки на всеобщее обозрение. Сегодня никто не знает где покоится прах убиенных.

Монастырь после разгрома восстания был разграблен. В экономии устроили социалистическую сельхоз артель «Труд» В дальнейшем здесь открыли детский дом, в котором жили дети «врагов народа». Детдом просуществовал до 60-х годов. После окончания Великой Отечественной войны детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: «Миновав последние деревья на бугре, оказываюсь в поселочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по – прежнему непри-

вычной формы, с неестественными кровлями, напоминающими теперь почему-то всадников без головы. Это - приспособленные под клуб и школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям».

В 2009 году от всего огромного комплекса монастырских зданий остались лишь стены двухэтажной школы и 1-ый этаж дома для священника. В 33 саженях от этого дома на запад высится большой холм – все, что осталось от некогда великолепного храма во имя Святой Троицы. В ее стенах в 50-е годы располагалось здание клуба. Где-то здесь, на церковном погосте, покоится прах есаула Казина и невинно убиенных монахинь. Местность покрыта остатками фундаментов различных сооружений, заросших кустарником и молодыми березами. По краю крутого склона проходит заметная борозда – ров, опоясывающий территорию монастыря, время почти сровняло насыпь дороги, петляющей вдоль озера к Макарьевке. В монастырском саду тишина. Опавший лист толстым слоем устилает землю. Изредка хрустнет под ногами ветка. Десяток огромных столетних сосен составляют аллею, по которой некогда любила гулять игуменья, даже через сто лет видны остатки посаженных тогда деревьев, различима планировка парка из акации и сирени. Завершает строй сосен два сросшихся гигантских, в три обхвата, карагача. Дом игуменьи стоял у плодового сада, от него остался небольшой холм. Вид, открывающийся с гребня, который был выбран в 1897 году для строительства, очень красив – глубокая долина, озеро, привольная лесостепь. Посещение этого места оставляет в душе человека глубокий след – здесь существует поверье, что души расстрелянных монахинь неприкаянно бродят по окрестностям.

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице. Бу-

дем же и мы хранить память о настоятельнице Архистратиго – Михайловского монастыря, крестный путь которой и мученическая смерть явили нам пример беззаветного служения Господу...

(Статья опубликована в альманахе «Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско» в 2011 году).

Две жизни Александра Шехтера

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

Родился Александр Петрович в Одессе в 1862 году, в семье переселенцев из Курска. В молодом возрасте увлекся идеей устройства справедливого общества, подружился с известным народовольцем Б.Д.Оржихом, который вовлек его в революционную деятельность. В семье Шехтер уже были осужденные за причастность к делам «Народной воли»: двоюродные сестры Саши, Софья и Анастасия, в 80-х годах отбывали каторгу в Забайкалье.

В 1885 году в Харькове, будучи студентом ветеринарного института, Александр создает подпольную группу, занимавшуюся распространением нелегальной литературы и работой типографии. Один из нестойких членов группы – Елько, после ареста на допросе выдал товарищей полиции. После первого ареста Александр был исключен из числа студентов и сослан в Полтаву. Начались долгие годы жизни под надзором полицейского управления.

В 1886 году Александру вместе с молодой женой разрешили проживание в Курске, где остались родственники Шехтеров. Здесь он вновь был арестован и посажен в Курскую тюрьму. После двухлетнего пребывания в заключении Александр был сослан на Север в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) сроком на пять лет. Жена с маленьким сыном Борисом ушла от него, этот разрыв Александр переживал очень тяжело, даже заболел нервной болезнью. По возвращение ему было запрещено проживание в столице и университетских городах. Александр стремился

закончить начатое когда-то обучение, но лишь в 1896 году получил разрешение на поступление в Казанский ветеринарный институт. После окончания факультета, 17 июля 1900 года, Александру Шехтеру было предложено поехать в станицу Пресногорьковскую Петропавловского уезда Акмолинской области, под надзор полиции, который был снят только в 1917 году.

В СТЕПНОМ КРАЮ

7 января 1901 года Александр Петрович женился на Анне Кубриной (1874 г.р.), сестре будущего колчаковского генерала Николая Кубрина. Тогда еще подъесаул, Кубрин был категорически против брака дворянки с «каторжником», поэтому молодым пришлось тайно венчаться в соседней Песчановской церкви. Брат порвал всякие отношения с сестрой и не общался с ней вплоть до своей гибели в 1920 году. Дети его очень хорошо отзывались о «тете Анне Павловне», бывали в гостях у Шехтеров.

Александр Петрович и Анна Павловна жили в хорошем деревянном доме в центре станицы. Дом пережил хозяина более чем на столетие – в 2014 году в нем жили потомки казаков. Здесь появились на свет дети: Мариамна(1902-1952гг.), Николай(1904-1984гг.), Павел(1905-1971 гг.), Лидия(1908-1992 гг.). Всех их крестили в ста метрах от дома – в Пресногорьковской церкви.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Александр Петрович проводил в станице большую просветительскую работу, совмещая ее с основной работой ветврача и врача. При церкви он организовал воскресную школу, в которой все учителя, в том числе и он сам, работали бесплатно. Они учили талантливую молодежь, не имеющую возможность оплатить обучение. Здесь же проводились любительские спектакли и концерты, средства от которых шли на приобретение учебного материала. В 1910 году было образовано «Братство». Эта организация имела неплохую библиотеку, была открыта народная столовая и магазин «Самопомощь». В нем все продавалось значительно дешевле, чем в купеческих лавках. А.П.Шехтер активно способствовал созданию потребительской кооперации и организации кредитного товарищества в крупной торговой станице.

В 1912 году А.П.Шехтер убедил население поселков Пресногорьковской волости о необходимости строительства высшего начального училища. Он ездил на прием к князю Трубецкому (прием велся исключительно на французском языке) и командир Его Императорского Величества конвоя пожертвовал 3000 рублей. Методом народной стройки была возведена двухэтажная школа (об учебе в ней в 1918-21 гг. с большой теплотой вспоминал писатель Г.М.Мусрепов). В тяжелые годы Великой войны Александр Петрович представлен к награде. Помощник атамана 1-го отдела войсковой старшина Елфимов 4 октября 1916 года писал в Омск, что коллежский советник А.П.Шехтер состоит в должности председателя Пресногорьковского попечительства с 14 июля 1915 года, он «отличается усердием и самым аккуратным отношением к делу. По личной инициативе неоднократно принимал всевозможные ходатайства о помощи беднейшим семьям призванных в армию перед разными благотворительными учреждениями. Имеет медаль в память 300-летия Дома Романовых».

В период гражданской войны А.П.Шехтер преподавал математику и русский язык из-за отсутствия учителей. 1-я Мировая война помешала бывшему народовольцу построить в станице «народный дом». Зимой 1919 - 20 гг. в волости свирепствовала эпидемия тифа и А.П.Шехтер с утра и до поздней ночи оказывал помощь больным, посещая их на дому. В 1920 году скончалась Анна Павловна, верный друг и помощник во всех делах. Александр Петрович остался один с четырьмя детьми. Большую помощь в их воспитании оказала сестра жены, Елизавета Кубрина, арестованная в 1932 году и осужденная на 8 лет, как сестра белого генерала. Б.Д.Оржих написал об этом периоде жизни своего друга: «У него была в конце жизни какая-то своя, особая вера, с совершенно специальной психикой». Видимо, именно эта вера была путеводной звездой на всем жизненном пути Александра Петровича. Надо отметить, что в метриках Шехтер и его семья отмечены как православные. В 1922 году нечеловеческие перегрузки и испытания прервали жизнь Александра Петровича Шехтера.

Его воспитанница, директор школы, награжденная орденом Ленина, Т.Д.Меринова пишет в 1978 году внуку Владимиру Павловичу Шехтеру: «Он добросовестно, безупречно выполнял свою работу, пользовался большим авторитетом у граждан станицы. Все, что делал этот энергичный, добрый человек, было направлено на улучшение жизни народа. Умер он скоропостижно, ночью, от стенокардии. Днем еще занимался в школе, учил детей арифметике. Он был хорошим учителем. Дети его любили». И врачем он тоже был хорошим – прабабушка рассказывала жительнице села: "старичок-фершал из немцев. Если заболеешь, придешь к нему, он в глаза тебе смотрит и говорит какая болезнь, или сердце, или печень и что другое. Какие травы пить, сам даст лекарство или в аптеке купить. Люди к нему ехали и каждый день принимал". Четверо детей Александра Петровича и Анны Павловны закончили высшие учебные заведения в Омске, Ленинграде и Москве. Они прожили достойную, полную лишений и горестей жизнь, неся в душе свет добра, подаренный им замечательными родителями. Этот свет по сей день живет в сердцах многочисленных потомков семьи Шехтер. Но это уже другая история...

(Автором использованы документы архива Э.П.Фазуллиной-Шехтер, г. Москва, документы Омского архива).

Бои местного значения...

В десятке верст от станицы Пресногорьковской, между двумя озерами, Малым и Большим Ульево, стоят рядом краснозвездный обелиск и православный крест. Известны обстоятельства двух жестоких боестолкновений, состоявшихся здесь, о которых в оперативных сводках написано кратко: «бои местного значения...».

После тяжелейшего поражения от казаков Сводного казачьего корпуса под станицей Пресновской остатки 311 полка 35-й дивизии отбивались от наседавшей конницы белых, отступая по тракту на запад, к Пресногорьковской. 14 сентября 1919 года

бойцы полка оказались прижатыми к берегам озера Ульево. Из двух десятков красных кавалеристов лишь троим удалось прорваться сквозь казачий заслон и уйти в Камышловку, откуда на помощь окруженным поспешил небольшой кавэскадрон Соболева, имевший на вооружении пулемет. Соболевцы атаковали от северной кромки Драгунских лесов и пулеметным огнем заставили казаков отойти. Историк Олег Винокуров разыскал неполный список красноармейцев, похороненных жителями Пресноредути в братской могиле. Всего в яму были сложены 37 бойцов. Там нашли вечное упокоение петроградец Федор Сергеев, уроженцы Московской губернии Иван Козлов и Андрей Буров, симбирец Василий Чиж, самарцы Александр Генералов и Степан Волков.

Автор запомнил рассказ старожила, который, будучи совсем мальчишкой, по приказу атамана собирал с товарищами убитых по всему полю. По его словам, были среди павших и белые, запомнился ему большой перстень на руке убитого.

В 1936 году досчатый обелиск был заменен металлическим. Вплоть до середины 70-х у памятника собирались ветераны гражданской войны, вспоминая о былых походах. В 2007 году рядом с обелиском казаки Кустанайской общины установили памятный крест всем павшим в братоубийственной войне.

Другой бой связан с событиями крестьянского восстания против советской власти весной 1921 года. В феврале станицы Сибирского казачьего войска были охвачены огнем вспыхнувшего Западно-Ишимского восстания. «Первая народная повстанческая армия» действовала в Пресногорьковском районе, включавшем Башкирскую, Половинскую и Лопатинскую волости Курганского уезда. Штаб армии располагался в станице Кабаньей. Чекисты получали сведения, что начальником штаба был некто Дутов, «самозванец, называвшийся Дутовым с целью вызвать энтузиазм повстанцев». Как оказалось позднее, это был не единственный самозванец – были еще бывшие генералы «Анненков», «Лебедев», «Церетели», скрывавшиеся в Казинском женском монастыре под видом богомольцев. Игуменье Евпраксии с сестрами были предъявлены обвинения в укрывательстве

мятежников, их расстреляли без суда (см: Крестный путь игумены Евпраксии). Наиболее видными вождями повстанцев были екатерининский подхорунжий С.Г.Токарев, кабаньевский есаул И.И.Дурнев, пресногорьковский казак Ольгинский, офицер Морозов. В Пресногорьковском районе «народная армия» насчитывала более 1500 человек, вооруженных пиками, вилами и шашками. Огнестрельного оружия было крайне мало.

Очевидец писал о действиях бунтовщиков (орфография сохранена): «при занятии какого – либо селения бандами собиралось общее собрание граждан, коммунисты арестовывались и избивались. На собраниях бандитами распространялись заведомо ложные слухи явно провокационного характера, о том, будто бы ихней бандой заняты Ялуторовск и другие города и селения Тюменской губернии и они идут брать Курган, что скоро придет конец господства коммунистов, которые будто бы отбирают у крестьян последний хлеб и хотят заморить голодом. Призывая крестьян к вооруженному восстанию, бандиты говорили крестьянам: мы не бежим от советской власти, а коммунистов нужно уничтожить, если их не будет, то всем будет хорошо жить, у нас не будут отбирать хлеб. Затуманив такого рода провокационными слухами головы темного крестьянства, они обращались к ним с призывом помочь в начатой борьбе и производили мобилизацию населения».

21 февраля повстанцы, «мятежники» в советских документах, пытались занять Пресногорьковскую, но были встречены у Большого Ульево сводным отрядом Дмитрия Ковалева, усиленным батальоном из Звериноголовской, под командованием Григория Захарова. В первые минуты боя комбата смертельно ранили. Командование взял на себя кабаньевский сотник Семен Игнатьевич Усачев. В бою хорошо проявили себя конники Бориса Бедрина и Константина Егорова. Казачья лава наткнулась на кинжальный огонь пулеметов и повернула на хутор Троебратский. Повстанцы потеряли сорок человек убитыми и столько же ранеными. Потери ковалевцев составили - двое убитых, восемь раненых, двое пропали без вести. Был ранен председатель волисполкома Федор Дерябин. Где были захоронены погибшие

повстанцы – неизвестно. Можно предполагать, что они были отвезены на погосты родных станиц.

5 марта красные отряды заняли Башкирскую и Филиппово, через три дня без боя сдались Пресноредуть, Пресновская, Исаевка, Святодуховка, Новорыбинка. К югу от тракта 10 марта повстанцы оставили Макарьевку, Евгеньевку, Рождественку, Сенжарку.

Но еще долго гонялись друг за другом отряды Дурнева и Ковалева. Были в этой погоне и захват в заложники их семей в Макарьевке и Анновке и благополучный обмен. Был и захват Пресногорьковки мятежным есаулом. Секретарь пресногорьковского волисполкома Степан Пригородов вспоминал, как несколько дней прятался в лесу, а когда вернулся родные были в смятении – дурневцы перевернули весь дом, искали его, обещали убить.

Отряды Токарева и Дурнева ушли в Монголию, захватив на несколько дней Каркаралинск. До февраля 1922 года воевали они в 4-м Оренбургском корпусе генерала Андрея Бакича под красным знаменем, чем вызывали недовольство белогвардейцев.

Автору удалось познакомиться с приговором суда, вынесенном в Новониколаевске (Новосибирске) полковнику Семену Георгиевичу Токареву и им подписанным. Герой Первой мировой войны был расстрелян вместе со своими соратниками по борьбе.

Такова в кратком изложении история событий, происшедших некогда в чистом поле, по которому ныне проходит железнодорожная ветка Курган – Пески Целинные. Из окон вагонов в ясный зимний день пассажирам хорошо видны красная звезда и православный крест на фоне чистого белого снега.

В погоне за тенью

О Кустанайском восстании в областном центре не дает забыть стена из красного кирпича, у которой в апреле 1919 года были расстреляны восставшие против колчаковского режима жители города и окрестных деревень. Во многих поселках до сих пор стоят краснозвездные обелиски, ими отмечен путь кара-

тельных отрядов белой армии. В ушедшие 70-е годы прошлого столетия бабушки еще пугали детей именем одного из наиболее одиозных фигур периода гражданской войны в нашем крае - Ванягина. Мрачной тенью приходит к нам штабс-капитан 4-го Тюменского полка с пожелтевших страниц рапортов, из воспоминаний очевидцев. Погоню за этой тенью автор начал давно, с целью выяснения судьбы Ванягина, но, как и положено всякой тени, он всегда неуловимо ускользал…

Барон А.Будберг, сподвижник адмирала Колчака, в марте 1919 года записал в дневнике: «В тылах неблагополучно, серьезное восстание расползается в Кустанайском уезде, туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью, сегодня он уже доносит, что две главные банды им настигнуты и истреблены…».

На подавление восстания в селе Мариинском Атбасарского уезда из Курганского военного округа генералом Константиновым был направлен особый карательный отряд во главе со штабс-капитаном 4-го Тюменского полка Ванягиным. Отряд состоял из двух полурот, численностью 117 человек, усиленный двумя пулеметами. 12 апреля каратели вошли в Пресногорьковскую. Поручик Спиридонов повел полуроту на уничтожение партизан Д.Ковалева, а полурота Богоявленского направилась к Ксеньевке и Федоровке. Там было расстреляно 12 человек. Иван Штанько вспоминал: «Когда подъехал к федоровскому озеру ближе, увидел зловещую картину. Трупы были страшно изуродованы. Исколотые штыками, изрубленные шашками, они лежали на берегу как попало». Шестеро были похоронены на местном погосте – И.Бужинский, В.Пеньтюхов, М.Глатенко, В.Шниткин, И.Тястов, А.Тырнов, остальные были из Ксеньевки - Л.Чипенко, В.Титов, Ф.Щербак, В.Левченко, И.Война, Р.Штанько. Туда их увезли родственники.

Известный краевед В.В.Стародуб приводит свидетельство М.И.Карпеты, тогда 14-летнего паренька, о Ванягине: «Одетый в черный костюм, а не в армейскую форму, высокий, красивый мужчина со сросшимися бровями, великолепный кавалерист и

хороший оратор». 17 апреля рано утром карательный отряд вошел во Всесвятское

Здесь с помощью купца Н.Климова был составлен список недовольных новой властью. На другой день жителей села согнали к церкви. Штабс-капитан произнес речь с паперти, назвав Всесвятское «большевистским кублом». Речь была завершена пулеметной очередью над головами жителей, сделанной со звонницы. «Каратели разбрелись по поселку, мародерствовали, творили беззаконие, пили и гуляли», - пишет В.В.Стародуб. Вечером 19 апреля за околицей села проводились массовые расстрелы, которыми руководил поручик Попов. Пьяный караул всю ночь добивал штыками раненых. Спаслись трое (М.Сиренко отполз в залитый водой кладбищенский ров). По свидетельству очевидцев событий, во Всесвятском убиты 123 жителя. «Карательный отряд капитана Ванягина, проходивший после подавления восстания, реквизировал хлеб, масло, поросят, мясо, брички, скот и прочее, не платя ни за что денег. Насиловал женщин и даже выпорол священника о. Лобановского, признавал начальник Петропавловской уездной колчаковской милиции» (акад. М.К.Козыбаев). 20 апреля каратели выступили в ближайшие поселки.

В Анновке нещадно секли нагайками все население – не пожалели даже священника Рожкова. Были расстреляны Комарницкий П.., Зименко П.., Ванжа А.Е.., Дьяченко Е.М., Шмегельский М., Зименко П.А., Мамонов Ф., Рыбкин К.Р. Раненых добивали штыками. Родственников расстрелянных высекли нагайками. Штабс-капитан пригрозил: «Если кто еще выступит против власти, то семья будет уничтожена, а дома сожжены». В окрестных аулах и хуторах ванягинцы расстреляли более 70 человек.

По пути к Мариинскому ванягинцы убили в Сорочинке семь человек, в Ермаковке семь, в том числе руководителя повстанцев Александра Миронова, в Севастополе – 16, в Златоусте около 40.

Автору удалось разыскать в архивах телеграмму подполковника Иванова, начштаба Курганского военного округа на имя

начальника Западной армии. Привожу ее текст полностью. «Челябинск. 22 апреля. Начальник Всесвятского карательного отряда доносит, что: 17 апреля военная организация Всесвятского уничтожена в корне. Главный руководитель Миронов пойман и расстрелян. Из Всесвятского послан отряд в Сорочинское и Ермаково. В первом было отделение штаба Всесвятской организации, каковое уничтожено, расстреляно 8 человек. Второе оказалось небольшевистским, здесь расстреляно 2 сбежавших из Кустаная комиссара, много отобрано оружия. С отрядом расположился по квартирам в Ермакове, где провел несколько дней Пасхи, так как, благодаря распутице, движение дальше невозможно. Отсюда могу только послать небольшой конный отряд в ближайшие селения, таковой вышлю ночью 20 апреля в Севастопольское, где жители отказывались выдать зачинщиков. Как только можно будет двинуться – двинусь в дальние окрестности Всесвятского для восстановления твердого порядка и правильной работы местной администрации. Моя решительная расправа так подействовала на окрестность, что жители сами арестовывали большевиков и дезертиров и под конвоем привозили ко мне. Земская управа и милиция не пользовались никаким авторитетом. Теперь же им население оказывает полное подчинение и все распоряжения выполняются беспрекословно. Настроение отряда не заставляет желать лучшего. Слух, что в 150 верстах от нас к западу большевики опять зашевелились, требует проверки. Подпись: капитан Ванягин». В конце апреля каратели двинулись на юг, на подавление мариинского восстания.

13 мая четыре пехотные роты отряда приняли активное участие в наступление на село Мариинское Атбасарского уезда. Две роты наступали в «лоб» повстанцам, две роты под командованием поручика Гаврилова совершали обход. Общее руководство взятием мятежного села осуществлял генерал Волков. В письменном рапорте командиру 4-го Тюменского полка из с. Мариинское Ванягин докладывал, что его отрядом расстреляно не менее 1500 человек и вместе с сотником Шайтановым восстание потоплено в крови. За участие в атаке на Мариинское ванягинцы получили 15 Георгиевских крестов и 10 медалей (как известно,

на Южном фронте А.И.Деникин не награждал отличившихся в боевых действиях бойцов Георгиевскими крестами, считая, что на гражданской войне вручение этого знака отличия не совсем правильно – прим.С.В).

«Основные силы карателей были настигнуты отрядом Ковалева в поселке Ставрополка. Утром мы ударили по селу, занятому карателями. Они начали отстреливаться. Но, не выдержав натиска, отступили, и вплавь стали перебираться через реку Ишим. Здесь было уничтожено (по подсчету оружия) 75 колчаковцев. Остатки белогвардейцев отошли к Федоровке Кокчетавского уезда. Нашелся местный житель, указавший ковалевцам брод через реку» (очевидец). После переправы Ковалев дал приказание первому и второму взводам под командованием Якова Рыбкина и Спивака обойти ванягинцев с тыла, сам с основными силами наступал в лобовой атаке. Каратели ушли на Белоградовку Кокчетавского уезда, где, по словам Якова Кирилловича Рыбкина « мы одержали победу, которую в те годы, да еще в условиях партизанской войны, можно считать крупной. Взяли Белоградовку, захватив тачанки с пулеметами. Был убит Ванягин - одним палачем стало меньше на нашей родной земле».

Рыбкин ошибся: штабс-капитан остался жив. В воспоминаниях красноармейца А.П.Коляды мы вновь встречаемся со штабс-капитаном. «В августе 1919 года моего отца призвали в красную армию в деревне Зубаревка, Звериноголовского района. Через неделю он попал в окружение на реке Алабуга (приток Тобола – прим С.В.) у деревни Ясная Поляна. Краноармейцев сразу приговорили к расстрелу. Заставили копать самим себе могилы штыками и саблями, так как лопат не было. Матери сообщил об этом урядник Василий Бондарь. Она из Зубаревки на лошади с грудным Федей на руках приехала к месту расстрела. Мама хотела попрощаться с мужем. Ямы были выкопаны, смертники сели покурить, а урядник подошел к отцу взять кисет с табаком. Отец у него попросил попить воды, которая находилась в будке. Он попил воды и шепнул матери: «Я побегу!». Бежал зигзагами, чтобы не попали в спину. Впереди выскочил заяц, так отец не отстал от него. Сразу приговоренных не расстреляли, потому,

что ждали штабс-капитана Ванягина, чтобы он зачитал смертный приговор. Догнать отца не могли – лошади белых были спутаны и паслись. У матери отобрали ребенка и стали избивать шомполами, но урядник заступился и ее отпустили. Вскоре подоспели красные и освободили остальных семь человек. Ванягин так и не приехал. Вместе с отцом были солдаты из Ксеньевки – Штанько, Маевский, Безродний...». Федор Алексеевич Коляда (грудной ребенок в этом страшном эпизоде) окончил Пресногорьковскую школу. В 70-х годах служил военным советником от Советского Союза при президенте Г.Насере во время войны Египта с Израилем, генерал-майор. Внук беглеца – известный на весь мир драматург Николай Владимирович Коляда. Появись Ванягин чуть раньше и ...Но, судя по кровавому следу, штабс-капитан отличался звериным чутьем на опасность и вовремя уходил от нее.

Ванягинский отряд проводил мобилизацию крестьянского населения в Анновке в конце сентября 1919 года, а в Ксеньевке Ванягин расстрелял группу крестьян и георгиевского кавалера Л.П.Штанько.

В начале 1921 года небольшой отряд Ванягина после скитаний по казахским степям присоединился к отряду есаула Кайгородова в местности Оралго на реке Кобдо, что в Западной Монголии. Видимо, Ванягин партизанил с Кайгородовым в Горном Алтае до весны 1922 года или же остался с оренбургскими казаками Бакича и был расстрелян или убит в боях. В списках белоэмигрантов в Маньчжурии его нет. Не исключено, что штабс-капитан умер в глубокой старости где-нибудь в Австралии. Кто знает... Тень неуловима.

В статье использованы материалы из книги автора «Исход».

Глубокий след «Красного колеса»

В Пресногорьковке интересно кирпичное здание бывшей лавки, разделенное на три камеры, отопление которых производилось охранником из коридора. Автору приходилось в детстве читать надписи на стенах и косяках дверей камер. К сожалению,

надписи заключенных были забелены и закрашены в последующие годы. Построенное еще в середине XIX века, это здание стало неким символом века прошедшего. В нем содержались разные категории людей, объединенные единой судьбой – за порогом для каждого оставалось совсем немного до гибели.

Истории людей, так или иначе пострадавших от произвола карательных органов, требует внимательного подхода и глубокого изучения. Необходима кропотливая работа с источниками в архивах, беседы с потомками репрессированных, поиск оставленных воспоминаний. Кое-что из найденного о репрессированных и пребывании ссыльных в Пресногорьковке было записано автором в разные годы. Язык воспоминаний оставлен без изменений, как передающий дух прошедшей эпохи. Сюда же добавлены документы, дополняющие эмоциональный фон воспоминаний.

Бело-красный цвет террора

Террор в годы гражданской войны был и белого и красного цвета. С той разницей, что после белогвардейских и просто бандитских походов штабс-капитана Ванягина, Бресмана, Линдберга во всех, за редким исключением селах, остались братские захоронения под треугольными краснозвездными обелисками. О кровавых событиях писали воспоминания жители поселков к юбилейным октябрьским датам, ветераны выступали перед молодежью. А вот о красном терроре говорить было не то чтобы не принято, а просто опасно. Поэтому-то и нет захоронений, павших от рук красноармейцев, чоновцев, чекистов и продотрядовцев, вернее, они есть, но неизвестно где.

Вот пример красноармейского бессудного дела. В октябрьские дни 1919 года, во время второго наступления на Петропавловск, когда части 35-й дивизии начдива К.А.Неймана были уже под Пресновкой, неожиданно оказалось, что в глубоком тылу занята неизвестной белогвардейской частью крупная станица Звериноголовская. Командарм -5 М.Н.Тухачевский был весьма недоволен этим обстоятельством и приказал начдиву немедлен-

но выбить белых за Тобол. Собрав всех обозников, Нейман удачно атаковал и белые ушли лесами через Богоявленскую и Воскресенку на восток. Выяснилось, что сутки станицу держал егерский батальон Ставки Колчака под командованием подполковника П.Е.Глудкина, состоящий из студентов и интеллигенции Омска. Считается, что Глудкин сумел вывезти более ста раненых из этой передряги. В это же день более 80 раненых были привезены по тракту из Зверинки на телегах в казачий поселок Песчаный и добиты там красноармейским отрядом. Трупы заколотых лежали рядами на площади в центре поселка и были захоронены местными жителями на кладбище. Форма, по словам местных, была какая-то странная, не наша. Дело в том, что егеря были одеты в английское обмундирование.

Пример с белыми: после страшного боя в станице Пресновской были порублены и расстреляны несколько сот пленных красноармейцев 2-й бригады 35-й дивизии. Командовал акцией сам командарм-3 К.Сахаров. Таковым примерам несть числа. О «подвигах» Ванягина автор подробно рассказал в очерке «В погоне за тенью», а вот о том, какие события происходили после окончания гражданской войны попробуем разобраться хотя бы в общих чертах.

После подавления восстания 1921 года в Пресногорьковке были арестованы священник о. Василий (Преображенский) за «бандитизм», заведующий складом сельхозснаба Столбинов за «шпионаж», церковный староста Петр Васильевич Лутченинов, учитель Алимов Григорий Михайлович, Дмитрий Игнатьевич Угренинов, сотрудник волисполкома Кузьма Пожидаев, Константин Степанов(?). Содержали в караульном помещении Токаревского дома. Расстреляли. Батюшку водили по станице, всячески издевались, привязали к дереву цепью, кололи штыками. В 1923 году арестовали Анну Христофоровну Преображенскую, водили на работу из КПЗ, на ночлег возвращали обратно. Содержали под стражей за то, что нашли у нее газету, где была подчеркнута статья о том, что крестьяне голодают. Интересены факты биографии Василия Александровича Преображенского. Родился 22.02.1878 года в Вологодской области. В январе 1910

года молодой священник был сослан в станицу Сибирского казачьего войска Пресногорьковскую под надзор полиции. Причиной стала найденная в доме батюшки подпольная типография брата жены Василия Попова (Темного), активного участника Шенкурских крестьянских антиправительственных съездов. Василий, бывший священник, бежал из Архангельской тюрьмы и попал на пароход, идущий в Англию, далее эмигрировал в США. Известно его письмо царю Николаю Второму, датированное 1913 годом, в котором просил прощения и просил разрешение на возвращение на Родину.

Весной 1921 года на льду озера Церковного у поселка Макарьевка (СКО) без суда были расстреляны игуменья Михайловского монастыря Евпраксия (в миру Анна Казина), монахиня Феофания и Серафима. Расстрел осуществляли предположительно люди из отряда Д.А.Ковалева. В его отряде был Филипп Порфирьевич Журавлев. Интересен факт – когда в Макарьевке во время войны избирали председателя колхоза вместо Ивана Руфовича Виниченко с огромным трудом протолкнули на эту должность Журавлева. Прошло более 20 лет после расстрела, а народ помнил палачей.

О командире партизанского отряда Дмитрии Алексеевиче Ковалеве автор подробно написал в книге «Исход». В воспоминаниях о нем много непонятного, противоречивого, трудно отличить, где легенда, а где правда. Предлагаю читателю воспоминания Семена Степановича Дучкина, уроженца ныне несуществующего переселенческого села Сретенки:

«Николай Чеботаренко добрался до Пресногорьковки и попал в штаб красных…

Перед ним за обеденным столом сидит светловолосый начальник среднего роста. Он что-то пишет на листе бумаги. Сзади него стоит широкоплечий высокий детина с черными усиками. Он, перегибаясь через плечо светловолосого, читает исписанный листок и, кивая головой, поддакивает:

-Да-да-да! Так-так-так! Я тэ ж думаю…Так краще будэ.

-Ну как! - спросил начальник, окончив писать.

-Ясно-понятно!

но выбить белых за Тобол. Собрав всех обозников, Нейман удачно атаковал и белые ушли лесами через Богоявленскую и Воскресенку на восток. Выяснилось, что сутки станицу держал егерский батальон Ставки Колчака под командованием подполковника П.Е.Глудкина, состоящий из студентов и интеллигенции Омска. Считается, что Глудкин сумел вывезти более ста раненых из этой передряги. В это же день более 80 раненых были привезены по тракту из Зверинки на телегах в казачий поселок Песчаный и добиты там красноармейским отрядом. Трупы заколотых лежали рядами на площади в центре поселка и были захоронены местными жителями на кладбище. Форма, по словам местных, была какая-то странная, не наша. Дело в том, что егеря были одеты в английское обмундирование.

Пример с белыми: после страшного боя в станице Пресновской были порублены и расстреляны несколько сот пленных красноармейцев 2-й бригады 35-й дивизии. Командовал акцией сам командарм-3 К.Сахаров. Таковым примерам несть числа. О «подвигах» Ванягина автор подробно рассказал в очерке «В погоне за тенью», а вот о том, какие события происходили после окончания гражданской войны попробуем разобраться хотя бы в общих чертах.

После подавления восстания 1921 года в Пресногорьковке были арестованы священник о. Василий (Преображенский) за «бандитизм», заведующий складом сельхозснаба Столбинов за «шпионаж», церковный староста Петр Васильевич Лутченинов, учитель Алимов Григорий Михайлович, Дмитрий Игнатьевич Угренинов, сотрудник волисполкома Кузьма Пожидаев, Константин Степанов(?). Содержали в караульном помещении Токаревского дома. Расстреляли. Батюшку водили по станице, всячески издевались, привязали к дереву цепью, кололи штыками. В 1923 году арестовали Анну Христофоровну Преображенскую, водили на работу из КПЗ, на ночлег возвращали обратно. Содержали под стражей за то, что нашли у нее газету, где была подчеркнута статья о том, что крестьяне голодают. Интересены факты биографии Василия Александровича Преображенского. Родился 22.02.1878 года в Вологодской области. В январе 1910

года молодой священник был сослан в станицу Сибирского казачьего войска Пресногорьковскую под надзор полиции. Причиной стала найденная в доме батюшки подпольная типография брата жены Василия Попова (Темного), активного участника Шенкурских крестьянских антиправительственных съездов. Василий, бывший священник, бежал из Архангельской тюрьмы и попал на пароход, идущий в Англию, далее эмигрировал в США. Известно его письмо царю Николаю Второму, датированное 1913 годом, в котором просил прощения и просил разрешение на возвращение на Родину.

Весной 1921 года на льду озера Церковного у поселка Макарьевка (СКО) без суда были расстреляны игуменья Михайловского монастыря Евпраксия (в миру Анна Казина), монахиня Феофания и Серафима. Расстрел осуществляли предположительно люди из отряда Д.А.Ковалева. В его отряде был Филипп Порфирьевич Журавлев. Интересен факт – когда в Макарьевке во время войны избирали председателя колхоза вместо Ивана Руфовича Виниченко с огромным трудом протолкнули на эту должность Журавлева. Прошло более 20 лет после расстрела, а народ помнил палачей.

О командире партизанского отряда Дмитрии Алексеевиче Ковалеве автор подробно написал в книге «Исход». В воспоминаниях о нем много непонятного, противоречивого, трудно отличить, где легенда, а где правда. Предлагаю читателю воспоминания Семена Степановича Дучкина, уроженца ныне несуществующего переселенческого села Сретенки:

«Николай Чеботаренко добрался до Пресногорьковки и попал в штаб красных...

Перед ним за обеденным столом сидит светловолосый начальник среднего роста. Он что-то пишет на листе бумаги. Сзади него стоит широкоплечий высокий детина с черными усиками. Он, перегибаясь через плечо светловолосого, читает исписанный листок и, кивая головой, поддакивает:

-Да-да-да! Так-так-так! Я тэ ж думаю...Так краще будэ.

-Ну как! - спросил начальник, окончив писать.

-Ясно-понятно!

-Ага, ясно. Это хорошо. Бери приказ. Немедленно исполнять. Бить изо всех орудий, чтобы бандитов не осталось. Лопушки проклятые!

Детина схватил бумагу со стола и выскочил из хаты.

Начальник встал с табуретки и протянул руку Николаю. Это был легендарный командир партизанского отряда, анновский большевик Ковалев Дмитрий, герой казахских аулов Карасу. О нем даже старики сказки детям рассказывали. К нему в отряд со всего уезда шли добровольцы: русские, казахи, украинцы.

- Здорово, земляк! С какой вестью? – спросил он. - Говори смелее, – он тряхнул утвердительно головой, подмигнул правым глазом и приятно усмехнулся... «Не дрейфь, парень. Тут все свои в доску». Взгляд у него спокойный, почти голубые глаза веселые, очень добрые и чуть озорные. Николай никому не поверил бы, если бы ему сказали, что у командира отряда такой нежный, почти девичий взгляд.

- В нашем селе банда Линдберга, - говорит Николай.

- Знаю, дорогой, знаю, - сказал Ковалев и сердито процедил сквозь зубы: «у, гады».

Глаза у него вдруг потемнели, лицо затянулось суровой кремнистой сеткой, брови нахмурились. Его гневный взгляд как раскаленное шило, пронзал все насквозь. Он будто переродился в дьявола, теперь не был похожим на голубоглазого добряка. Чеботаренко поглядывает на него и рассказывает. Ковалев ходит за столом от печки к окну и снова к печке. Думает, молчит и смотрит куда-то далеко вперед. Кажется, совсем ничего не слышит.

Когда Николай назвал убитых анновских большевиков, с которыми Ковалев вместе рос и учился, командир отряда остановился на месте и закипел еще большим гневом. Он поднял кулаки вверх и крикнул: - Ну, погодите. Гады! Убийцы проклятые! Колчаковцы недобитые! Хватит, дорогой, мне все ясно. Хорошо, что ты здесь, хочу тебя послать тайно в Урицкое с пакетом. Это очень важное задание. Его не каждому доверишь. Есть у меня надежные люди, но не могу я их послать. Каждый у дела. Но главное, за каждым из них атаманские шпики бродят. Пошлешь

кого – нибудь-сейчас же атаману донесут. Порубают, черти, в дороге и пакет заберут. Ты для них приезжий крестьянин, приехал и уехал. Им не до тебя.

- Попробую.

- Ну, вот и хорошо. Я так и думал. Постарайся, брат, услужи крестьянству. В Урицке стоят регулярные части Красной Армии. Им этот Линдберг, что слону груша. Ам, и нет!

- Эх, как хочется самому в Анновку, - вздохнул Ковалев.- Я там каждого суслика знаю – в два счета навел бы порядок. Поймал бы сома. Разбойника, торговца Богомолова. Но тут в Лопушках сильная банда. Рискованно дробить отряд. Всего триста бойцов. В бумаге я все отпишу. Береги пакет, если почувствуешь беду, уничтожишь его. Тогда в Урицком на словах сам все расскажешь.

Родился Ковалев на Дону в хуторе Крылова. В начале столетия большая семья безземельного казака Алексея переезжает в Анновку, в «дальнюю Сибирь» - так называли тогда карасульские степи. Дмитрий с детства опекал младшего брата Ивана. Они вместе окончили 4 класса. Их вместе отец продал их за три овцы в работники к богачу Куртанову, Ковалевы пасли его табуны в Омских и Исилькульских степях. Потом война. Школа при части, фельдфебель и контузия. После госпиталя служил в Петропавловске (Новониколаевске). В 1917 году полк восстал, офицеры разбежались и Дмитрий возглавил солдатские массы. Вызвал к себе отца, будто за барахлом, загрузил большой ящик оружием, даже пулемет сунул туда и скрытно от отца сумел переправить и замуровать дома в лежанке все оружие. Тогда же с братом Иваном вступили в партию и организовали Советскую власть в Анновке. В 1918-м чехи подняли восстание. Братья Ковалевы создают партизанский отряд с базами в аулах и степи. Торговец С.Д.Богомолов привел зимою в Анновку отряд колчаковцев. В Сретенке каратели расстреляли Андрона Чернорота, а в Анновке устроили настоящую бойню, мучили даже женщин. Богомолов донес колчаковцам, что поп Рожков Григорий Васильевич сообщает партизанам, где находятся колчаковцы. Всыпали попу сорок шомполов, и сбросил Григорий навсегда

поповскую ризу. Привязали каратели к столбам Мачдибуренко Д.Р. и Дьяченко А.Г. облили холодной водой и заморозили их. Рыбкина Семена, который ездил к Ковалеву от попа, изрубили лопатами. Ковалевцы налетели неожиданно, освободили Анновку. При наступлении Красной Армии отряд Ковалева ударил колчаковцам с тыла и вышел на встречу с отрядом Козенцева. Эти два отряда громили кулацкие восстания в Северном Казахстане. При колчаковцах партизаны скрывались в аулах. Их кормили казахи, давали им боевых коней. Дмитрий носился между аулами, не слезая с коня, его ноги – «калачики» еще больше согнулись от коня. После войны Ковалев – председатель ревкома в Урицком и командир отряда по борьбе с кулацкими восстаниями. Но вскоре раны дали о себе знать. И он подался в родные края, в Ростовскую область. Был там председателем артели «Маяк Ильича», потом крупного колхоза, создавал МТС. В 1933 году его вызвали в Москву и поручили ответственную работу по строительству крупного завода КИМ в Кунцево под Москвой. 1 октября убит при исполнении служебных обязанностей. Остались в живых две сестры и младший брат».

Чем занимался товарищ Ковалев на игольно-платинном заводе в Кунцево неизвестно. Известно только, что в это время на заводе активно проводились аресты рабочих-латышей, которые якобы, пытались помешать развитию производства и занимались вредительством. Срочно отвели корпус под изоляторы и кабинеты следователей. Расширяли и ряды чекистов.

Дополняет описание Ковалева следующий документ из Челябинского архива:

Записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов:

«...из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд Ковалева по борьбе с бандитизмом, получаются сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами

и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к Госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалева с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т.Ковалева, как бы ценны они не были».

Коллективизация

Костырина Татьяна Алексеева: «В период коллективизации нас «кулачили». Пришли активисты и стали забирать все, что можно было забрать. Вырвали с «мясом» из ушей у мамы сережки. В декабре месяце вывезли нас на озеро Тычек за Песчанкой, где мы жили в ямах, накрытых соломой. Нас спасли казахи, вывезли в аулы. Они рисковали, так как нас проверяли работники ГПУ. После статьи Сталина «Головокружение от успехов» нам разрешили вернуться в Пресногорьковку».

Дучкин Семен (учащийся Пресногорьковской школы, комсомолец): «Повсеместно шла коллективизация, Урожай в 1929 году был неплохой. Но крестьяне не сдавали хлеб государству, увозили его для продажи в другие районы. Начались перебои в снабжении. Сдачу хлеба государству взяли под общественный контроль. Зимою мы ночью дежурили на участке: вызывали крестьян в комиссию. Приходит вызванный, от него требуют - сдать хлеб и заявление в колхоз. Подается агитации – уходит домой. Но большинство сидят на полу и ругаются. Спят, завернувшись в тулупы. Дежурили в ночном комсомольском патруле на северной окраине Пресногорьковки, чтобы задерживать сани

с хлебом, который вывозили для продажи в соседние районы. Стояли по три человека ничем не вооруженные при сильном морозе, обычно прятались за углом крайнего дома, чтобы нас с улицы не увидели. Под утро однажды замерзли, хотели в общежитие бежать, вдруг из-за поворота выезжают трое саней. Мы налетели на них, кричим, целимся. Крестьяне перепугались, завернули обоз к комсомольскому штабу. Там уже несколько таких обозов. Штаб размещался на площади райсовета в доме купца Ромашова. В этом же доме находилась милиция и прокуратура, а в кирпичном амбаре была каталажка для подследственных и задержанных (в 2014 году акимат и склад прим. – С.В.).Туда в конце зимы 1930 года меня назначили начальником караула. Караульный устав я знал хорошо. Пошел ночью проверять посты, зашел в каталажку. У входа тускло горит керосинка. Рядом стоит ведро с водой. Вдоль стены – нары. Арестованные спят. Один мужик встал и подошел к ведру, зачерпнул кружкой воду, пьет. Потом повернулся ко мне и говорит: - А что теперь будет с нами? Сталин пишет, колхоз добровольное дело, а нас за это в тюрьму.

- Мое дело караул нести. Следователи разберутся и все решат, - отвечаю.

Пришел, а караульное помещение и сел читать газету. Там напечатана статья Сталина«Головокружение от успехов». Читаю и удивляюсь: Значит у нас тоже перегибы: Зачем сутками держать людей на участках? И зачем каталажка? Головотяпство и все…Читаю и думаю: «А что в Стретенке делается! Там лошадей за три рубля продают. Скот побили. Мясо поели и разбежались кто-куда. Осталось двадцать бедняков – вот т все»…Весной ликвидировали участки и каталажку. Много крестьян вышло из коммуны». Факт дежурства в дневное и ночное время учеников подтверждает и Дмитрий Александрович Татаринцев, уроженец поселка Богоявленского.

В рапортах и донесениях уездному начальству местные товарищи отмечали следующее:

«Говоря о настроении крестьян, приходится отметить широкое распространение контрреволюционной агитации кулацкого и казачьего населения, которая направлена к разложению комячеек и комсоюзов молодежи, обессиливая этим работу на местах. Исключительно указывают как [причину] на разверстку: «Видите, у нас все отбирают, а нам ничего не дают и забирают мобилизацией последних работников из домов и нас хотят оставить голодными». Местные комячейки обессилены; бывают случаи, когда на собрании крестьян затрагивается вопрос членами ячеек о скорейшем выполнении разверстки, но крестьянство грозит: «Если вы будете у нас так отбирать, то мы вас всех уничтожим». Такие явления наблюдаются в большинстве в казачьих станицах».

Из спецсводки инфотдела Петропавловского ОГПУ о коллективизации от 25 мая 1930 года:

«Станица Пресногорьковка того же района (русское казачество). 6 мая во время похорон Усиденевой собралась толпа человек 40. Середнячки Серебренникова, Асадченкова и Воронина говорили: «Дождались свободы, но скоро будет свобода, прижмем всех коллективистов так, чтобы из них пшеничка посыпалась», а середнячки Вяткина, Козлова и ряд других говорили: «Нам ни сахару, ни чаю нет, а колхозники получают. Нужно будет разобрать свои паи и сделать свой кооператив, а колхозники пусть делают свой».

По составленным в октябре подворным спискам станицы Пресногорьковской можно узнать, относительно, конечно, судьбу тех, кого включили в кулаки. Выезд означал верную гибель семьи. Как правило, семья выселялась из деревни прямо в чистое поле, хозяина расстреливали.

Богданова Мария Александровна (сироты) 5 членов семей, выехали после раскулачивания в декабре 1929 года

Вяткин Иван Яковлевич ,5. Середняк, выехал на заработки с семьей в июле 1930.

Ермолаев Федор Михайлович. 5, бедняк (расстрелян в 1937)

Кладенов Яков Васильевич,2. Кулак, семья выслана в 1930 году (арестован в Кургане 7 июля 1930 года, за попытку воору-

женного восстания, приговорен 4 ноября к расстрелу, реабилитирован в 1957 году).

Новгородцев Евгений Васильевич, 3 кулак, скрылся во время хлебозаготовок, семья выехала в январе 1930 года.

Пономарев Михаил Александрович, 7. Кулак, семья выслана в январе 1930 года.

Мошкова Елизавета Павловна,2, середняк (Арестована в 1932 году, как сестра белого генерала Николая Павловича Кубрина, расстрелянного в Архангельске в 1921 году, отбыла восьмилетний срок в лагерях).

Ромашев Петр Васильевич, 5, кулак. Выслан в январе 1930 года (ему принадлежал двухэтажный дом, в котором был рабкоп при советской власти)

Токарев Григорий Иванович,2. Кулак. Выслан. Выехал в апреле 1929 года.

Токарев Михаил Никитович,2. Кулак. Выслан, жена выехала в августе 1930 года.

Успеньев Степан Никитович, 5. Кулак. Выслан, семья выехала в августе 1930 года

Бедрин Борис Федорович, 7. Середняк (арестован 26 января 1938 года. 5 февраля был расстрелян). Бедрин был урядником, дворянин. Во время гражданской войны свирепствовал в красноармейском отряде. Очевидец написал о нем через много лет в письме: «Мужчины в прошлые те года погибали по руководству Бори Бедрина, без суда и следствия уничтожал. На кого-то имел злорадство с юных лет, он же был потомственный, из семьи дворянского племени».

Федор Иванович Токарев погиб в ссылке в 1929 году где-то в Тюменской области.

Кого еще приписали к кулакам? Ведь были еще 1931 – 32 годы.

Из воспоминаний жителя Троебратного Сергея Прокопьева (Драгоценная моя Драгоценка)

В Казахстане познакомился с земляком, дядей Андреем Фоминым. С сыном его Гошей нас призывали в армию (Георгий Фомин ушел из жизни в сентябре 2014 года – С.В.). Они с Трёх-

речья, с деревни Верх-Урга. У дяди Андрея на лице с правой стороны на скуле страшная вмятина. На свадьбе в приграничной деревне Караванной гулял (было это в середине тридцатых), вдруг его вызвали. С ещё одним парнем вышел за ворота, а там трое с винтовками, коней под уздцы держат. В Гражданское одеты. Сразу не поняли парни, что к чему, подвыпившие, весёлые, пошли за теми… А потом допёрло до Фомина – их же не так просто ведут. Эти трое уже нетерпеливо гонят парней, в спину толкают: быстрей шевелите ногами. Фомин говорил, что его с кем-то спутали, не он был предметом акции, по ошибке схватили, хотя как-то обмолвился, что служил у атамана Семёнова в Особом Маньчжурском отряде (или ОМО). Пусть не офицером, но к этому отряду у чекистов было рьяное отношение. А с другой стороны вопрос: почему он в сорок пятом в лагеря не попал, членов ОМО хватали одними из первых? Ведут Фомина на расстрел. Я его уже в солидном возрасте видел, когда ему за шестьдесят было. Могучий мужик, огромной силы, косая сажень в плечах. Он напарнику по расстрелу шепнул: «Ты бери одного, я двоих зашибу». Тот побоялся ввязаться в драку за освобождение, понадеялся – обойдётся. Фомин так не считал, без помощи товарища набросился на конвоиров. Красноармейцы попались крепкие. Сбили Фомина с ног, один в голову выстрелил. Полчелюсти снесло пулей. Нерешительного напарника Фомина следом уложили наповал, а Фомина посчитали убитым: голова – кровавое месиво, явно – готов. И торопились, вдруг из деревни прибегут на выстрелы. На лошадей вскочили и дёру. Фомин через какое-то время пришёл в себя, голова к дороге примёрзла. Отодрал, кое-как добрался до крайней избы. И выжил, народились дети.

С моим отцом они работали в Троебратном на станции, разгружали вагоны с углём. Однажды после смены пришли к нам, мама приготовила закуску, казаки выпивали, Фомин рассказал о себе. Да, забыл сказать о важной детали – почему он, не сомневаясь, пошёл со свадьбы с этими тремя. Один из них был дальним родственником. Фомин с ним потом встречался. Ездил в Забайкалье в конце пятидесятых, родом был из Александровско-

го Завода, там столкнулся с родственником. Посмеялись два казака, вспоминая кровавую стычку, этим и кончилась встреча. Фомина вылечил китаец, были среди них искусные лекари. Увечье осталось до смерти. Прожил он почти восемьдесят лет, шестьдесят из них с обезображенной половиной лица».

Репрессии 1937 года

Наступил 1937 год. В связи с решениями декабрьского 1936 года пленума, а затем февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП (б) о ликвидации последствий вредительства троцкистов, бухаринцев, "национал-фашистов" в республиках и "искоренении и выкорчевывании до конца двурушников" почва для такой "кампании" в Казахстане была давно готова. Краевой комитет ВКП (б) во главе с Левоном Мирзояном и руководством НКВД республики составляли планы репрессий по 1-категории (расстрел) и 2-категории (осуждение на длительные сроки) и передавали их в Москву для утверждения. "Выполнив" составленный план, Мирзоян просил разрешение на продолжение арестов. Осенью 1937 года были репрессированы известные деятели литературы и искусства, видные руководящие работники республики. "Следствие" еще не завершилось, а из Москвы уже возвращаются в Казахстан расстрельные списки, утвержденные Сталиным и его соратниками. Чтобы убедиться на местах о наличии среди населения "врагов народа" устраивались открытые судебные процессы. По предложению Л.Мирзояна осенью 1937 года состоялись такие судебные процессы в Караганде, Чимкенте, Иргизе, Пресногорьковке, Урджаре и многих других районах и населенных пунктах.

Сам Мирзоян был уничтожен в следующем году, но к этому времени люди для проведения процессов были брошены в застенки НКВД.

Ермолаев Юрий Федорович: У нас стали забирать врагов народа. Арестовали одного из учителей нашей школы Стерехова Петра Михайловича. 20 сентября 1937 года, когда я пришел из школы. Меня не пустили в нашу избу. Там шел обыск. Отец был

охотник, у него было ружье. Забрали его и больше ничего не нашли. Отца увели, а мы с мамой сидели и плакали. Родственники говорили, что это недоразумение и его скоро отпустят. Отца видел только раз, когда ходил с матерью в милицию. В ограде НКВД я случайно увидел его, их выводили из КПЗ во двор и он так грустно посмотрел и заплакал. Его и несколько человек увезли в Кустанай и он исчез навсегда». 3 октября 1937 года Федор Ермолаев был расстрелян.

«Нас называли детьми врагов народа. Мать на следующий день после ареста отца пошла в магазин за хлебом, там жена секретаря райкома Воронкова заявила, что семьям врагов народа нечего продавать хлеб, пусть подыхают, мать в слезах пришла домой. А через три дня арестовали самого Воронкова. Несмотря на арест отца, меня в 1938 году отправили отдыхать в областной пионерский лагерь в село Боровое».

Церахто Федор Николаевич (активный участник гражданской войны в нашем крае, командир пресногорьковского отряда ЧОН в 1922 году): Я с женой после приезда из Мариуполя некоторое время жил у Федора Михайловича Ермолаева, работавшим главным бухгалтером райпотребсоюза, потом переехали к Яганцевым. Утро принесло страшную весть – ночью арестовали все районное руководство, в том числе и Федора Ермолаева, учителей: Петра Стерехова, Петра Соколова, Бориса Канахина. Этот день для райцентра был поистине траурным. Глядя на горе людей, не на шутку растерялся и я. До января 1938 года я скрывался в сорока верстах от Пресногорьковки в казахских аулах у Рамазана, Кусаина, Дусубая. Вечерами навещал семью в Пресногорьковке. После Нового года волна арестов спала...»

Виниченко Александра Руфовна: В 1937 году Александра работала дояркой на ферме. В свои 17 лет она доила вручную группу первотелок, более двух десятков голов. Рук не чувствовала от такой работы. Однажды, доярка, обслуживающая соседнюю группу коров заболела и Шуре было сказано доить еще два десятка голов. Она физически не в состоянии была выполнить такую работу. Ей было предъявлено обвинение во вредительстве, девушку арестовали и повезли в Кустанай. Везли больше не-

дели на телеге. По дороге к ним присоединялись все новые арестанты и конвой увеличивался. К городу подъехал уже целый обоз. Три месяца Шура пробыла в следственном изоляторе. И без того худенькая девушка совсем потеряла силы в тюрьме. В Конце марта ее вывели на суд. Женщина – судья, увидев состояние несчастной, дала распоряжение «сактировать» ее. Александра вышла из ворот тюрьмы и побрела к Тоболу по мартовской каше из снега и воды. Была обута в валенки. Через реку ходил паром, пришлось отдать ветхое пальто за переправу на другой берег. Больше месяца добиралась до Пресногорьковки, шла от села к селу, от аула к аулу. Дойти помогли добрые люди, дававшие ночлег и пропитание.

Уткин Иван Михайлович, прокурор.

Родился в 1904 г., Калининская обл., д. Дуброво.; русский; образование начальное; начальник. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, пос. Пресногорьковский..

Арестован 30 октября 1937 г. Пресногорьковское РО УНКВД.

Приговорен: Выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР 13 марта 1938 г., обв.: 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован 7 января 1998 г. Главная Военная прокуратура РК Закон РК от 14.04.1993

Синицкий Александр Семенович

Родился в Челябинская обл., Магнитный р-н, с. Ангельское.; русский; образование неполное среднее; председатель, Пресногорьковское РИК.Арестован 17 ноября 1937 г. Пресногорьковское РО УНКВД.

Приговорен: Военная Коллегия Верховного Суда СССР 13 марта 1938 г., обв.: 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован в 1993 г. Генпрокуратура РК Закон РК от 14.04.1993

Романов Александр Ильич, управляющий Госбанком

Родился в 1907 г., Алма-Атинская обл., Алма-Ата.; русский; образование начальное; управляющий. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с. Пресногорьковка..

Арестован 22 ноября 1937 г. Пресногорьковский РО УНКВД.

Приговорен: Кустанайский облсуд 28 апреля 1938 г., обв.: 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: 15 лет ИТЛ Реабилитирован 30 марта 1970 г. Прокуратура КазССР за отсутствием состава преступления

Посунько Лука Данилович, начальник РО НКВД Пресногорьковского района

Родился в 1905 г., Таврическая губ., Днепропетровский уезд, Кайры с.; украинцы; образование начальное; начальник. Проживал: Кустанайская обл. Пресногорьковка.

Арестован 4 апреля 1938 г. Кустанайский РО НКВД.

Реабилитирован 11 января 1939 г. НКВД КазССР, за недоказанностью состава преступления.

Ларюшин Анисим Сергеевич

Родился в 1871 г., Кустанайский округ, Пресногорьковский.; русский; образование начальное; Сторож. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, ст.Пресноредутская..

Арестован 14 августа 1937 г. Пресногорьковское РО УНКВД.

Приговорен: Тройка УНКВД по Кустанайской обл. 7 сентября 1937 г., обв.: 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован 4 ноября 1989 г. Костанайская облпрокуратура УКАЗ ПВС СССР ОТ 16.01.1989

Ларюшин Иван Захарович

Родился в 1910 г., Кустанайская обл., Пресногорьковский.; русский; образование начальное; председатель. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с.Пресногорьковка..

Арестован 23 ноября 1937 г. Пресногорьковское РО УНКВД.

Приговорен: Тройка УНКВД по Кустанайской обл. 8 декабря 1937 г., обв.: 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 20 февраля 1964 г. Кустанайский облсуд за отсутствием состава преступления

Ларюшин Прокопий Васильевич

Родился в 1888 г., Кустанайская губ., Пресногорьковский уезд, д. Пресноредуть; русский; малограмотный; рабочий совхоза.. Проживал: Омская обл., Любинский р-н, с. Камышловка.

Арестован 6 сентября 1937 г.

Приговорен: Тройка при УНКВД по Омской обл. 27 октября 1937 г., обв.: за контрреволюционную агитацию и пропаганду без ссылки на закон.

Приговор: ВМН. Расстрелян 31 октября 1937 г. Реабилитирован 21 июня 1989 г. Прокуратурой Омской обл. на основании Указа ПВС СССР.

Ермолаев Федор Михайлович

Родился в 1898 г., Кустанайская обл., Пресногорьковский р-н, ст.Крутоярская.; русский; образование неполное среднее; бухгалтер, райпотребсоюз.. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с.Пресногорьковка..

Арестован 20 сентября 1937 г. Пресногорьковский РО УНКВД.

Приговорен: тройка УНКВД 3 октября 1937 г., обв.: 58-10 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован в 1993 г. Генпрокуратура РК Закон РК от 14.04.1993

Дедов Николай Павлович

Родился в 1900 г., Кустанайская обл., Пресногорьковский.; русский; образование начальное; председатель. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с.Пресногорьковка..

Арестован 17 декабря 1937 г. Пресногорьковский РО УНКВД.

Приговорен: Тройка УНКВД по Кустанайской обл. 29 декабря 1937 г., обв.: 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован 7 июня 1957 г. Кустанайский облсуд за отсутствием состава преступления

Богданчиков Емельян Фролович

Родился в 1903 г., Кустанайская обл., Пресногорьковский.; русский; образование начальное; зам.председателя райисполкома. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с.Пресногорьковка..

Арестован 8 декабря 1937 г. Пресногорьковское РО УНКВД.

Приговорен: Тройка УНКВД по Кустанайской обл. 28 декабря 1937 г., обв.: 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован 24 августа 1989 г. Костанайская облпрокуратура УКАЗ ПВС СССР ОТ 16.01.1989

Грязнов Григорий Николаевич

Родился в 1890 г., Кустанайская обл., Пресногорьковский.; русский; образование начальное; секретарь. Проживал: Кустанайская обл., Ленинский р-н, с. Пресногорьковка..

Арестован 17 декабря 1937 г. Пресногорьковский РО УНКВД.

Приговорен: Тройка УНКВД по Кустанайской обл. 29 декабря 1937 г., обв.: 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Реабилитирован 7 июня 1957 г. Кустанайский облсуд за отсутствием состава преступления

Грязнов Александр Николаевич

Родился в 1881 г. крестьянин. Проживал: Омская губ., Петропавловский уезд, д. Редут.

Приговорен: Реввоентрибунал Сибири 21 августа 1921 г., обв.: за активное участие в повстанческом движении против советской власти.

Приговор: к 3 годам лишения свободы условно. Реабилитирован 4 марта 1997 г. Прокуратурой Омской обл. на основании Закона РФ.

Грязнов Григорий Еремеевич

Родился в 1889 г., Акмолинская обл., Петропавловский уезд; Проживал: Акмолинская обл., Петропавловский уезд.

Приговорен: Омский губсуд 21 июня 1923 г., обв.: за службу в белой армии.

Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 10 января 1992 г. Прокуратурой Омской обл. на основании Закона РФ.

Канахин Борис Филиппович

Родился в 1894 году, арестован 6 декабря 1937 года . 8 декабря приговорен по ст.58/10 к ВМН. Реабилитирован в 1959 году в связи с отсутствием состава преступления.

Канахин Михаил Агафонович

Арестован 22 сентября 1937 года, 10 октября приговорен к расстрелу по ст.58/10. Реабилитирован в 1991 году.

Темкина Дина Абрамовна: Мой отец, Абрам Наумович Аксельрод, был сослан в станицу Пресногорьковку в 1935 году. Арестовали его в Ленинграде по делу об убийстве С.М.Кирова. Отец носил известную в революционных кругах фамилию и, видимо, пострадал за нее. Всякую причастность к заговору он отрицал, работал на заводе и не имел к теракту никакого отношения. Помню, как мама взяла меня с собой в Смольный , на прием к А.Жданову. Помню длинные коридоры и огромный кабинет. В конце стола сидел человек, решивший нашу судьбу. «Мы его не посадим, мы его сошлем»-таково было решение относительно отца. Мы с мамой, Тамарой Давидовной Гольдштейн, выехали к отцу и жили в Пресногорьковке до 1951 года. В 1940 году родился мой брат Леонид. Отец и мама работали в школе. Преподавали химию и физику. Мама была классным руководителем выпускников 1941 года. Защитила кандидатскую в Петропавловске. Долгое время преподавала в Ленинградской инженерной академии. О посещении Пресногорьковки Диной и Леонидом автор рассказал на страницах книги(Неслучайные встречи).

Ссыльная Заккит Зинаида Михайловна написала воспоминания в виде писем (От мертвых не отрекаются). Отрывки, касающиеся пребывания ее в Пресногорьковке автор посчитал необходимым разместить ниже:

Из Кустаная нас перевезли через мост за реку Тобол, где ночевали две ночи. Группа наша состояла из 28 человек. У всех дети. И как на зло, начались дожди. У переправы одна маленькая хибарочка. Все не могли вместиться. Наконец, днем 29/VII подъехала автомашина с директором совхоза N 1 Пресногорьковского р-на, и он взял нас половину, а остальных оставил на завтра. И завезли нас за 250 км от Кустаная. Но нас не сопровождали с автоматами, хотя у реки Тобол дежурили четыре автоматчика. В Белую Глинку прибыла ночью 28/VIII 48 г.

Я живу в деревне (Белоглинке), в которой одна улица посередине, вместо парка культуры. А на этом току я, то обмолачиваю

хлеб, то заметаю так тщательно, что, наверное, выдержу экзамен на дворника.

Моим помощником была моя новая подружка, на 10 лет старше меня, ленинградка. Сошлись характерами, обе веселые, обе тайком роняем слезу, когда после двенадцатичасового рабочего дня возвращаемся к себе в угол с земляным полом и прежде всего ложимся отдыхать, а затем принимаемся за приготовление пищи. Дают 0,5 хлеба ржаного. За неделю дали 2 кг муки ржаной. Молоко 4 руб. литр, рыба свежая — карась — 3 руб. десяток, масло 40 руб.кг.

Из Кустаная нас перевезли через мост за реку Тобол, где ночевали две ночи. Группа наша состояла из 28 человек. У всех дети. И как на зло, начались дожди. У переправы одна маленькая хибарочка. Все не могли вместиться. Наконец, днем 29/VII подъехала автомашина с директором совхоза N 1 Пресногорьковского р-на, и он взял нас половину, а остальных оставил на завтра. И завезли нас за 250 км от Кустаная. Но нас не сопровождали с автоматами, хотя у реки Тобол дежурили четыре автоматчика.

Здесь, в Белой Глинке, разместили нас по квартирам. Я с Софьей Алексеевной Нейдорф, моим новым другом, живем у вдовы с двумя детьми. Кровати нет. Поя земляной. Комната меньше нашей. Комната богата клопами, блохами и сверчками. Используют нас, как рабочих. Работаем в совхозе с 7 часов утра до 8 часов вечера. Перерыв с часу до двух. Четырех человек из нас перебросили на сенозаготовку. Выполняем работу всю, какую дают: грузим «мешки на весы, сгружаем, на веялке, перелопачиваем зерно, заметаем ток. О конторской работе лучше не говорить. Выходных нет. Даешь чернорабочую силу! С возрастом не считаются. "Вы поднатужьтесь потихоньку", — отвечают, когда мы вдруг присели от усталости. Осенью до морозов вышли мне лука для еды и для посева, фасоли немного, мыло и чай. Здесь казахи чай любят. У Эдгара Нордена попроси бумаги. Здесь книга приказов пишется на книге "Молодежная эстрада". Газеты используются для бухгалтерской работы.

Перебрались на новую квартиру к немцам из Грузии. Вот уж дали волю воспоминаниям. Они жили недалеко от Тифлиса.

Семья состоит: муж — Иван Адамович, жена его Мария Григорьевна и сын — 13-летний Иван Иванович. Все на работе. Он — плотник, она со мной на току, сын на комбайне. Семья очень добрая, но живут, как нищие. Постели нет, обрывки одеял, тюфяков. Как это все знакомо мне! У них нет белья. Спят в одежде, а делятся последней картошкой со мной. Я получаю только 0,5 кг хлеба, муки уже нет на базаре. У них есть корова, но сейчас собирают масло на сдачу государству.

Меня переводят в сторожа к стогам сена у конюшен. Это похуже дело. Здесь (на току — И.Т.) под навес скроешься от дождя и стужи, а там, хоть закрывайся в сене, а отказываться от работы неудобно. Боюсь, что мои невралгии уложат меня в постель. Мария ходила пешком за 25 км на базар и купила две фуфайки. Два дня моросил холодный дождь. Я чувствовала себя очень плохо: ломят руки, ноги, голова. Сегодня пришли за мной:"Хватит болеть". Нужна справка от врача, а у меня нет температуры. В общем, пригрозили снять меня с хлеба. Пришлось выйти на пост.

22/IX. Случайно шла машина в Кустанай, и я доехала до района. Сейчас на почте жду выдачи посылок. Со мной из наших девушка тоже за посылкой от сестры из Эстонии. Обратно идем пешком 15 км. К нам прислали агронома — латыша высланного Вольдемара Августовича Вейнберга. Он старик: 68 лет. Семья в Латвии.

В моем быту произошла перемена, мне приходится уходить от Марии Григорьевны. Они меня величают "теткой", "матерью", и вот мне задали вопрос, действительно ли имею родственные связи с ними. Вот тут-то я испугалась. Хватит мне двух высылок, а еще могут приписать родственную связь с немцами. Я объяснила им свое мнение и решение.У завхоза попросила комнату в русской семье. Он согласился с моим мнением и дал комнату у нашей ночной сторожихи. Конечно, все это неприятно, но жизнь жестока.

26 июля 1950 г.

У нас станица сегодня в трауре: умер начальник МГБ. Два месяца, как назначили его сюда, и после операции аппендицита скончался. Гроб с его телом стоит в клубе, почетный караул. Поехали за оркестром. В семье тяжелая утрата: ему только 30 лет. Высокий, интересный человек, осталось двое детей малых. Завтра похороны.

Вчера была в клубе. Приезжий драмтеатр ставил пьесу Островского "Богатые невесты". Сегодня в кино "Голубые мечи". Идем, конечно.

27 января 1951 г.

Пока мы были с Соней двое квартирантов, а теперь еще прибавилось двое. Переехали две особы ссыльные после лагерей. Одна из Минска. Осуждена за то, что вышла замуж за офицера русского, перешедшего к немцам, в общем, изменника. Другая — из Витебска — за то, что состояла в союзе молодежи немецкой. Нигде не работают, живут посылками из дому. Никуда же не принимают на работу в учреждения. Летом посылали на уборку хлеба. Что посеял, то и жни. Если бы не хотели, то могли бы не выходить замуж или записываться в союз. Помнишь, как дедушка замуровал, тетю Инну, чтобы не попались немцам. А дядя мой, почуяв, что не миновать ему лап немецких, так он сам покончил с собой, чтобы только не коснулись его руки врага. А у них страх перед смертью убил чувство гордости русского человека, чувство патриотизма. Вот почему я и говорю: "Что посеял, то и жни".

17 ноября 1951 г.

У нас в станице большое волнение: в ФЗО берут из района 1000 человек, в том числе из школы 40 человек. Берут неуспевающих учеников, хулиганов и переростков. В число их попала и дочь моих хозяев, ей 16 лет, а она только в пятом классе, и учеба ей туго дается. Мать в отчаянии. Девочка прибегала ко мне, я ее успокаивала, что приобретет специальность. Показала фото в газетах, где засняты токари, сборщики, фрезеровщики.

У нас в больнице лежит ссыльный врач. У него болит позвоночник, и он не может ходить. Сегодня я навестила его. Целый час разговаривали. Какой он красивый! Ах! Где мои 20 лет? Или

хорошо, что мне 56 лет, а то погибла бы. Лежит уже два месяца, и нет надежды на выздоровление. Надежда, конечно, есть, но здесь нет курорта. И неизвестно, как долго он пролежит. В Галиче остались жена и дочь. Письма получает очень часто. Вот так-то, моя дорогая. Столько драм в жизни, а твоя матушка еще бродит, песенки напевает, анекдотики откалывает. Так что обо мне не горюй. Как видишь, люди хуже живут. Я дала ему свои журналы "Смена" и "Крокодил". Наши врачи снабжают его медицинской литературой. Целую. Ваша родная.

7 марта 1952 г.

У меня маленький сдвиг в общественном мнении. Вчера в фойе подошел ко мне заместитель заведующего клубом. Начал с предисловия: У меня к Вам, Зинаида Михайловна, очень большая просьба... мы просим Вас... помочь нам, т.е. не помочь, а принять участие в концерте завтра 7/III». "А в чем будет заключаться мое участие в концерте?" — спросила его. "Спеть что-нибудь" — "Спеть?! Что Вы? А культпросвет, а райком? Ведь мне запретили выступать соло, а только в хоре разрешили. Нет, нет," — ответила я. Он меня остановил: "Все улажено и в культпросвете, и в райкоме. Поэтому я и прошу Вас". Я дала согласие. Целую Мама.

8 марта 1952 г.

Вчера прошел концерт с успехом. Как ни страшно, но вся станица знала, что я выступаю. Хозяева встретили с поздравлениями. Хозяйка нашла, что я выглядела на 40 лет. Вспомнили еще одну участницу концерта — Валю. Она пела "Не брани меня, родная" и затем читала стихи детским голосом, как Рина Зеленая. Я ее поздравила с удачным выступлением и посоветовала идти учиться в театральную школу. Вышла на работу с опозданием, ровно в 9 часов, а ходьбы 10 минут. Встречаю бухгалтера райздрава Тасю Вдовину. Друг друга поздравили с 8 марта и решили, что сегодня имеем право опоздать. Тася говорит, что у нас горе. Валя после концерта дома повесилась. У нее был роман, но она не имела подруг, ни с кем не делилась. А герой ее романа — красивый парень, летчик. Но, как правило, физическая и душевная красота диаметрально противоположны. Запис-

ки Валя не оставила. Это плохо. Зачем уходить из жизни, оставляя безнаказанным виновника своей драмы. А он, конечно, будет отрицать не только связь с ней, но будет говорить: "Встречались просто так" А мужчин надо проучить. Уж очень они обнаглели. Не чувствуют за собой чувства долга, совести, порядочности. Сколько детей побросали! Конечно, Валя смалодушничала. В нашей советской стране никто ее не осудил бы, это не старая Русь. Она так была поглощена своим горем, что забыла, что она комсомолка. А жаль, талантливая девушка и досадно за ее малодушие. А пока целую вас, мои дорогие.

8 августа 1952 г. Новость в Пресногорьковке: я вышла замуж! Об этом мне сказала моя хозяйка. Я спросила ее: "А за кого я вышла?" — "За бухгалтера строительства Петропавловского совхоза, немца М. Дым без огня не бывает, а дым появился вот откуда. С Гротом я знакома еще с Кустаная, куда нас спровадили в 48-м году. Сюда приехал банк с прорабом и вдруг меня по телефону приглашают на пикник. Поехали к озеру, это было в 7 часов вечера. Пробыли до 12 часов ночи. "...Смятые розы, в бокалах шампанское..." Прораб ухаживал за Натальей Ивановной (ссыльная медсестра), Грот - за мной, Колесниченко - за собственной женой. Хорошая компания, шампанского действительно выпили три бутылки. Я дала волю своим песням. Пела все: и старое, и новое. Окунулись в прошлое и восторгались настоящим и окружающей природой. Грот изливал свои чувства о безумной тоске, что он так меня благодарит, что я чуть-чуть окунула его в сказку прошлой жизни и без конца целовал мне руки. Ему 63 года. Отбыл в лагерях 5 лет, ссылки 4 года. Выдавал себя за латыша. По окончании срока, вместо свободы ему сообщили, что он не латыш, а немец, и останется пожизненно, как спецпереселенец. Жил он в Риге. Там у него жена, и сын в Красной Армии. Вот так мама и бабушка в 57 лет занимается амурными делами.

28 июля 1953 г.

У меня нет ничего хорошего. Одно сегодня обрадовало: это мир в Корее. Ты, конечно, с нетерпением ждешь ответ из Москвы. Моя дорогая, зачем ты создала себе лишнюю тревогу, треп-

ку нервов. Если сын за отца в ссылке 15 лет и получила ответ: "Просьба отклонена, выслана правильно". Правда, это было еще при Берии, за месяц до его краха. Может быть, в этом тоже проявилась его подлая деятельность. Здесь живет в ссылке на 10 лет жена Министра финансов Украины Гринько**. Муж ее расстрелян в 1938 г., она получила по амнистии снижение ссылки наполовину. В это воскресенье была у нее в гостях. Мое горе в том, что у меня нет срока, а поэтому нечего снижать. Видимо, останусь здесь до конца жизни.

* Имеется в виду расстрел Берии Л.П. в 1953г.

** Гринько Г.Ф. (1890-1938).

Примечание С.В. Заккит З.М. получила разрешение выехать к дочери и скончалась в 70-е годы. Письма были опубликованы ее потомками. Из них хорошо видно, что в одном только райцентре области проживало огромное количество ссыльных людей разных национальностей. Из них можно узнать о годы повседневных заботах, быте и взаимоотношениях жителей глухой степной деревушки и райцентра в Казахстане - Пресногорьковке; о том, как проводили они свои будни, как отмечали праздники в 50 –е годы прошлого века.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Красный и белый террор в Северном Казахстане

7 марта 1921 г.

При объезде сел и деревень, освобожденных от банд, мною замечено, что 250-м стр. [елковым] полком и 26-м [кавалерийским], причем последний [называется] полком Стеньки Разина, производятся массовые грабежи и насилия над мирным населением, что в массовом явлении наблюдается в поселке Михайловский Дубровинской волости П. [етро] павловского уезда, где 250-м полком, кроме массового ограбления жителей, произведено ограбление церкви со взломом замка ломом. Ограбление церкви произведено в ночь выезда из поселка полка. Взяты следующие вещи: шелковые платки из-под икон, золотая ложка, ножницы, подушки для штемпелей, две палочки сургуча, несколько листов бумаги и несколько свечей. Показание о взятых вещах сделано церковным старостой вышеназванного поселка.

Номер полка установлен через опрос оставшегося в поселке обмороженного красноармейца 2-й роты 250-го полка т.Гулеватова Семена. Шелковые платки, ложка и ножницы были по отходе полка найдены на дороге за селом, по которой пошел полк. Судя по взятым вещам, можно подозревать, что в грабеже участвовали канцеляристы штаба, что подтверждается еще следующим обстоятельством: в доме казака Талатарова Трофима, где стоял штаб полка с комполка, в эту же ночь пропал лом. Случаи ограбления крестьян имели массовый характер, почему случаи и не привожу в настоящем рапорте. Достаточно в поселке Михайловский зайти в любой дом, и обязательно красноармейцами 250-го полка взяты грабительским путем какие-нибудь вещи. Причем брались вещи: женские платки, подушки, одеяла, — оправдываясь в данном случае грабежом полушубков, валенок и папах. Так же обстоит дело в селе Боголюбовское той же волости, где проходил 26-й полк. То же скажу и про отряд особого назначения при Особом отделе [1-й] трудовой армии, который находится в оперативном подчинении нашей бригады. Со стороны данного отряда были случаи самовольного расстрела крестьян, участвовавших в восстании. Как пример привожу село Чебаковское, где без всякого следствия расстреляно пять крестьян. Расстрел произведен следующим образом: брались крестьяне в подводы и по выезде из села расстреливались, а лошади и подводы брались. При наличии подобных случаев со стороны Кр [асной] Армии для контрреволюции является еще факт, на который она может опираться при своей провокации: «Вас грабили советы, а Кр [асная] Армия грабит и расстреливает».

Инструктор побрига отдельной кав [алерийской] Покровский

РГВА. Ф. 16. Оп. 2. Д. 88. Л. 52. Машинописная копия.

Из донесения начальника колчаковской милиции Петропавловского уезда от 23 мая 1919 г. управляющему Акмолинской областью о художествах красного "партизанского отряда" большевика Жиляева в селе Всесвятском:

"Ограбили переселенческий медицинский пункт на 50 000 рублей, Всесвятский племенной рассадник на 50 000 рублей, убили врача Троицкого и его жену. Причём осмотром трупов

установлено, что над врачом Троицким и его женой были пытки. Троицкого совершенно раздели, вырвали глаза, перерезали тупым орудием горло, нанесли штыковые раны в грудь и спину, жену изнасиловали, перерезали горло тупым орудием и нанесли семь колотых ран в грудь. Дальнейшим расследованием установлено, что жители Всесвятской волости ограблены на 1 500 000 рублей"

ГА РФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 275-275об.

Во время восстания в Кустанайском уезде происходили жестокие, изуверские расправы, в том числе над некоторыми местными священнослужителями. Архиепископ Оренбургский Мефодий доносил Высшему церковному управлению о том, что во время крестьянского восстания в марте-апреле 1919 г., под воздействием агитации пяти инородцев, были зверски убиты священники сел Боровского и Алешин-ского Кустанайского уезда. Причем священника села Боровского отца Дроздова повстанцы (вероятно, попавшие в их ряды отъявленные уголовники или дезертиры) распяли, а у его жены вырезали груди.

Ист: Зверства большевиков // Тобольские епархиальные ведомости [Текст]: религиозный журнал. – Тобольск. – 1919. – № 11. – С. 178

Действия белогвардейцев в Кустанайском уезде, весна 1919 года.

Сельский корреспондент А. Соболев впоследствии так описывал в газете «Степной крестьянин» приезд карательного отряда в поселок Львовский Кустанайского уезда: «6 марта ночью набат. Вскочили – казаки. Летают по улицам и рубят. Бившему в набат снесли голову… 12 человек вырвались из поселка. Казаки подожгли несколько домов. Началось насилование женщин. …Зимой трудно было скрываться в поле, и почти все попались в руки казаков и милиции. В церковной сторожке били и истязали дезертиров нагайками, шомполами, прикладами и подолгу оставляли лежать связанных в лужах крови. Полуизрубленные, исколотые, все 12 человек были столкнуты в прорубь. …»

Одноклассники. 1941.

В истории Пресногорьковской школы было много ярких, запоминающихся событий. В ее стенах учились выдающиеся личности, многое сделавшие для процветания Отечества, но есть среди многочисленных выпусков один, стоящий особняком от остальных – в нем учились ребята, чей выпускной вечер состоялся 21 июня 1941 года.

Выбор

Судьба каждого из них неразрывно связана с общим человеческим горем, началом Великой битвы с силами наползающей с Запада тьмы. Бывшие вчерашние школьники сразу даже не успели осознать всю трагедию случившегося. Лишь суровые лица учителей и земляков говорили им, что их мечты и планы рухнули в тот час, когда первые солдаты вермахта ступили на родную землю и теперь надо принимать самое главное в жизни решение. Выбор был сделан сразу после речи В.М.Молотова – все девятнадцать выпускников оказались у дверей Пресногорьковского райвоенкомата. К военкому Авдееву с заявлениями пошел секретарь комсомольской организации Иван Головин, класс остался ждать под буйно цветущими кустами сирени. Ваня пришел ни с чем – пока заявления отклонили: сказали «придет и ваш черед» и добавили «успеете еще хлебнуть лиха». Глубокое разочарование охватило выпускников, была уверенность, что в ближайшие дни, нет – часы, враг будет отброшен и разбит, а это означало, что принять участие в разгроме не удастся. Эту надежду не смог поколебать даже подсевший к выпускникам старый станичник, в казачьей фуражке с давно выцветшим околышем. Завернув цигарку из местного самосада, дед обронил мысль о том, что германец серьезный вояка и был очень силен в Августовских лесах в далеком феврале 1915 года, поэтому война затянется надолго и всем придется нелегко. Подошла и классный руководитель Тамара Давидовна Гольдштейн, сказала успокаивающе: «Друзья мои, это очень горько. Но будьте мужественными». Классную все безгранично уважали и стало как-то спокойнее.

Ушли и не вернулись

Старших по возрасту, Ивана Пономарева и Федора Яицкого, забрали повесткой через несколько дней и направили в летное училище. Федор участвовал в битве под Москвой, воевал на юге, погиб в 1943 году в небе над Кубанью.

В мае победного 1945-го родители Ивана получили похоронку. В ней говорилось, что «старший лейтенант Иван Павлович Пономарев, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, пал смертью храбрых 29 января 1945 г. Похоронен - господский двор д. Люмменен (Германия)».

Не вернулся домой любимец класса Саша Фиронов. На фронте молодой лейтенант командовал взводом. Как-то в письме однокласснице Татьяне Костыриной написал, как его взвод захватил немецкое орудие и стреляет теперь по немцам из него. Погиб Саша в боях под Курском.

Пропал без вести еще один одноклассник, поляк Франц Дрыгайло. Его семья была сослана в п. Сибирку из Восточной Польши в 1939 году. Ребята его уважали за справедливость и чем могли помогали. Зимой он много раз оставался без продуктов, одноклассники помогали хлебом и картошкой, незаметно клали в карман деньги на кино, которые он стеснялся брать. В марте 1942 года его и несколько поляков призвали в армию. Последнюю весточку Франц прислал из Красноводска. В ней сообщалось, что он отплывает по Каспийскому морю в Иран и далее в Тегеран, где будет формироваться армия генерала Андерса. Обещания Франца вернуться после войны не суждено было сбыться.

На фронте и в тылу

Михаил Журавлев добавил себе возраст и одним из первых встал в ряды защитников Родины. За высокий рост и крепкое телосложение в школе его прозвали «кузнецом». Миша учился хорошо и мечтал стать инженером. Мечты осуществились в полной мере, но лишь спустя несколько лет. К лету 1942 года он окончил Харьковское артиллерийское училище и с новенькими лейтенантскими погонами на плечах попал в окопы Брянского фронта. Первый орден Красной Звезды Михаил получил за умелые действия на Курской дуге. Воевал на разных фронтах и за-

кончил бить врага в поверженном Берлине в звании капитана с пятнадцатью наградами на груди. Далеко не каждый в 21 год имел такой послужной список. Не сразу капитан Журавлев демобилизовался, еще три года служил комендантом города Штеттин. Лишь в 1951 году осуществилась школьная мечта Журавлева – он поступил в Военную академию им. Дзержинского. Все ракетчики в 1956 году были направлены на строящиеся площадки космодрома Байконур. Уже через три года Михаил Федорович Журавлев служит заместителем начальника космодрома по научно-исследовательской работе, он защищает кандидатскую диссертацию, а 22 апреля 1961 года получает Ленинскую премию за большой личный вклад в освоение космического пространства. Выпускник Пресногорьковской школы 1941 года был лично знаком с космонавтами первого набора и главным конструктором С.П.Королевым. С Юрием Алексеевичем Гагариным он не раз отдыхал на берегу Черного моря.

Здесь же, на космодроме, служил одноклассник и лучший друг Михаила Владимир Гаврилович Козлов. В классе закадычных друзей называли Пат и Паташон, из-за большой разницы в росте. Служил в 380 полку 171-й стрелковой дивизии, награжден орденом Красной Звезды. После окончания войны он закончил Военную академию, служил комендантом Байконура, ушел в отставку в звании подполковника.

Взяли в армию Ивана Головина, долго не мог пройти он медкомиссию, но упрямый комсорг класса все же дошел со своей частью до Германии и вернулся домой в орденах.

Душа класса, никогда не унывающий Павел Кизин принимал участие в окружении 6-й армии Ф.Паулюса под Сталинградом. Наступление началось от донской станицы Клетской. В тяжелом бою Павла ранили. После лечения в госпитале города Саратова попал в военно-пехотное училище, затем на Юго-Западный фронт. Все лето 1943 года обороняли Ворошиловград, окопавшись на Донце. Со 2 сентября началось освобождение Донбасса, а 12 –го Павла тяжело ранило. Восемь месяцев он пролежал в Тбилисском госпитале и был демобилизован. Вернулся домой на костылях. Работал после войны редактором районной газеты,

учителем истории. Написал ряд стихов и повестей о Великой Отечественной войне. «В последний путь потомственного казака Павла Васильевича Кизина провожала с почестями вся Пресногорьковка» – писала в 1990 году одноклассница Татьяна Алексеевна Костырина. Воевали на разных фронтах Саша Силантьев и Павел Лошак. Ушел в армию Дмитрий Орел, стал командиром пулеметной роты, дошел до Украины, был ранен и демобилизован в звании капитана. Василий Радько всю войну служил в разведроте, выполнял смертельно опасные выходы за линию фронта за языками и сбором ценной информации о противнике.

Девчонки выпуска 1941 года тоже рвались на фронт. В окопы попала одна из них - Шура Тарасикова. От Прибалтики до Польши прошагала Александра Петровна дорогами войны и вернулась победителем. Аня Тыщенко, Таня Костырина, Маша Иванова, Раиса Климова в годы войны работали не покладая рук в тылу. Они вели переписку с мальчишками из своего класса, старались всячески поддерживать их в тяжелом ратном труде.

Родина одна на всех

География боевых действий, жизнь и судьба ребят, получивших 21 июня 1941 года аттестаты о среднем образовании в Пресногорьковской школе, были совсем разными. Мало кто из пришедших с победой дожил до старости - сказалось колоссальное напряжение военных и послевоенных лет. Объединяло всех их одно – безграничная любовь к Родине и чувство долга, выполненного всеми ими до конца. Рядом сражались и учителя. Директора школы Вяткин Иван Яковлевич похоронен под г.Лодзь (Польша), Михаил Гаврилович Гужва убит под Ленинградом, Степан Степанович Черепанов прошел всю войну закончил ее в звании капитана, военрук Нигиметжан Усманов пропал без вести в марте 1943-го, воевали Степан Степанович Федосенко и Семен Смирнов. Бились с врагом и будущие директора школы - Иван Фомич Шавва (Сталинградский фронт), Николай Георгиевич Лавринов (Юго-Западный фронт) и учителя Георгий Михайлович Ульянов, Валентин Николаевич Корниенко.

Победили мы в далеком 1945-м потому, что в КАЖДОЙ школе в наших городах, селах и аулах были такие выпускники и педагоги.

Ученики оказались достойны своих учителей. Вечная им ПАМЯТЬ и СЛАВА!

Николай Лавринов: долгий путь домой

Однажды, теплым июньским вечером, в дверь моего дома вошел совершенно седой человек. Несмотря на преклонный возраст, держался он прямо и, протянув мне руку, отрекомендовался: «Лавринов Николай Георгиевич, будем знакомы». В голосе пришедшего и крепости рукопожатия чувствовалась сила и уверенность повидавшего многое человека.

В разговоре выяснилось, что Николай Георгиевич прожил чрезвычайно увлекательную и трагическую жизнь, да к тому же был знаком с моим дедом Дмитрием, которого встретил во рву с пленными красноармейцами под городом Рославль летом 1942 года. Проговорили мы долго, трудно поместить услышанное в газетные колонки, но в память о земляке - ветеране постараюсь вкратце изложить жизненный путь Николая Георгиевича.

Родился он в поселке Камышловском в 1916 году. Родители Николая Георгиевича были большими тружениками – пахали, сеяли, убирали хлеб. Отец принимал участие в Первой мировой и гражданских войнах, имел боевые награды. Родители привили маленькому Коле любовь к Родине и крестьянскому труду. В годы новой экономической политики они и несколько семей основали хутор на берегу озера Ульево, неподалеку от Камышловки (сейчас рядом с озером проходит железная дорога Троебратное-Курган). Камышловичи решили вести хозяйство, говоря современным языком, с использованием новейших технологий. Даже хутор свой назвали Культурным. Отец Николая выписывал журналы по земледелию и ветеринарии, на взятый кредит купил сельхозорудия для обработки земли и много читал о культуре земледелия. Дела у хуторян пошли в гору, их урожаи были выше, чем у станичников, скот быстро нагуливал вес. Однако, в

1929 году «отец всех народов» решил ликвидировать НЭП, вслед за этим последовала насильственная коллективизация и хуторяне разбежались кто куда. Егора Лавринова неоднократно вызывали в Пресногорьковское ОГПУ для дачи показаний о том, как он служил в белой армии, ареста и ссылки удалось избежать чудом. Семья поселилась на окраине Пресногорьковки в низенькой землянке, откуда хорошо видна была двухэтажная деревянная школа. В землянке было тесно, но семья жила дружно, часто прибегали Колины товарищи, с которыми учил уроки, лежа на тесных полатях. Многие из школьных друзей стали известными на всю страну людьми – Коля Киженцев стал генерал-лейтенантом, командующим Среднеазиатским военным округом (САВО), Гриша Татаринцев дослужился до звания полковник медицинской службы, работал хирургом в знаменитом Ленинградском госпитале.

Коля хорошо учился и после окончания школы стал преподавать русский язык и литературу в Пресногорьковке. Он был активным организатором литературных вечеров и постановок в сельском клубе, располагавшемся в здании церкви.

Весной 1940 года Николая призвали в армию. Служить попал в Киев, на авиационную базу в Борисполе, где нынче находится Киевский аэропорт. К началу войны Николай был уже заместителем политрука роты. В первую ночь войны на Киев обрушился шквал огня, принесенный немецкими бомбардировщиками. На берегах Днепра советская армия, истекая кровью, все лето удерживала рвущиеся на восток бронированные дивизии группы армий «ЮГ». 6-я армия вермахта завязла в боях на северо-западных подступах к Киеву и лишь решение Гитлера провести операцию смежными флангами групп армий «ЮГ» и «Центр» позволил потеснить защитников города. Николай принимал участие в обороне города до последнего дня. Немцам удалось окружить армии Юго-Западного фронта. С тяжелыми боями прорывались на восток остатки армий под командованием будущего маршала Советского Союза К.С.Москаленко, но под Оржицей попали в новый «котел». В одном из боев на прорыв Николая тяжело контузило, на поле боя его подобрали гитлеровцы и бро-

сили в концлагерь Хорол на полтавщине. Оказавшись в плену, Лавринов несколько раз пытался бежать. Однако сделать это удалось лишь в октябре. Всю зиму мыкался Николай по Украине, пытаясь перейти линию фронта, но лишь весной 1942 года сумел встать в ряды защитников Харькова. В мае огромная советская группировка численностью в 250 тысяч человек было окружена на Барвенковском выступе группой «Клейст» и частями 6-й армии. Все соединения западнее Северного Донца были объединены в одну группу под командованием генерала Ф.Я.Костенко. В период с 23 по 29 мая войска группы вели бои на берегах реки, но лишь некоторым бойцам удалось переправиться через нее.

Тяжелейшие бои в окружении, сильная жара, отсутствие боеприпасов совершенно вымотали красноармейцев. Мой дед, Дмитрий Виниченко, вспоминал: «За водой ползали к небольшой речушке, немцы тоже брали воду из нее, пока брали воду в друг друга не стреляли… В плен попал так – в роте не осталось патронов, да и самой роты не осталось. Немец пытался смешать нас с землей, постоянно бомбили позиции. Бомбы издавали страшный звук при падении. Оглохший, голодный забылся както ночью в остатках блиндажа и вдруг слышу музыку. Подумал тогда, что схожу с ума. Выполз из-под бревен и понял, откуда музыка – прямо передо мной стоял немецкий танк, на нем сидел солдат с закатанными рукавами и играл на губной гармошке. Повел автоматом – «шнель!»…В руках только ненужная винтовка со штыком. Так я оказался в огромном овраге, набитом военнопленными». В нем, по словам Николая Георгиевича, он и познакомился с моим дедом и целый месяц делил с ним горести плена. С каждым днем в ров пригоняли все больше людей. Не кормили, не давали воду, для развлечения охрана кидала хлеб в ров и стреляла потом на поражение в толпу. Ежедневно умирали раненые, хоронили тут же во рву. Потом повезли в Умань, где лагерь был организован в открытом поле и огражден колючей проволокой. Во время холодных осенних дождей пленные разгребали грязь руками и ложились спать, утренние заморозки сковывали одежду и можно было с трудом подняться. Начались

мытарства по пересыльным лагерям, пока Николай не оказался в Польше, откуда он совершил побег, закончившийся водворением в лагерь для военнопленных Ильменау (Тюрингия). Из Германии убежать было невозможно. В этом лагере Николай Лавринов пробыл два года, четыре месяца и двадцать дней. Муки фашистского ада узник описал в книгах «Орлята», «Выживали самые выносливые», «Черные дни», «Узница концлагеря Равенсбрюк». Много лет спустя была издана пронзительная книга стихов поэта Николая Лавринова «Из лагерной тетради». В своей повести «Долгий путь домой» Николай написал: «10.04.45. В Тюрингию нагрянули американские войска. Охрана разбежалась. Мы ворвались в канцелярию лагеря, в кабинет лагерфюрера, забрали свои формуляры, фотографии. Лагерь заходил ходуном, заликовал. Создается штаб русского самоуправления. К моему удивлению, я известен многим. Мои стихи и песни знают во многих лагерях» (фотографии из лагеря Николай Георгиевич оставил мне).

Начался долгий путь на Родину. Лишь спустя год, после работы на шахтах Донбасса, после постоянных проверок и обвинений в том, что оказался в плену, Николай попал в родную Пресногорьковку. Здесь он работал учителем математики (пришлось переучиться - из-за пребывания в плену ему было запрещено преподавать общественно-гуманитарные предметы), директором Пресногорьковской и Троебратской школ, заведующим РОНО. Женился на учительнице Валентине Егоровне, вырастили детей. Дочь Галина, после окончания Московского инженерно-строительного института осталась там заниматься научной работой. Сын Сергей закончил Уральский политехнический институт, инженер – радиоэлектроник. Выросли внуки.

В 2009 году Николая Георгиевича Лавринова не стало. Но остались на полке подписанные им книги и замечательные сборники стихов, а память вновь и вновь возвращает меня в прошлое - высокий, седой, несгибаемый старик на пороге моего дома протягивает руку и говорит: «Я знал твоего деда».

Фронтовые дороги Ивана Коваля и Александра Степанова

Многие жители Узункольского района были знакомы с Иваном Михайловичем Ковалем, ветераном войны, веселым, жизнелюбивым человеком.

Смелость и решительность он унаследовал от отца, участника трех войн начала XX века: русско-японской, Первой мировой и гражданской. В боевых походах Михаил Иванович стал полным Георгиевским кавалером и получил именную шашку в 1-й Конной армии. 21 октября 1942 года едва достигший совершеннолетия паренек был призван на фронт из Кустаная. До весны 1943 года Иван проходил подготовку в инженерно-саперных штурмовых частях в Чебаркуле и получил специальность «сапер – разведчик».

В марте 1943 года новобранцы были брошены в самое пекло Волховского фронта под станцию Мга. Фашисты создали здесь многокилометровую цепь укреплений, заминировав все подходы к ним. За этими долговременными огневыми точками погибал от голода и холода непокоренный Ленинград. В первую атаку на немецкие пулеметы Иван Коваль пошел с несколькими гранатами и намерением добыть оружие в бою. Если останется жив...До первой траншеи дошли немногие, в их числе был и солдат из Казахстана.

«Было ли это подвигом – мы тогда об этом не задумывались. Под Ленинградом мы буквально на брюхе проползли все болота и топи, разминировав железнодорожные пути и лесные тропы, прокладывая лежневки – дороги через болота. Та болотная хворь и морозы до сих пор из тела выходят»,- вспоминал многие годы спустя ветеран.

Четырежды был тяжело ранен Иван, был награжден орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу». Часто вспоминал ладожскую Дорогу жизни: «В 1943 году на льду настилы из бревен, по сторонам дороги были наморожены ледяные торосы высотой до двух метров, защищавшие от бомбежек. Детей-

блокадников встречали мы на той дороге. Даже для солдата эти воспоминания страшны. Жизнь в них еле теплилась, такими больными и уставшими они были. Мы и сами не досыта питались, но с ними делились последними припасами, давали сухари, сахар, тушенку. Смотреть им в глаза было невыносимо. Многие плакали, видя, до чего довела детей война и становились еще злее к врагу».

Ежедневно приходилось подвергаться смертельной опасности.

Однажды саперам-разведчикам пришлось брать «языка». Добыли в тылу противника важного офицера и были представлены к наградам. Как-то взвод попал в тяжелейшую ситуацию – погибли почти все. Ивану Ковалю пришлось тащить через линию фронта на плащ-палатке тяжело раненного командира. Лишь четверо вышли из того окружения.

В 1944 году началась операция по снятию блокады Ленинграда, за которой, затаив дыхание, наблюдал весь мир.

Рядовой Коваль освобождал Новгород, Сольцы, Порхов, Ям, Сланцы, а 27 января его дивизия вошла в Нарву. Блокада была снята, а фронт покатился на Запад.

Всю Прибалтику прошагал под огнем Иван и в апреле 1945 года оказался под Кенигсбергом. Здесь он встретился со своими земляками из Пресногорьковки Ваней Татаринцевым и Сашей Степановым. Последний приписал себе год, решив отомстить за погибшего под Харьковом отца, и ушел в действующую армию прямо со школьной скамьи.

Об этих боях Александр Федорович Степанов, командир саперно-штурмового взвода, 39-й армии 3-го Белорусского фронта, вспоминал:

«Принимаю взвод... Мне, совсем молоденькому лейтенанту попались в подчинение обученные ветераны, в большинстве своем прошедшие войну с 41-го, хорошие солдаты. Среди них выделялся сержант Коваль Ваня, лихой разведчик не раз ходивший в тыл к немцам и взявший не одного «языка», награжденный орденом Красного Знамени. Наверное, во многом помогла мне выжить в тех боях солдатская смекалка и опыт бывалых

воинов. Первая атака в должности взводного. По сигналу зеленой ракеты – вперед на высотку под Кенигсбергом. Выхватываю ТТ и «Вперед! За Родину! За Сталина!» прямо на убийственные пулеметы, приказы не обсуждаются. Стянули «дядьки» меня в окоп – Куда, сынок? Мы это мигом сделаем… Ваня уже разведал овражек в обход высотки – и вот мы уже в тылу у гансов. А со спины бить легче. Короткая минутка – и высота наша. Без шума и гама, ножами и штыками вырезали весь передовой заслон немцев и заняли окопы. Помнится, и я штыком заколол какого-то фрица. Это тебе не из винтовки, до сих пор вспоминаю его глаза. Наша взяла. А в чистом поле перед высотой положил такой же лейтенантик свой необученный взвод с собой во главе. После боя ходил смотреть – и меня ведь это ждало. Похоронная команда уже складывала в яму братской могилы таких же зеленых, как я сам.

Одетые в стальные кирасы, саперы пробивались практически по открытой местности к реке Прегель, форсировав которую, им надлежало заложить взрывчатку и уничтожить фашистский ДОТ…

Немецкая «швейная машинка» МГ-42 прошивала каждый метр земли, не давая поднять головы, но взвод упорно продвигался к реке…Рядом намертво опрокинулся в снег закадычный школьный товарищ Ваня Татаринцев – такой же зеленый и молодой взводный из последнего призыва…и все меньше рядом бойцов… кто-то навеки останется там, в Восточной Пруссии… Вот и река, ледяная мартовская вода, а за ней – огрызающийся всеми видами огня немецкий берег. На середине реки изрешеченная лодка уходит в стылую воду, но…только вперед, хоть зубами рви, но туда – на тот берег…Оружие, взрывчатку – на подвернувшийся плотик и вплавь, вплавь по ледяной бесконечной воде навстречу смерти…и Победе! И вот под ногами дно… И сразу огневой контакт и трясущийся в руках ППШ, и немец, упорно не желающий умирать и сдаваться…Заложена взрывчатка под крутой берег с таким расчетом, чтобы взрыв сделал дамбу, по которой пойдут наши танки…Подрыв! Захлебнулся на круче немецкий пулеметчик, вместе с землей исчезнувший с бе-

рега… А бой кипит, захваченный пятачок расширяется, рядом уже пехота и артиллеристы, которые уходят все дальше и дальше в город…Саперы выполнили свою задачу…

От взвода остались единицы, а впереди еще долгая дорога к Победе... За тот бой у младшего лейтенанта Степанова появилась новая награда - орден Красной Звезды…А Ваня Татаринцев, школьный дружок и одногодок из Пресногорьковки, и сегодня там, у реки Прегель в бывшем Кенигсберге, в братской могиле парка Шейбуш.

С Ваней Ковалем мы дружим всю жизнь, до сих пор переписываемся».

Александр Федорович Степанов отдал жизнь армии, стал полковником. Закончил Военно-инженерную академию им. Куйбышева в Москве. Лично обезвредил свыше 10000 единиц боеприпасов времен войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, 28 медалями, в том числе «За отвагу» и «За боевые заслуги». Скончался в 2004 году в Саратове.

Иван Михайлович Коваль работал шофером в Пресногорьковской автобазе, диспетчером, начальником быткомбината, налоговым инспектором, егерем.

Не стало его год назад. Спасибо Вам, дорогие наши, что не щадили своей жизни для того, чтобы мы сегодня жили свободно и счастливо! Вечная Вам Память!

Пресногорьковские страницы биографии Габита Мусрепова

В 2012 году исполнилось 110 лет со дня рождения Г.М.Мусрепова. Биографы писателя воссоздали в деталях события его жизни и творчества. Я очень рад тому, что своими поисками внес посильный вклад в летопись жизни известного писателя.

Общеизвестно, что знаменитый казахский писатель, депутат Верховного Совета Казахской ССР, Герой социалистического

труда Габит Махмудович Мусрепов с 1918 по 1921 годы учился в Пресногорьковском училище. Об этом он пишет в предисловии к книге «Однажды и на всю жизнь». С особой теплотой на страницах автобиографической повести писатель вспоминает о своей любимой учительнице:

«Русский язык и литературу вела Сильвия Михайловна – не то латышка, не то полька. Молодая, красивая женщина. По ней многие тайно вздыхали. У нее глаза живые, яркие, глубокие, как озеро Кожабай, возле которого наш род проводит лето... И голос у нее красивый, особенно когда смеется, - серебристый, напоминает колокольцы на тройке. Приятно слушать». Писатель приводит несколько интересных случаев, связанных с учебой, а в заключении пишет: «Иногда меня спрашивают: - А почему вы стали писателем? Ответ у меня давно наготове: - Потому, что так велела Сильвия Михайловна, моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться».

Многие годы я пытался найти ответ на вопрос – кто же учил Габита Мусрепова?

Дело в том, что в эти годы в Пресногорьковском училище преподавала лишь одна учительница русского языка – Мариамна Александровна Шехтер, дочь инициатора постройки новой школы, ссыльного народовольца Александра Петровича Шехтера. Этот факт позволил сделать вывод, что под именем Сильвии Михайловны писатель показал именно Мариамну Александровну. Записи в ее трудовой книжке и в личном деле, хранящихся в архиве г.Гагарин (бывший Гжатск) Смоленской области, подтвердили период ее работы в Пресногорьковке, а после того, как я получил ее фотографию 1921 года, сомнений не осталось – именно такой видел ее писатель в последний год своей учебы.

Как же сложилась жизнь дочери ссыльного народовольца? Об этом мне рассказала ее племянница Элина Павловна Фазуллина, проживающая в г.Москве.

Мариамна родилась в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда Акмолинской области в 1903 году. Ее отец, Александр Петрович Шехтер(1862 – 1922), в молодости был активным участником южного крыла «Народной воли», неодно-

кратно арестовывался полицией, но сумел закончить Казанский ветеринарный институт и был сослан под надзор полиции в Пресногорьковскую. Здесь он женился на дочери войскового старшины Анне Павловне Кубриной (1874 – 1920), родной сестре будущего колчаковского генерал - майора Николая Кубрина (1876 – 1921). Говорят, что брат Анны, тогда еще подъесаул, запретил сестре выходить замуж, обосновав это решение тем, что негоже потомственной дворянке венчаться с «каторжником». Но молодые повенчались тайно в храме станицы Песчаной. Кубрин долго не общался с сестрой, но дети его часто гостили в доме тети Ани.

Кроме Мариамны у них были дети Николай (1904 – 1984), Павел(1905 – 1971) и Лидия.(1908 – 1992). Дом, в котором они появились на свет, до сих пор цел, стоит в ста метрах от церкви.

В 1919 году Мариамна Александровна закончила 7 классов гимназии в городе Кургане, и с 15 ноября начала работать в Пресногорьковской школе, где вместе с ней начала трудовую деятельность воспитанница А.П.Шехтера Татьяна Дмитриевна Меринова (1901 – 1985). Проработав четыре года Марианна (так ее звали в семье) уехала в Петропавловск, где три года преподавала географию в семилетней школе. С 1926 по 1930 год она училась в Ленинградском Педагогическом институте имени А.И.Герцена. После получения высшего образования больше года работала в Москве в газете «За коммунистическое просвещение». В 1931 году по командировке Наркомата тяжелой промышленности уехала на крайний север и проработала более пяти лет в тресте «Апатит». Марианна работает корректором газеты «Кировский рабочий» в Кировске Мурманской области, работала учителем в школе. С сентября 1938 года по 8 октября 1941 года преподавала русский язык и литературу в Гжатском РОНО Смоленской области, исполняла обязанности директора средней школы и завуча Гжатской школы медсестер.

8 октября 1941 года Марианна Александровна эвакуировалась в Удмуртию, где работала до 1944 года. За этот период она окончила Казанский Педагогический институт по специальности русский язык и литература. Вернувшись из эвакуации в ию-

не 1944 года она писала: «В настоящее время я живу у своей сестры в Горлове, где она работает завсортучастком. Сестра заинтересована в том, чтобы я помогла ей воспитать детей, а мне быть далеко от нее очень трудно, так как я не имею никакой материальной базы, кроме образования».

«Так и жила наша тетя Мара в семье своей сестры по адресу: деревня Горлово, Шиловский сельсовет, Смоленская область и не имела никакого состояния, кроме зарплаты учителя. Замуж она не выходила и детей у нее не было...После кончины матери и отца в возрасте 18 лет она стала старшей в семье, взяв на себя хозяйство и опеку над тремя младшими детьми. Марианна Александровна настойчиво внушала им необходимость получения высшего образования и для себя самой не оставляла этой мечты. Все они поддерживали друг друга и добились своего – все четверо получили высшее образование. Здесь, конечно, сказалось и родительское воспитание, и пример отца – человека волевого и целеустремленного. Таким же выросли в этой семье и дети. В начале 50-х Марианна Александровна серьезно заболела, приезжала в Москву на обследование и лечение. Останавливалась у нас – в семье своего брата Павла Александровича. В то время я много общалась с тетей Марой и поняла, что работала она с увлечением, прививая своим ученикам любовь к русской поэзии. Она тепло рассказывала о деревенских детях, способных с большим чувством и пониманием читать стихи. Общаться с тетей было очень приятно. Она говорила негромко, но убедительно. Мы жили тогда в одной комнате многонаселенной коммунальной квартиры. По утрам желающих подойти к умывальнику было предостаточно, но никто из соседей не возражал против присутствия нашей гостьи. Все они, общаясь с ней, отмечали ее тактичность и воспитанность настоящего интеллигентного человека. Умерла Марианна Александровна Шехтер 2 ноября 1952 года и похоронена на кладбище Донского монастыря. На похороны приезжала ее давняя подруга Татьяна Дмитриевна Меринова» - пишет в своих воспоминаниях Элина Павловна Фазуллина.

Дядя Марианны, генерал-майор Н.П.Кубрин, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизией, был взят в плен под Красноярском в январе 1920 года и расстрелян в архангельской тюрьме 14 марта 1921 года (см. статью Виниченко С.Н. в газете «Костанайские новости» 22.01.09 «Белый генерал»). Тетя, Елизавета Павловна была арестована пресногорьковским ОГПУ в 1932 году и на 8 лет отправлена в лагерь.

Так сложилась судьба первой учительницы, о которой Габит Мусрепов сказал: «Так велела моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться».

Пресногорьковская школа: вехи истории

О том, что школа в Пресногорьковке носит почетное звание самого старого учебного заведения Костанайской области свидетельствуют пожелтевшие от времени документы Государственного исторического архива города Санкт-Петербурга. Она была открыта в далеком 1861 году и носила статус одноклассного училища.

Много лет минуло с того времени, одно эпохальное событие сменяло другое, школа же была всегда. Войны и революции не прерывали учебный процесс, а лишь выхватывали из школьных рядов кого в красную армию, кого в белую, кто-то шел в партизаны после Гражданской, многих не вернула Великая Отечественная…

Заглянем же в прошлое, вспомним учителей и учеников, ведь их было немало в прошедшие полтора столетия…

В начале школьных дел

Известный востоковед Григорий Потанин писал о состоянии преподавания в горьколинейных школах вскоре после их открытия: «… Начальниками школ были полковые командиры, которые могли быть совершенно несведущи в деле воспитания. Школы очень бедны учебным материалом. Две стопы бумаги наполовину удерживаются станичным начальством, наполовину распродаются учителем казакам на письма. Две аспидные доски

в буграх и ямах, карандаш и перочинный ножик на всю школу...»(1866 год).

В конце XIX века в школе учились уже полсотни мальчишек и девчонок. Учителей было трое, священник Яков Киселев читал Закон Божий. По свидетельству очевидца, «школа размещалась в одном деревянном доме, где были расставлены в два ряда 10 парт. За каждой сидели четыре ученика. Одежду клали на сиденья под себя. Занимался со всеми классами три учителя...». Дом этот общество арендовало у Павла Кизина по улице Большой.

Народная стройка

Инициатором строительства нового здания школы были священник Василий Преображенский и ссыльный народоволец Александр Шехтер. Для осуществления проекта были необходимы большие средства.

Письма с просьбой оказать помощь в строительстве писала каллиграфическим почерком заведующая школой Анна Христофоровна Преображенская. Они были разосланы императору Николаю Второму, министру просвещения, князьям и губернатору. К влиятельным лицам поехали сами просители.

С обращением к князю Трубецкому ездил местный ветврач Александр Петрович Шехтер, владеющий французским языком, поскольку прием у князя велся только на нем. В Омске у генерал-губернатора Сухомлинова побывал Василий Александрович Преображенский. Из канцелярий царя и министерства просвещения поступило всего по сто рублей. Князь Трубецкой откликнулся на прошение тремя тысячами рублей, генерал-губернатор – пятью тысячами.

Жители станицы и ближайших к ней поселков вывезли воскресниками из Боровского лесничества, весь заготовленный лес. Таким же способом, «помочами», был перевезен кирпич и строительные материалы. Помогли и курганские купцы-братья Харламовы, Кузнецовы, Колокольник. Строительство школы обошлось в 28 тысяч рублей.

«Бревнышко по бревнышку свозили мы к месту строительства, мы понимали, для кого затеяно это большое дело и старались

вложить в него не только средства, но и теплоту наших сердец»- вспоминал через много лет очевидец событий.

В 1914 году школа открыла двери первым учащимся.

Построили ее на Ярмарочной площади возле церкви. Здание было двухэтажное, сложенное из могучих сосновых бревен, с квартирами для директора и сторожа, с большим гимнастическим залом, физкабинетом, учительской, двумя теплыми туалетами и раздевалкой.

В школе всегда было уютно. Петр Семенович Рыбкин, проработавший много лет директором Народного банка в Костанае, вспоминал: «В 1947 году мы гурьбой входили в большое здание школы, где чисто вымытые полы, маршевые лестницы передавали свежесть и запах хвои. Казалось, что мы входили в дремучий сосновый бор...».

В школе стали учиться дети казахов, имеющих возможность оплатить обучение. Через четыре года их было 25 человек. Баймагамбет Зтулин писал осенью 1915 года Сабиту Муканову «...я перебрался в станицу Пресногорьковскую и начал учиться. Учитель мой - Сергей Иванович Лиходзеев поддерживает во мне уверенность в моих незаурядных способностях. Казахских ребят здесь немало. Это приятно. Конечно, это дети богатых, состоятельных людей, и я с грустью думаю об одаренных и любознательных, которые не могут попасть в русскую школу, потому что бедны...». Зтулин был расстрелян в Петропавловске во время крестьянского мятежа 1921 года. По мнению С. М. Муканова, он является одним из основоположников казахской советской поэзии.

В 1920 году школа получила статус высшего начального училища с семилетним сроком обучения. По его окончании можно было поступить сразу в пятый класс гимназии или на двухгодичные учительские курсы в Курган. По воспоминаниям бывшего ученика Татаринцева Д.А. в школе в 20-е годы вели обучение по дальтон-плану – все ученики были разбиты на звенья по пять - шесть человек. На звено выдавалась зачетная карточка. Учителя ничего не объясняли, на месяц вывешивались задания по каждому предмету, которые выполнялось звеном самостоятельно.

Шли сдавать зачет, если кто-то из звена не сдавал – были неприятности. Плохо этот порядок соблюдала Меринова Татьяна Дмитриевна. Она требовала знаний от каждого ученика и математика была по душе каждому ученику. В школе на первом этаже в одном из небольших помещений содержался племенной чистокровный боров по кличке Митрополит. Кормили его по рациону в назначенное время, мыли его с мылом, ежедневное мытье пола в помещение, где его содержали.

«Почему я стал писателем»

Знаменитый писатель, наш земляк, Габит Махмудович Мусрепов с особой теплотой вспоминает об обучении в школе в период с 1918 по 1921 год. «Русский язык и литературу вела Сильвия Михайловна – не то латышка, не то полька. Молодая красивая женщина. По ней многие тайно вздыхали. Глаза у нее были живые, яркие, глубокие как озеро Кожабай, возле которого наш род проводил лето. И голос у нее красивый, серебристый, когда смеется напоминает колокольцы на тройке». Спустя много лет автор «Солдата из Казахстана» и «Пробужденного края» написал: «Иногда меня спрашивают: А почему вы стали писателем? Ответ у меня давно наготове: «Потому, что так велела Сильвия Михайловна, моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться». Дочь известного писателя, Энгелина Габитовна, вспоминает, что отец очень часто говорил о годах обучения в школе, особо подчеркивая, что «в школе думали о нашем земном будущем. Желающие могли обучиться столярному ремеслу, были свои каменщики, свои швеи…».

Долгое время я разыскивал в сохранившихся документах сведения о Сильвии Михайловне. Поиски привели к выводу, что под этим именем писатель рассказал о Мариамне Александровне Шехтер, именно в эти годы преподававшей русский язык и литературу в Пресногорьковке. Об этом свидетельствует запись в ее трудовой книжке, найденной в архиве Гжатска. После окончания педагогического института имени Герцена в Ленинграде она долгие годы преподавала в этом городе. Скончалась в 1952 году, похоронена в Москве, в Донском монастыре. Фотографию Мариамны Александровны автор получил от ее племянницы,

проживающей в Москве. Большой любовью у школьников пользовались молодые учителя Александра Федорова и Софья Зверева. До 1923 года арифметику преподавал Александр Петрович Шехтер, выпускник Казанского университета. Он скончался дома, проверяя контрольные тетрадки своих учеников. В школе учился один из основателей гражданского направления в казахской поэзии Баймагамбет Истолин(1899 - 1921). В 1915 году он писал Сабиту Муканову: «...Я перебрался в станицу Пресногорьковскую и начал учиться. Правда в русскую школу попасть мне не удалось. Во – первых, я опоздал на добрых два месяца. Во – вторых, мне в моем возрасте совестно было садиться за парту с маленькими третьеклассниками... Я нанял себе частного репетитора – учителя местной церковно – приходской школы. Учитель мой, Сергей Иванович Лиходзеев поддерживает во мне уверенность в моих незаурядных способностях...

Казахских детей здесь немало. Это приятно. Ведь в аулах нет казахских школ, кроме того, чувствуется, что наш народ начал понимать преимущества обучения в русской школе. Если года два – три тому назад в Пресногорьковке обучалось не больше пятка казахских детей, то нынче их уже более двух десятков. Конечно, это дети богатых и состоятельных людей...

В этом году Пресногорьковская ЦПШ превращена в Высшее начальное училище с семилетним сроком обучения. По окончании его можно поступить без экзаменов в 5 класс гимназии или же на двух годичные учительские курсы, которые готовят учителей начальных земских и ЦПШ». Истолин погиб в Петропавловске во время Западно – Ишимского восстания 1921 года.

Военное лихолетье

Десятилеткой школа стала в 1938 году. Первый выпускной состоялся в субботу 21 июня 1941 года, а уже на следующий день все восемнадцать бывших школьников пришли с заявлениями в Пресногорьковский райвоенкомат, с просьбой отправить их на фронт. Только из этого класса в боях погибли Иван Пономарев, Саша Фиронов, Франц Дыгайло, Федор Яицкий. Сложили головы директора школы Михаил Гаврилович Гужва, Иван Яковлевич Вяткин, Николай Никитович Харькин, в конц-

лагере Ламсдорф оставил потрясающий дневник Сергей Воропаев, под Могилевом погиб герой Белоруссии Алексей Зенепрецов. Более ста выпускников школы били врага на разных фронтах Великой Отечественной войны.

Старшеклассников призывали на фронт прямо из школьных классов. Всех их провожала директор Татьяна Дмитриевна Меринова.

О тех, кто остался ковать победу в тылу, вспоминала учитель Е.Г.Степанова:

«Вот где закалялась сталь. Удивительные это были годы. Трудная непосильная работа выпала на долю ребят. Терпеливо, без единого упрека или вздоха, почти голодные, дети запрягали быков, коров и тощих лошадей и отправлялись в лес на заготовку дров, или, выстроившись цепочкой, выходили на прополку колхозных полей. А потом принимались за книги. В 1944-46 годах выпускать из старших классов было некого и только в 1947 году состоялся четвертый выпуск средней школы».

Педагоги

Педколлектив в разные годы возглавляли директора Михайлов (в период гражданской войны), Яков Иванович Пономарев, И.Я.Вяткин, Н.Н.Харькин, С.С.Черепанов, М.В.Гужва, Т.Д. Меринова, Н.Г.Лавринов, И.Ф.Шавва, участник Сталинградской битвы, З.Ф.Падерина, Л.П.Ковалева, Л.Н.Чиркова, Л.В.Чиркова. Татьяна Дмитриевна Меринова проработала в школе более сорока лет учителем математики, директором. В 1946 году была награждена орденом Ленина, который был вручен ей в Москве всесоюзным старостой М.И.Калининым.

Школа всегда славилась своими учителями. Назову лишь некоторых из них.

С 1938 по 1950 год в школе преподавал физику А.Н.Аксельрод, сосланный из Ленинграда вместе с женой Тамарой Давыдовной Гольдштейн, кандидатом математических наук. Много лет учили детей А.М.Конвисарова, Е.Г.Степанова, С.С.Федосенко, А.И.Бунькина (награждена орденом Дружбы народов), Е.И.Данилина (награждена орденом Трудового Красного Знамени), Ю.Г.Панова, С.И.Суслова, З.Г.Макарова,

В.Н.Корниенко, А.Л.Корниенко, Е.П.Банщикова, И.В.Подобин, П.В.Кизин З.П.Сигуева, К.А.Крицкая, Н.М.Золотухина, М.Н.Стулинцева, А.Д.Федотова, Е.М.Копейкина, Е.Б.Егорова, Е.И.Вяткина, М.Д. Федотова, Т.Ф.Угренинова, З.И. Бабич, А.Ф.Ковалева, Н.И.Бондарчук, Н.Д.Виниченко, В.Л.Стулинцева, В.П.Седельникова, Н.П.Скрипниченко, Г.М.Абрамкина, А.К.Бекмагамбетова, Л.А.Буркова, А.В.Бузулин и другие. Учитель физкультуры Александр Дмитриевич Угренинов готовил замечательных спортсменов, победителей областных соревнований, кандидатов и мастеров спорта – Александра Статьева, Виктора Ханьдюкова, Светлану Бирюкову, Елену Галяс, Александра Фадеева. Ныне их традиции поддержаны чемпионом Республики по Президентскому многоборью Азаматом Жаксыбаевым и чемпионами области по лыжным гонкам Виталием Пухкало, Алтын Байтемировой, Еленой Козел, которые подготовлены тренером Натальей Фадеевой. В школе училась бронзовый призер чемпионата мира по боксу среди юниоров (2013год) Екатерина Анисимова.

Выпускники

Славу Родине принесли выпускники школы: Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета Казахской ССР, писатель и драматург Габит Махмудович Мусрепов военный комендант космодрома Байконур Владимир Гаврилович Козлов, лауреат Ленинской премии, ведущий специалист КБ генерального конструктора С.П.Королева Михаил Федорович Журавлев, известный драматург, редактор журнала «Урал» Николай Владимирович Коляда, доктор юридических наук Сергей Михайлович Жалыбин, главный федеральный инспектор по Курганской области полномочного представителя президента РФ по УФО Владимир Александрович Балакин, доктора наук М.В.Безъязыков, М.А.Запрудин, Э.В.Бюль, Н.М.Кващенко, режиссер Т.Т.Чиркова, военный хирург Г.А. Татаринцев, кандидаты наук В.А.Лагутин, Ж.У.Галиев, В.И.Алексеев, И.Н.Зуев, Г.А.Воропаева Г.Д.Полозов, В.Г.Панов, писатели и поэты П.В.Кизин, Н.Г.Лавринов, Т.А.Гармаш (Булевич), А.Л.Атюганов, генерал-лейтенант Н.А.Киженцев, военный со-

ветник на Кубе и генерал – майор Ф.А.Коляда, военный советник в Египте. Выпускник школы Николай Андреевич Дегтярев долгое время работал главным редактором областной газеты «Ленинский путь».

Имена выпускников известны во многих городах бывшего Советского Союза. Так, Людмила Николаевна Мордовская занесена на доску почета г.Кургана – она проводит выставки своих работ вышивки в дальнем зарубежье. Касымбек Бухметович Бухметов работал в должности второго секретаря обкома партии Костанайской области. Серебряный выпускник школы, Боранбай Жумабаевич Бухметов ныне председатель партии «Нур Отан» города Костаная.

Печальная станица

Под новый 1960 год, деревянное здание школы, сгорело. Беда случилась после проведенного новогоднего бала. Пожар был страшен, горящие обломки летели через Соленое озеро, зарево было видно жителям Камышловки и Крутоярки, стены пришлось растаскивать тракторами.. Поэт Анатолий Атюганов позже написал:

Мы трагедии страшной свидетели,
Отпечаток ее на висках,
Сколько жить суждено на свете нам,
Столько будет по школе тоска.

Зиму проучились в жилых домах, а в сентябре 1960 года перешли в три здания бывшей автобазы.

Новейшая история

В 1982 году на месте сгоревшего исторического здания построили новую школу.

Сегодня она полностью укомплектована педагогическими кадрами. В 1998 году установлен первый компьютерный класс, имеются видео и аудиотехника. Ремонт школы осуществляется силами спонсоров – наиболее существенную помощь в содержании школы оказывает ТОО «Золотой колос», принадлежащее агрофирме «Алиби».

Летом 2006 года был сделан ремонт, проведена замена кровли, установлены мультимедийные классы, спонсорами завезена

новая мебель, школа оснащена современными кабинетами физики и биологии.

В школе с 1969 года работает музей, основателями которого были директор Иван Фомич Шавва и учитель труда Николай Дмитриевич Виниченко. В 1999 году заведующая Узункольским районным отделом образования Марионелла Васильевна Слесарь торжественно открыла новую краеведческую экспозицию музея, он обрел новую жизнь. В 2002 году на стене школы была помещена памятная доска в честь столетнего юбилея Габита Мусрепова. На торжественной церемонии присутствовали его племянник Екпин Хамитович Махмутов, депутат Сената РК Сергей Михайлович Жалыбин, известный писатель и поэт Акылбек Шаяхмет, знаменитый екатеринбургский драматург Николай Владимирович Коляда.

Послесловие

Бывшие выпускники, гости из дальнего и ближнего зарубежья, с радостью приходят в школу, давшую им путевку в жизнь, а нынешние школьники с интересом изучают историю школы и села, встречаются с ветеранами.

Сегодня, вспоминая полуторавековую историю школы, сотни бывших выпускников присоединяются к словам выпускницы 50-х годов Куляш Абиловне Берденовой: «Готовясь к защите диссертации, я мысленно обращалась к моим родным учителям, давшим мне основательные знания. Я, простая девушка-казашка, прекрасно выдержала в то время экзамены и на вопрос, где училась, с гордостью ответила – в Пресногорьковской школе».

Степная колыбель

Тема летнего отдыха школьников во все времена была актуальна. Как сработать так, чтобы каникулярное время было проведено с пользой для физического и интеллектуального развития ученика – вопрос совсем не праздный. В Пресногорьковской средней школе в качестве одной из форм работы с детьми используются однодневные поездки на автобусе по родному краю.

Благо, история малой Родины таит множество интересных, неожиданных открытий, степные дороги распахивают все новые дали, манящие своей неизвестностью.

В теплый субботний день ватага школьников разного возраста, объединенных неподдельным интересом к поискам и приключениям, весело загрузилась в автобус, взявший курс в Жамбылский район Северо – Казахстанской области. Целью группы стал аул Жана Жол, место рождения классика казахской советской литературы, прозаика и драматурга, Героя социалистического труда Габита Махмудовича Мусрепова.

За станцией Троебратное раскрыла свои объятия ковыльная степь, здесь царство вольного ветра и непуганых птиц на многочисленных озерах. В этих местах родился более сотни лет назад мастер слова, человек с большой душой и отзывчивым сердцем Габит Мусрепов. У озер на тучных пастбищах вольно пасли скот сыйбан-кереи, и воздух свободы входил с рождения в их плоть и кровь. Люди, выросшие здесь уже не могут жить в другом ландшафте, их врожденные таланты угасают в чужом мире иной реальности. Автобус бойко колесит по пыльным степным дорогам Жамбылского района. Ак-балык и Жалтырша остались позади, слева сверкнула водная гладь степного озера.

О месте своего рождения Габит Мусрепов писал: «Большая жизнь обходила наш аул стороной. Она доносилась лишь бойким перезвоном колокольцев. Тройки к нам не сворачивали...». Слова его об отдаленности аула от широких столбовых дорог будто написаны сегодня.

Въезжаем на асфальт небольшого уютного поселка и направляемся по ухоженной широкой улице к музейному комплексу с бюстом писателя, домом – музеем, роскошным ДК культуры. Давно канули в Лету забвения вросшие в землю, подслеповатые землянки из дерна, описанные писателем - поселок вполне современный, с развитой инфраструктурой: больницей, средней школой, детским садом и интернатом. Увидев пару землянок, чудом не снесенных временем, школьники попытались представить условия жизни живших в них сто лет назад аульчан. Удалось даже, к удивлению местных жителей, проникнуть в сохра-

нившийся деревянный сруб начала прошлого века и обнаружить там огромный, обшитый железом, сундук.

Но вот и гостеприимные работники местного Дома культуры, современного светлого здания, с недавно проведенным евроремонтом. Клара Утегеновна Кошаева заметно волнуется, встречая большую группу школьников, приехавших сюда не с пустыми руками. Наш корреспондент, ученица 10 класса Диана Коваль, активно изучающая творчество писателя, вручает заведующему музейным комплексом поисковые материалы, связанные с учебой юного паренька Габита в Пресногорьковской средней школе. В этом направлении проделана большая работа – прослежен жизненный путь учительницы русского языка, которую сам писатель считал человеком, давшим ему путевку в мир литературы.

«Иногда меня спрашивают:

- А почему вы стали писателем?

Ответ у меня давно наготове:

- Потому, что так велела Сильвия Михайловна, моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться», - написал классик в «Автобиографическом рассказе», будучи зрелым мастером пера.

В апреле прошедшего учебного года в школе были проведены районные Мусреповские чтения. В их проведении задействовали учащихся разных классов, были показаны презентации, театральные сценки по произведениям драматурга Мусрепова, активно использовались материалы из научной работы Дианы Коваль. Праздник, посвященный писателю – земляку, прошел на славу.

После знакомства начинается экскурсия. Она напоминает увлекательное погружение в историческое прошлое родного края. Рассказ экскурсовода период за периодом, от генеалогического древа до этнографических материалов, так увлекают школьников, что они забывают о времени – задумываются, задают вопросы, на их лицах виден неподдельный интерес к происходящему. Услышанное ими ранее о жизни и творчестве писателя вдруг становится осязаемым, они сами будто прикасаются к мо-

ментам жизни не классика, а живого человека Габита Мусрепова со всеми его сомнениями, радостями, горестями, удачами, любовью к окружающему миру и людям. И уже вижу – книги на открытых стендах ребята открывают по иному, и строчки в них видятся будто впервые, а это значит – путешествие удалось. Музей наполнен множеством фотографий, документов, книг, подаренных писателем. В стеклянных стендах представлены личные вещи, характеризующие Габита Махмудовича как человека весьма скромного не только по нынешним, но и по меркам того времени. Припоминаю воспоминания моего деда, лично знакомого с писателем, о приезде сюда Габита Мусрепова с Дмитрием Снегиным. Деду хорошо запомнилась простота и душевность, с которыми известные писатели общались с обычными жителями окрестных сел и аулов, как внимательно относились к их просьбам и выполняли их.

По окончании экскурсии Диана берет интервью у Клары Утегеновны и местных жителей, готовых поделиться воспоминаниями о встречах с великим земляком. Все это записывается ею на видео для дальнейшего использования в научном проекте и пополнения нашего музейного архива.

Перед расставанием слышим от гостеприимных жанажольцев интересный рассказ о технологии приготовления кумыса, его целебных свойствах и употреблении.

Возвращаемся в Пресногорьковку иным путем – через сосновый Кордон. В царстве столетних сосен обнаруживаем место, где отдыхал Габит Мусрепов, где рождались строки его знаменитых произведений. Домик заброшен, но это отчего – то не наводит грусти, наверное, из-за буйства зелени вокруг, синего неба с барашками белых облаков над нами, целебного прозрачного воздуха и бьющей из каждой травинки и каждого листочка жажды жизни.

Смех и радость от посещения этого места на привале неудержимы.

Пора возвращаться.

Все впечатления от поездки теперь в хранилищах памяти наших учеников, которые только пополняются и никогда не пус-

теют. Эти впечатления словно крупицы личного опыта от общения с историей навсегда останутся в душе и сердце и послужат доброму делу воспитания настоящего гражданина нашего Отечества.

Неслучайные встречи

Летом наступает пора встреч и расставаний, воспоминаний и надежд. В это жаркое время появляются на улицах нашей станицы новые люди, с интересом и затаенной печалью разглядывающие местные достопримечательности. Это гости из дальнего и ближнего зарубежья, некогда покинувшие родные края. Оставили они здесь, в Казахстане, частицу души и сердца. Память об отчизне помогла им встать на ноги на чужбине, но ностальгия заставляет возвращаться в места, где прошла молодость.

Вот и в Пресногорьковке, в годовщину 150-летия школы, мне посчастливилось встретиться с неслучайными для историка людьми.

Брат и сестра Аксельрод

С 1936 по 1951 год в Пресногорьковской школе преподавали Абрам Наумович Аксельрод и Тамара Давидовна Гольдштейн. Семейная пара оказалась в степном краю не по своей воле. Глава семьи был арестован во время ленинградских «чисток» после убийства С.М.Кирова. Местом его ссылки была определена Пресногорьковка. За ним, с маленькой дочерью Диной, приехала и жена Тамара. Абрам Наумович руководил школьным театром. О его режиссерском таланте вспоминают все выпускники тех лет. Тамара Давидовна преподавала физику, была классным руководителем знаменитого выпуска 1941-го года. В нем учились лауреат Ленинской премии Михаил Журавлев, комендант космодрома Байконур Владимир Козлов, журналист Павел Кизин. В Пресногорьковке у ленинградцев родились трое детей. В 1951 году Тамара Давидовна защитила кандидатскую диссертацию по физике и с помощью писателя К.Симонова семья вернулась в Ленинград. Еще долгие годы Т.Д.Гольдштейн преподавала в военно- инженерной академии.

С Леонидом Аксельрод, родившемся в Пресногорьковке в 1941 году, автору удалось связаться через Интернет. Оказалось, что вместе с сестрой Диной они уже давно собирались посетить Казахстан. И вот, спустя шестьдесят лет после отъезда, брат и сестра Аксельрод с моим классным руководителем Тамарой Федоровной Угрениновой входят в школьный музей. Эти немолодые уже люди для меня – легенда. Дина Абрамовна, искусствовед Эрмитажа, вспоминает малейшие детали довоенного детства. Она узнает всех на фото 41-го года и говорит о каждом. «Вот Паша Кизин, такой юморист был, вот Саша Фиронов, мечтательный мальчик, вот Танечка Костырина – как мама любила их всех! А мне во втором классе нравился Миша Журавлев, высокий красавец!».

«Сколько же энергии и сил в этих людях, - подумалось мне уже дома, когда я открыл подписанную на память книгу и прочел: «с благодарностью за возвращенное детство…».

Полозов

Первым «золотым» медалистом школы Геннадий стал в 1957 году. Он носит это звание с гордостью, ведь именно в Пресногорьковке получил мощный заряд жизнелюбия и оптимизма, позволивший стать кандидатом математических наук, преподавателем Свердловского вуза. Но любовь к музыке победила математику. Как говорит сам Геннадий Дмитриевич: «лирик во мне поборол физика». В возрасте за сорок он стал солистом Екатеринбургского академического театра оперы и балета. С труппой театра побывал во многих странах мира, пел первые партии в операх Даргомыжского, Чайковского, Верди, Россини и везде имел неизменный успех. Спел наш знаменитый земляк и на юбилее школы, на котором было сказано много добрых слов в адрес людей, сделавших школу уютной, теплой и комфортной.

Крейтер

Эриха Викторовича Крейтера, бывшего директора Песчановской школы, создателя музея, брата по краеведению, не видел несколько лет. Встречаемся с ним так, будто расстались вчера и мчимся по древним редутам и братским захоронениям, ибо срок въезда короток. С ним сын и дочь, их я помню совсем малень-

кими с тех незабвенных времен, когда Эрих проводил первые раскопки. «Не могу надышаться нашим воздухом, - признается несентиментальный Крейтер, - брожу ночами по берегу озера в Песчанке и так рад лунной дорожке на воде!». На прощание дарю другу свою книгу и знаю, в следующую встречу получу от него книгу о Песчанке, написанную в Германии.

Хильченко

Мастер спорта по шахматам, заслуженный путешественник России, писатель – это все о Николае Хильченко, выпускнике школы 1957 года.

Вместе с дочерью и зятем, он заехал ко мне на дорожным велосипеде, продвигаясь по маршруту Курган-Костанай-Челябинск. В свои 68 лет путешественник выглядел свежим и бодрым. «Я 35 лет в седле велосипеда, за спиной 15 килограммов груза, а заслуженного путешественника получил за велопробег Рязань – Владивосток, был представлен в книгу Гиннеса»,- говорит, испив воды, Николай Николаевич. На берегу озера Татарского гонщики разбили бивак, раскинули палатку. « Отец задумал проехать по местам юности, - делится со мной Елена, - и мне интересно проехать по Казахстану». Крепко обнимаемся с Николаем Николаевичем на прощание. «Берегите командора», - желаю молодым и с грустью покидаю место ночлега…

Послесловие

Люди, показанные мною в небольших зарисовках, разные по возрасту, образованию, профессии, национальности, но объединяет их всех одно сильное чувство – любовь к Родине. С этим чувством они живут вдали от нас и передают частичку своей любви детям и внукам.

Запах хлеба

В детстве нас с братом увозили в гости к бабушке, в Макаровку - так называли уютный поселок на берегу большого озера сами его жители. Когда-то их предки переселились сюда из далекой украйны. Говорили они на русско-хохлацком диалекте, смешно мешая слова. Было что-то доброе в этом странном гово-

ре. Многое для нас с братом было здесь диковинно, даже колодцы в поселке стояли прямо посредине размашистых улиц, удивительно, что они совсем не мешали движению в любое время года. Много лет минуло, но до сих пор щемит сердце, когда подъезжаю к деревенской околице. Целых улиц уж нет, но детская память из самой своей колодезной глубины достает едва сохранившиеся приметы прошлого. Даже ветерок и шелест больших тополей на южной окраине села вдруг рисует картины давнего - вот стадо идет с далеких полей, поднимая тучу пыли, мычат усталые от жары и овода коровы, сухо щелкает, словно выстрел бич пастуха. Запах молока и жареной картошки, которой угощались мы с братом, словно навсегда остался в памяти. Но более всего запомнились мне бабушка и дед. Бабушка словно излучала доброту, весь ее вид, мягкий и уютный, магически притягивал к себе. Несмотря на полноту, бабушка была подвижна и работала от зари до зари. Ей пришлось хлебнуть лиха в далекие военные годы, да и после было не легче. Оставшись с маленькими детьми на руках, она пахала на корове, добывала дрова в лесу, жила с клеймом «врага», поскольку дед мыкался в немецкой неволе.

Самым ужасным для нее было острое чувство безысходности оттого, что нечем было кормить детей. Будучи уже пожилыми людьми, дети войны постоянно вспоминали чувство голода, грызущее изнутри молодой, растущий организм. Дети рано взрослели, они становились опорой для матерей, заходившихся в жутком крике после прихода почтальона, самого желанного и одновременно самого страшного человека на улицах села.

Анастасия потеряла надежду после дня Победы, но дед вернулся позже, к концу победного года, и до смерти вождя народов только в сумерках разрешал себе выйти, точнее, выползти, в огород, опасаясь очередной посадки за плен.

Из детских воспоминаний замечательны субботние вечера.

Огромная русская печь выдавала на «гора» горячие круглые булки, которые дед резал, прижав к груди, большим кухонным ножом и, обжигая пальцы, раздавал пахучие куски многочисленным внукам. Не страдавшие отсутствием аппетита, покры-

тые летней уличной пылью, внуки и внучки за милую душу уплетали их, запивая молоком. Бабушка колдовала у печи, доставая все новые и новые булки, словно добрая волшебница складывала хлеб на белый, расшитый крестиком, рушник. Пекла она на всю неделю, хлеб в магазине не покупали, по качеству он значительно уступал собственному. Через много лет, когда я попал в дом деда, печи не было, угол дома – пятистенника был сиротливо пуст, комната почему-то не стала больше оттого, что печь убрали и сделали паровое отопление. В доме жили другие хозяева, он казался чужим, неприветливым и холодным. Будто с уходом старых хозяев у дома отлетела душа, хотя все, кроме печи осталось таким же…Через пару десятков лет от него высился лишь остов: стены с обвалившейся крышей, покосившиеся рамы. Дом медленно погибал под действием ветра и дождей, своей судьбою напоминая о временности человеческого бытия.

Последние годы жизни бабушки прошли вдали от Макарьевки. Скончалась она в студеном декабре, на полтора десятка лет пережив деда. Мы везли ее на погост в кузове огромного «Урала». На полпути вдруг густо посыпал снег и я полез в кузов, чтобы прикрыть гроб крышкой.

Казалось, бабушка прилегла отдохнуть на несколько минут в неширокую домовину, и лишь пушистые снежинки на ее похудевшем спокойном лице почему-то не таяли. Пришло горькое осознание того, что ее больше нет, как нет того далекого беззаботного времени, в глубину которого упало наше счастливое детство…Несмотря на это чувство, я знаю, что она терпеливо ждет где-то в неведомом мире всех нас, и может быть там тоже есть запах хлеба…

24.12.2013

Пресногорьковские были. Кустанай, 2006.

Пресногорьковка. Страницы истории. Кустанай, 2007. 201с.198.

Пресногорьковская казачья линия. Половинное, 2011. 315с.

Живая старина Пресногорьковской линии. Половинное, 2012.230с.

Исход. Трагедия горьколинейных станиц в начале XX века. Половинное,2012. 260с.

Крестный путь игуменьи Евпраксии.// в альм. Тобольск и вся Сибирь. - Тобольск.2011.

Автор более 60 статей в областной и республиканской прессе.

Лауреат премии Клуба меценатов «Культурное наследие»(2012)

Победитель литературного конкурса «Славим воинов-земляков» (2013)

Автор материалов для III Международного конкурса «Вечная память» (к 70-летию Победы)

Автор статьи для III Международного конкурса «О казаках замолвим слово»

Награжден медалью «За труды и Отечество»(2011)

СОДЕРЖАНИЕ

XVIII век

О чем молчат пушки 5
Беглый взгляд 9
О местоположении редута Березового 16
По документам Тобольского архива... 19
О запорожцах замолвим слово 24

XIX век

Два дневника без комментариев 28
Путешествие Государя Цесаревича по казачьему тракту в 1891 году. 52
Елгаштина пашня: войсковой старшина и его потомки 67

XX век

«Золотое» седло княгини Кудашевой 76
Три версии одного события 86
На службе Отечеству 91
Крестный путь игуменьи Евпраксии 101
Две жизни Александра Шехтера 107
Бои местного значения... 110
В погоне за тенью 113
Глубокий след «Красного колеса» 118
Одноклассники. 1941. 145
Николай Лавринов: долгий путь домой 149
Фронтовые дороги Ивана Коваля и Александра Степанова 153
Пресногорьковские страницы биографии Габита Мусрепова 156
Пресногорьковская школа: вехи истории 160

XXI век

Степная колыбель 168
Неслучайные встречи 172
Запах хлеба 174

Листая старые страницы

записки краеведа

Компьютерный набор
Виниченко Сергей Николаевич

Компьютерная верстка, дизайн обложки
Малахова Елена Варсонофьевна

Тираж 150 экз.

Изготовлено индивидуальным предпринимателем Малаховой Е.В.
св-во 45 № 000819815 ИНН 451700036776,
641780, с.Половинное, ул.Победы, 17-10.

Обложка изготовлена в ГУП «Куртамышская типография»
179

Горы ВЕЛИКІЯ
Горы зрѣлые каталіи.
ЕКА
РЕК
ИМИАЛЬ